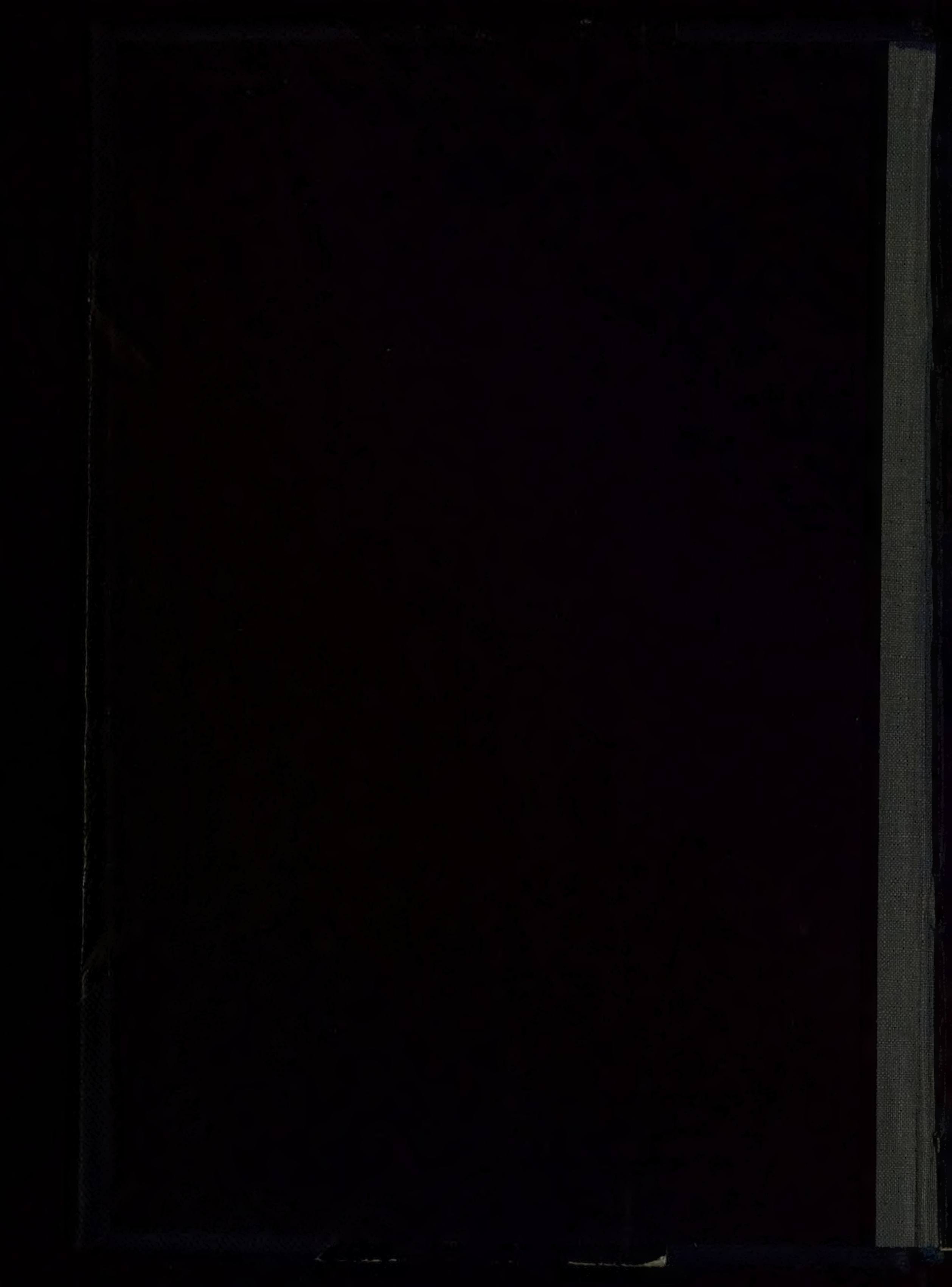
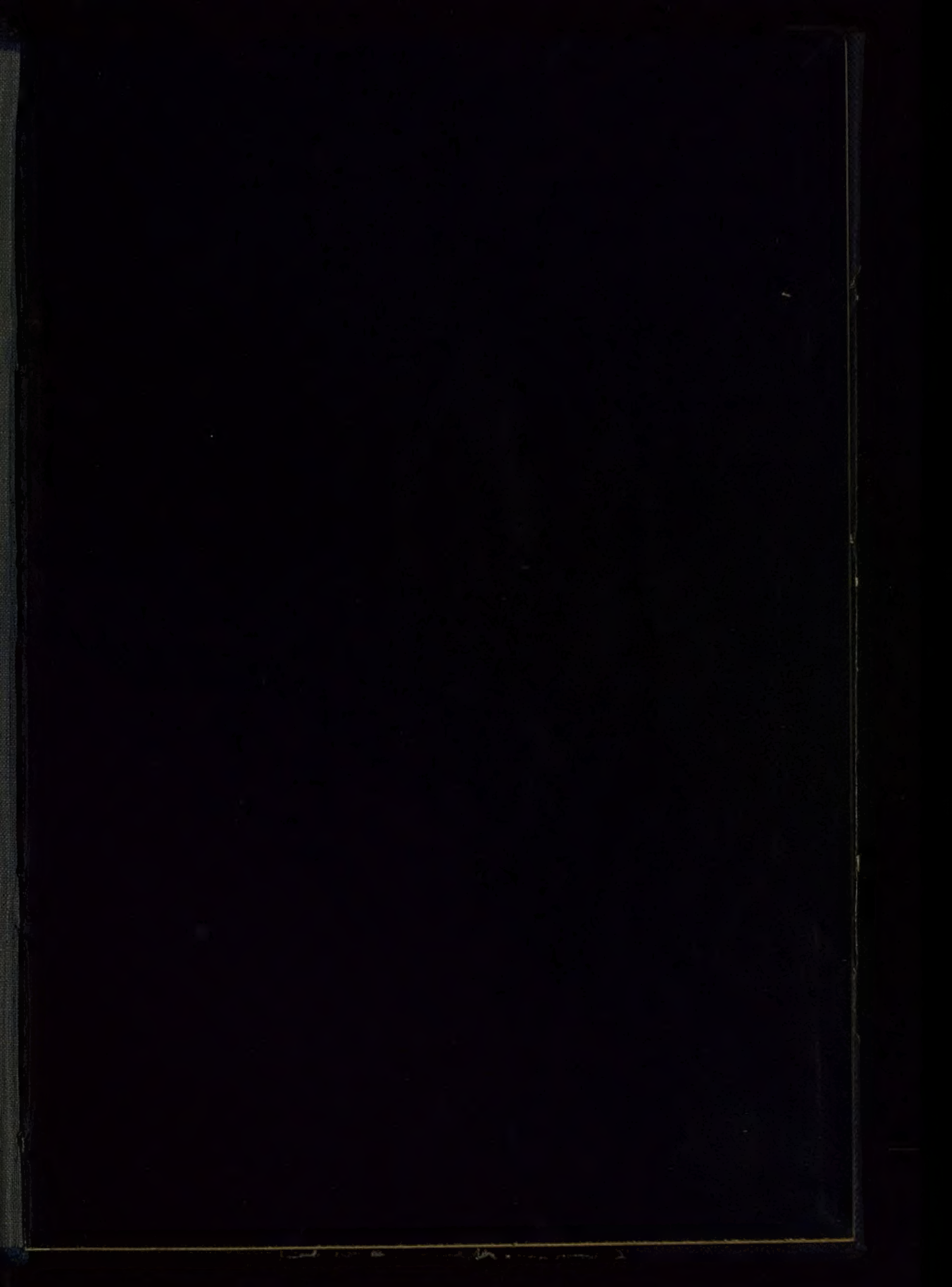

В. Лебедевъ.

ИЗЪ РЯДОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ ВО ФРАНЦІИ.
ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКАГО ФРОНТА И ТЫЛА.
ВЪ МАКЕДОНІИ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.
1916.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Беклей, А. Жизнь и ея дѣти. Очерки животной жизни отъ амёбы до насѣкомыхъ. Пер. проф. В. Львова. 2 руб.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Беклей, А. Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья позвоночныхъ. Пер. проф. В. Львова. Изданіе 2-е. 2 руб.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Беклей, А. Краткая исторія естественныхъ наукъ. Переводъ съ англійскаго проф. В. Львова. 2 руб.

Бемъ, А., и Давыдовъ, М. Учебникъ гистологіи человѣка, со включеніемъ микроскопической техники. Перев. проф. В. Львова. Изданіе 4-е. 3 руб.

Рекомендовано Московской Комиссіей по организаціи домашняго чтенія въ программахъ на 2-ой годъ систематическаго курса.

Кимминсъ, К. Химія жизни и здоровья. Пер. подъ редакціей проф. В. Тимоѳеева. Изд. 2-е. 80 коп.

Лассаръ-Конъ. Введеніе въ химію. Пер. А. Герценштейнъ подъ редакціей проф. Зелинскаго. 1 р. 20 к.

Липлявскій и Гансъ Лунгвитцъ. Радіоэлементы въ медицинѣ. Руководство по біологіи, фармакологіи и клиникѣ радія, мезоторія, торія X, актинія и ихъ эманацій. Для студентовъ и врачей. Переводъ со второго изданія подъ редакціей д-ра Н. М. Кишкина. 2 р. 50 к.

Мензбиръ, М. Введеніе въ изученіе зоологіи и сравнительной анатоміи. Изд. 3-е. 3 руб.

Рекомендовано Московской Комиссіей по организаціи домашняго чтенія. — Рекомендовано Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ Комит. Педагог. Музея военно-учебныхъ заведеній.

Міэ, Г. Жизнь и ея проявленія. Перев. съ дополн. С. Нагибина и Л. Кречетовича. 1 р. 50 к.

Рекомендовано Комиссіей по организаціи домашняго чтенія въ качествѣ основного руководства по біологическому циклу.

Мюръ, П. Химія огня. Перев. подъ редакціей проф. В. Тимоѳеева. 85 коп.

Нернстъ и Шенфлиссъ. Основанія высшей математики. Краткій учебникъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія въ приложеніи къ области естествознанія. Пер. М. Дукельскаго подъ ред. прив.-доц. А. Грузинцева и проф. В. Тимоѳеева. Изд. 2-е. 2 р. 25 к.

Остъ, Г. Учебникъ химической технологіи. Перев. подъ ред. проф. В. Тимоѳеева. Отдѣлъ технологіи сельско-хоз. продуктовъ переработанъ проф. И. Красускимъ, отдѣлъ металлургіи проредактированъ проф. В. Ижевскимъ. Изд. 2-е. 4 р. 80 к.

Рамсей, В. Краткій учебникъ неорганической и физической химіи. Перев. А. Сперанскаго. 1 р. 25 к.

Столѣтовъ, А. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Съ портретомъ и біограф. очеркомъ, составленнымъ проф. К. Тимирязевымъ. 1 р. 25 к.

Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учит. библіотекъ всѣхъ средн. уч. зав., учительск. инстит. и семинарій, учен. ст. возр., библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и допущено въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

Страсбургеръ, Э. Курсъ гистологіи растеній. Руководство къ самостоятельнымъ занятіямъ микроскопической ботаникой и введеніе въ микроскопическую технику. Пер. В. Дейнеги. 1 р. 75 к.

Тимирязевъ, К. Жизнь растенія. Десять общедоступныхъ чтеній. 8-е изданіе. 1 р. 60 к.

В. Лебедевъ.

ИЗЪ РЯДОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ ВО ФРАНЦІИ.
ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКАГО ФРОНТА И ТЫЛА.
ВЪ МАКЕДОНІИ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Всѣмъ еще памятны, конечно, горячія, прочувствованныя строки, въ которыхъ В. Г. Короленко привлекалъ этой весною вниманіе общества къ мартирологу русскихъ волонтеровъ на французскомъ фронтѣ. Позволю себѣ здѣсь нѣсколько первыхъ строкъ повторить дословно.

«Объявленіе войны застало во Франціи и Бельгіи многихъ нашихъ соотечественниковъ. По большей части это была учащаяся молодежь, но порой и люди зрѣлаго возраста, которыхъ особенности нашей современности обрекли на невзгоды скитальческой жизни. Въ душахъ этихъ людей разразившіяся надъ Европой событія отозвались съ особенной болѣзненной рѣзкостью, вызвали сильныя и противорѣчивыя движенія совѣсти и мысли. Когда-нибудь исторія нашей общественности съ сочувственнымъ вниманіемъ остановится надъ этой трагедіей русской скитальческой души, мятущейся въ разнообразныхъ исканіяхъ правды. Въ результатѣ этого движенія значительная часть русскихъ оказалась на поляхъ битвъ въ качествѣ волонтеровъ, сражающихся рядомъ съ нашими французскими, бельгійскими и англійскими союзниками за общее дѣло. Многіе уже пали въ этой борьбѣ, и тѣла ихъ лежатъ въ братскихъ могилахъ на поляхъ Марны, въ Шампани, подъ Аррасомъ и Реймсомъ.

Безъ сомнѣнія, многіе и теперь ложатся на холмахъ и равнинахъ у Вердена.

«Недавно одинъ изъ такихъ волонтеровъ съ большой задушевностью описалъ братскую могилу, въ которой нашли успокоеніе солдаты русскаго отряда, павшіе въ ужасной ночной битвѣ въ Шампани. Товарищъ ихъ по оружію, тоже волонтеръ, бразилецъ, сражавшійся въ томъ же иностранномъ легіонѣ, разсказывалъ нашему соотечественнику: «Они первые пошли въ атаку съ какимъ-то для меня непонятнымъ словомъ на устахъ. И они пали одинъ за другимъ, какъ спѣлые колосья, подкошенные нѣмецкими пулеметами». И, падая, повторяли все то же слово, ободряя имъ другъ друга на смерть...

«Смыслъ его былъ непонятенъ бразильцу, но его, очевидно, хорошо понимали эти люди...

«Неужели это слово, этотъ предсмертный кличъ не найдетъ отклика у насъ, на нашей родинѣ?»

В. Г. Короленко ближайшимъ образомъ приглашалъ общество притти на помощь той жестокой матеріальной нуждѣ, жертвой которой стало такъ много пострадавшихъ волонтеровъ и осиротѣлыхъ волонтерскихъ семей. Но «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», и всякій, кому случалось прислушиваться къ долетавшимъ съ западнаго фронта русскимъ голосамъ, знаетъ, что самою глубокою потребностью нашихъ волонтеровъ съ момента ихъ вступленія на крестный путь являлась жажда сочувственнаго пониманія со стороны родины.

Нужно ли послѣ этого пространно объяснять, какъ долженъ былъ я отнестись къ письму, полученному мною въ качествѣ руководителя иностраннымъ отдѣломъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ далекой Македоніи отъ автора этой книги? Авторъ,—самъ волонтеръ, начавшій при посредствѣ нашей газеты знакомить родину съ судьбами волонтеровъ немедленно по выступленіи

ихъ на поле битвы,—сообщалъ мнѣ, что въ Парижѣ предпринимается изданіе ряда его корреспонденцій во французскомъ переводѣ съ той главной цѣлью, чтобы дать Франціи болѣе ясное понятіе о русскомъ волонтерствѣ, и спрашивалъ моего мнѣнія по вопросу, не было ли бы умѣстно издать ихъ и въ Россіи отдѣльной книгой. «Если бы,—продолжалъ онъ,—вы нашли: «да, стоитъ», и взяли на себя редактированіе сборника, въ него должны были бы войти всѣ статьи, посвященныя волонтерамъ, а изъ другихъ корреспонденцій тѣ, которыя вы найдете интересными и характерными. Такимъ образомъ, не будучи исключительно волонтерскимъ сборникомъ, книга еще разъ напомнитъ объ этомъ явленіи русскому обществу».

Я съ полною готовностью пошелъ навстрѣчу выраженному авторомъ желанію, руководясь при этомъ не только сочувствіемъ къ поставленной имъ для изданія цѣли, но и высокой оцѣнкой, которую я вмѣстѣ съ широкими кругами читателей давно уже привыкъ давать его корреспонденціямъ.

Дѣйствительно, помимо свѣжаго литературнаго таланта, особенно отмѣченнаго способностью, которая опредѣляется у французовъ, какъ puissance d'évocation, статьи В. И. Лебедева неизмѣнно выдавались рѣдкой освѣдомленностью автора во всѣхъ разнообразныхъ областяхъ, откуда онъ черпалъ темы для своихъ живыхъ, полныхъ движенія, теплыхъ и искреннихъ этюдовъ.

Главной изъ этихъ темъ было волонтерство. Здѣсь авторъ былъ поставленъ исключительно благопріятно, чтобы давать изображеніе волонтерскихъ переживаній, ибо раньше, чѣмъ волею судьбы онъ поступилъ въ ряды французской арміи, онъ былъ немало времени офицеромъ русской службы, продѣлавшимъ съ отличіемъ маньчжурскую кампанію. Свой человѣкъ въ кружкѣ интеллигентовъ, пошедшихъ во Франціи на волонтерскій

подвигъ, онъ послѣ общаго ихъ превращенія во французскихъ солдатъ,—и даже еще раньше, во время частной подготовки ихъ къ такому шагу,—естественно сталъ ихъ учителемъ въ томъ дѣлѣ, которое имъ было чуждо и несродно, ему же извѣстно въ профессіональномъ совершенствѣ. Когда же скоро онъ былъ произведенъ во французскій офицерскій чинъ и сталъ ближайшимъ начальствомъ для своей русской группы, то бывшіе товарищи нашли въ подобномъ командирѣ заботливѣйшаго попечителя, стремившагося всячески облегчать для нихъ тягости и опасности службы въ извѣстномъ «иностранномъ легіонѣ», куда по явному недоразумѣнію первоначально были зачислены наши добровольцы. Естественно, что онъ при этомъ зналъ, какъ никто другой, всю внѣшнюю и внутреннюю ихъ жизнь, которая и составляла долго единственное содержаніе его назначенныхъ для русской печати писемъ. Писанныя урывками, то съ передовыхъ позицій,—изъ тѣхъ траншей, которыя заслужили себѣ имя «траншеи смерти»,—то изъ палаты госпиталя, куда привела автора полученная въ этихъ траншеяхъ рана, то изъ казармъ въ тылу или съ мѣста, случайно посѣщеннаго при отпускѣ или командировкѣ, они не представляютъ собой, конечно, сколько-нибудь исчерпывающей исторіи русскаго волонтерства,—тѣмъ болѣе, что авторъ во многомъ связанъ былъ и внѣшними условіями, въ которыя война поставила печать. Но когда позже,—по предсказанію В. Г. Короленко,—изслѣдователи нашей общественности «съ сочувственнымъ вниманіемъ остановятся надъ этой трагедіей русской скитальческой души, мятущейся въ разнообразныхъ исканіяхъ правды», настоящій сборникъ, конечно, будетъ причисленъ ими къ драгоцѣннѣйшимъ матеріаламъ именно потому, что онъ даетъ не обобщенія, составленныя въ уединеніи кабинета, а эпизоды, занесенные спѣшно на памятные листки въ самомъ пылу кровавыхъ

трагическихъ событій, и обвѣянные горячимъ дыханіемъ жизни.

Но авторъ не остался только лѣтописцемъ волонтерства. Невиданная, несравнимая ни съ чѣмъ по грандіозности и сложности война, въ которой судьба заставила его принять участіе, въ концѣ-концовъ, сама не могла не захватить властно его вниманія различными своими сторонами. И здѣсь опять-таки невозможно не признать, что авторъ при наблюденіяхъ своихъ находился въ рѣдкомъ положеніи. При компетентности, какую сообщало его взгляду его профессіональное образованіе, онъ за тѣ мѣсяцы, которые проводитъ на войнѣ, видѣлъ столько, какъ это дано было немногимъ. Онъ самъ подчеркивалъ это въ томъ же своемъ письмѣ, которое вызвало мое участіе въ изданіи настоящей книги. «Видѣлъ я французскую армію и какъ солдатъ, и какъ офицеръ, и въ пѣхотѣ («легіонѣ»), и въ кавалеріи, и на фронтѣ, и въ депо, и во Франціи, и въ Македоніи, и въ кавалерійскомъ штабѣ, и въ пѣхотномъ; словомъ, изучилъ ее за 18 мѣсяцевъ, какъ нельзя лучше, и, конечно, вынесъ чувство глубочайшаго уваженія какъ къ доблести французовъ, такъ и къ необычайному демократизму даже такихъ, казалось бы, недемократическихъ учрежденій, какъ армія». Авторъ, однако, наблюдалъ не только армію. Онъ зорко схватывалъ войну, какъ цѣлое, слѣдя и за военной техникой, и за душевнымъ состояніемъ участниковъ борьбы, описывая и переживанія фронта, и заботы тыла. Попавъ же съ французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ предѣлы Македоніи, онъ далъ и рядъ прочувствованныхъ очерковъ природы и людей въ этой «странѣ печали и смерти», разбитой огнемъ прошлой и нынѣшней войны. По этимъ военнымъ и связаннымъ съ войной бытовымъ сюжетамъ въ печати и воюющихъ и нейтральныхъ странъ, конечно, появились за два года цѣлыя горы очерковъ и корреспонденцій.

И все же письма автора среди нихъ занимаютъ довольно исключительное мѣсто. Тамъ подаетъ обыкновенно свой голосъ резонирующій посторонній наблюдатель; здѣсь говоритъ непосредственный участникъ, что придаетъ его повѣствованію особо захватывающій характеръ.

Отмѣчу въ заключеніе, что, несмотря на внѣшнее разнообразіе темъ, настоящій сборникъ дышитъ глубокимъ внутреннимъ единствомъ. Онъ долженъ считаться «волонтерскимъ» не только потому, что крупную его долю образуютъ статьи о волонтерахъ, но также потому, что и въ другихъ его частяхъ онъ весь проникнутъ тѣми настроеніями, которыя легли въ основу волонтерства,—что онъ съ начала до конца написанъ рукою искреннѣйшаго и убѣжденнѣйшаго волонтера. «Война противъ войны» для этого отважнаго и талантливаго военнаго—не пустое слово.

Условія сношеній между Москвой и Салониками заставили меня при составленіи сборника вполнѣ использовать выданную мнѣ авторомъ carte blanche. И выборъ, и расположеніе статей, и кое-какія внесенныя въ нихъ сокращенія всецѣло остаются на моей отвѣтственности. Первоначально всѣ эти статьи были напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», кромѣ разсказа «Гюставъ Любенъ», заимствованнаго изъ «Ежемѣсячнаго Журнала», а также выдающагося не только по объему очерка «Волонтеръ», печатавшагося съ рукописи, присланной для настоящаго изданія.

Н. Сперанскій.

РУССКІЕ ВОЛОНТЕРЫ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

Объявленіе войны.

Въ іюлѣ 1914 года мы пріѣхали въ Henday-Plage. Солнце, безконечный океанъ, набѣгающій голубыми волнами на песокъ пляжа, отроги Пиренеевъ... Вечеромъ на испанской сторонѣ загорѣлись огни Фуэнтеррабіи, конусообразнымъ амфитеатромъ поднимающейся изъ залива. Нарядная толпа купальщиковъ, купальщицъ, царство дѣтей, музыка... Все тихо, красиво и мирно. И хотя газеты говорили о неизбѣжности европейской войны, хотя въ банкахъ уже не выдавали ни золота, ни серебра, никто, казалось, не чувствовалъ ея возможности. За послѣдніе годы французы привыкли ко всевозможнымъ запугиваніямъ и извѣрились въ нихъ.

На другой день, около 4-хъ часовъ пополудни, я поѣхалъ въ Henday-Ville, лежащій на испанской границѣ, километрахъ въ двухъ отъ пляжа.

«Объявленіе войны Германіей Россіи!»—кричали мальчишки-газетчики. Около вокзала толпа басковъ внимательно слѣдила за коммунальнымъ офицеромъ, наклеивающимъ на стѣну указъ о мобилизаціи.

— Ça y est, всеобщая мобилизація!

Я побѣжалъ отыскивать начальника станціи, чтобы узнать часъ отхода послѣдняго поѣзда на Парижъ. Вѣдь теперь все должно было измѣниться, перейти въ руки военныхъ властей. Онъ былъ гдѣ-то на путяхъ.

— Идемъ вмѣстѣ,—предложилъ мнѣ желѣзнодорожный служащій,—я его тоже ищу. Надо, чтобы онъ меня нынче же отпустилъ, завтра я долженъ быть въ Шербургѣ. Я—запасный матросъ. А вы?

— А я—русскій офицеръ.

— Ah, c'est bien, par exemple. Руку, союзникъ...

Послѣдній поѣздъ отходилъ въ 9 час. вечера.

Когда я подъѣзжалъ къ отелю, по улицамъ шла небольшая процессія. Куча дѣтишекъ и впереди своеобразный муниципальный герольдъ. Онъ билъ изо всѣхъ силъ въ барабанъ, а потомъ громко выкрикивалъ указъ о мобилизаціи. Населеніе выслушивало новость молча.

Въ партерѣ хозяинъ гостиницы, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, спѣшно укладывалъ свои пожитки. Онъ—сержантъ запаса и торопился въ полкъ, куда-то на границу Германіи. Принялся укладываться и я.

Поѣздъ былъ биткомъ набитъ. Много резервистовъ, возвращавшихся изъ Испаніи; еще больше ихъ садилось на станціяхъ, гдѣ мы останавливались на нѣсколько минутъ, захватывали ихъ и неслись на сѣверъ, такой близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій, отрѣзанный отъ насъ неизвѣстностью «сѣверъ». Что дѣлалось на немъ? Можетъ-быть, уже началась знаменитая «attaque brusquée»?

И все купэ, весь вагонъ, весь поѣздъ говорили, говорили безъ конца, говорили всю ночь напролетъ, все объ одномъ и томъ же,—о проклятой, безпощадной европейской войнѣ.

Были какіе-то банковскіе дѣльцы, депутатъ въ черномъ, вылощенные маменькины сынки,—запасные кавалерійскіе офицеры,—комми-вояжеры, крестьяне, и я не знаю еще кто,—люди всѣхъ классовъ и состояній, влѣзавшіе со своими вещами въ первый попавшійся вагонъ и стремившіеся на сѣверъ. И всѣ кляли войну, кляли затѣявшую ее Германію, и никто, *зная*, что она

неизбѣжна, не хотѣлъ, не могъ повѣрить въ эту неизбѣжность.

Только здѣсь всѣмъ своимъ существомъ въ этотъ потрясающій и разнуздывающій моментъ начала войны я понялъ то, чтó предполагалъ теоретически,—безконечное миролюбіе Франціи.

Около полуночи пронеслось: убитъ Жоресъ!.. Какъ, почему? Тайна... Но всѣ сразу рѣшили, что великій трибунъ палъ жертвой «un déséquilibré»,—помѣшаннаго,—и въ этомъ согласномъ, не допускавшемъ иныхъ возможностей приговорѣ сквозило національное единеніе передъ общей бѣдой.

... Ночь близилась къ концу. Въ предразсвѣтной туманности неясно намѣчались контуры небольшихъ обгоняемыхъ поѣздомъ отрядовъ. Они шли важнымъ, медлительнымъ шагомъ пожилыхъ людей, со старинными ружьями на плечахъ, одѣтые въ бѣлые, полотняные «траи» и красно-синія кепи. Во всѣхъ направленіяхъ, со всѣхъ сторонъ тянулись эти бѣлые отряды, уже успѣвшіе выставить сѣдыхъ часовыхъ на мостахъ, на вокзалахъ, вдоль путей. Старая «garde-voie» охраняла дорогу, по которой на защиту Франціи, на помощь ея молодежи, грудью заслонившей границы, неслись свѣжія силы. И было что-то безконечно трогательное и величественное въ этихъ бѣлыхъ фигурахъ старыхъ солдатъ, въ предразсвѣтномъ туманѣ надвигающагося дня уже занявшихъ свои посты. Это были первые символы поднявшейся Франціи...

Парижъ,—торжественный и серьезный,—не осквернилъ себя, какъ и вся Франція, вакханаліей воинствующихъ манифестацій. Чувство ненависти къ переступившему всѣ законы врагу вылилось позднѣе, послѣ поруганія германцами Бельгіи, въ нехорошемъ припадкѣ подонковъ улицы, разгромившихъ нѣмецкіе магазины. Но воинствующихъ, торжествующихъ, шовинистическихъ конвульсій городъ Свободы не зналъ.

Одна прекрасная и великая процессія прошла по его улицамъ. Францiя хоронила своего генія мира, пламеннаго Жореса. И въ безчисленной толпѣ, въ глубокомъ молчаніи слѣдовавшей за его останками,—въ толпѣ, объединившей всѣхъ, отъ премьеръ-министра до синдикалистовъ и анархистовъ, въ толпѣ, надъ которой рѣяли красныя знамена, въ толпѣ, объятой скорбью по сраженномъ геніи и гнѣвомъ передъ нашествіемъ врага,—родилось и горѣло то прекрасное чувство свободнаго патріотизма, свободнаго народа, которое такъ удивительно вѣрно опредѣлилъ усопшій.

«Vive Jaurès!»—кричала толпа, когда гробъ, окруженный небольшой группой близкихъ людей и делегацій, разлучился съ нею и черезъ Сену двинулся къ вокзалу набережной Orsay.

«Vive Jaurès! Жоресъ, поборникъ права, мира и справедливости»,—съ этимъ кличемъ Франція вступала въ жестокую, навязанную ей войну. Этотъ кличъ, претворенный во вдохновенныя импровизаціи въ устахъ Вивіани и Дешанеля, облетѣлъ всю страну, всѣ самые глухіе закоулки ея, въ которые только могъ проникнуть муниципальный или коммунальный расклейщикъ афишъ Французской республики.

Запись въ волонтеры.

Среди массы добровольцевъ, предложившихъ свои услуги Французской республикѣ, едва ли не самой любопытной группой является отрядъ русскихъ эмигрантовъ. Война, охватившая почти всю Европу, поставила сложный и тяжелый вопросъ «какъ быть?» передъ оторванными отъ родины русскими. Вопросъ этотъ былъ ими рѣшенъ по-разному. Кто предложилъ свою помощь въ видѣ медицинскаго персонала, кто въ видѣ рабочихъ рукъ, кто принципіально остался въ сторонѣ. Кромѣ того, въ средѣ парижской русской колоніи нашлась группа лицъ, рѣшившая, что необходимо съ оружіемъ въ рукахъ выйти на защиту Франціи. Эта сравнительно малочисленная группа быстро увеличилась новыми членами и уже 16-го августа н. ст., заручившись французскимъ инструкторомъ изъ запасныхъ капраловъ, начала военныя занятія. Мѣстомъ этихъ занятій было помѣщеніе кинематографа на rue Tolbiack, любезно предоставленное мэріей этого округа. Кромѣ инструктора-француза, обученіемъ волонтеровъ занимались два русскихъ эмигранта, служившихъ раньше офицерами въ русской арміи и знавшихъ французскіе уставы. Обученіе велось на всѣхъ парахъ, и къ 22-му августа, дню записи волонтеровъ, 120 человѣкъ членовъ группы знали всѣ необходимые простѣйшіе военные пріемы.

Составъ группы былъ самый пестрый. Большая

часть—эмигранты, но присоединился кое-кто и изъ легальныхъ русскихъ; по политической окраскѣ тутъ представлены были всѣ разновидности нашихъ лѣвыхъ партій, до анархистовъ включительно; по роду занятій—рабочіе, студенты, писатели, художники; по происхожденію—великоруссы, малороссы, поляки, евреи, грузины, эстонцы и даже одинъ болгаринъ.

Среди массы волонтеровъ, запрудившихъ Place des Invalides, гдѣ производилась запись, эта горсточка людей производила самое благопріятное впечатлѣніе какъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и бросавшейся въ глаза внутренней дисциплиной и нѣкоторымъ знаніемъ военнаго строя, хотя въ ея средѣ было не больше 15-ти человѣкъ, служившихъ раньше въ арміи. Пройдя черезъ медицинскій осмотръ, группа была зарегистрирована въ рекрутскомъ бюро. Окончательный составъ ея послѣ осмотра опредѣлился въ 81 человѣкъ, и завѣдующій наборомъ полковникъ любезно согласился послать ее, чтобы не разбить единства, въ dépôt, гдѣ не было другихъ русскихъ отрядовъ. Такимъ мѣстомъ явился Орлеанъ. Бывшіе русскіе офицеры, записавшіеся со своими товарищами штатскими тоже простыми солдатами, получили приказъ на другой же день отвести къ мѣсту службы группу.

Прибывъ въ Орлеанъ, группа русскихъ эмигрантовъ произвела отличное впечатлѣніе своей организованностью не только на мѣстное начальство, но и на населеніе и мѣстную прессу. Всѣ назначенные въ Орлеанъ волонтеры другихъ національностей были распредѣлены по сержантамъ-инструкторамъ, по 46 человѣкъ на каждаго. Исключеніе было сдѣлано для русскихъ: ихъ всѣхъ 81 человѣка назначили къ одному сержанту, фактически же все дѣло обученія оставили въ рукахъ обоихъ товарищей-офицеровъ.

Черезъ нѣсколько времени рѣшено было выбрать изъ волонтеровъ всѣхъ раньше служившихъ въ иностран-

ныхъ арміяхъ, пополнить ихъ кадрами, пришедшими изъ Африки (иностранный легіонъ), и такимъ образомъ составить батальонъ первой очереди. И опять-таки исключеніе было сдѣлано для русской группы. Ея дисциплинированность и сплоченность побудили французское начальство не разбивать ея, а, наоборотъ, *цѣликомъ* включить въ одну изъ ротъ батальона первой очереди, хотя, какъ выше было сказано, въ группѣ было не больше 15-ти человѣкъ бывшихъ солдатъ. Товарищи-офицеры, произведенные къ этому времени въ сержанты, перешли вмѣстѣ съ группой въ первую роту. По счастливой случайности въ этой ротѣ оказался среди старыхъ легіонеровъ одинъ сержантъ и одинъ капралъ, русскіе по происхожденію, и, такимъ образомъ, въ каждомъ взводѣ получилось русское начальство и явилась возможность объясненія упражненій на русскомъ языкѣ. Къ этимъ 81 человѣкамъ прибавлено было еще около 20—25 русскихъ, бывшихъ солдатъ, пришедшихъ въ dépôt позднѣе, и въ ротѣ образовалось дружное русское ядро, значительно превосходящее другія національности. Забавно и трогательно было слышать, какъ капралъ-легіонеръ, раньше критически относившійся къ новымъ питомцамъ, съ гордостью хвастался своимъ отдѣленіемъ: «О, у меня въ отдѣленіи есть одинъ депутатъ первой Думы Onipko, есть докторъ, есть художникъ, есть студенты».

Несмотря на холодное и дождливое время, вовсе негодное для лагернаго времяпрепровожденія, несмотря на долгіе марши съ полной выкладкой (около двухъ пудовъ) въ цѣляхъ тренировки, группа отлично справилась съ военной премудростью и къ концу перваго мѣсяца въ составѣ первоочереднаго батальона двинулась на передовыя позиція. Къ этому времени товарищи-офицеры были произведены—одинъ въ лейтенанты, съ оставленіемъ въ ротѣ, и другой—въ капитаны (не по русскимъ чинамъ), съ отчисленіемъ въ dépôt.

Въ походѣ.

Солнце спускалось къ западу. Легіонъ, сдѣлавъ последній привалъ, подходилъ къ Ля-Феръ-Шампенуазъ. Это—нашъ первый переходъ на пути къ передовымъ позиціямъ. И хотя пройдено не Богъ вѣсть какое разстояніе, люди съ непривычки утомились. Однако къ мѣстечку головная рота подходитъ съ пѣснями.

Головная рота сегодня—наша. Впереди первой секціи легко идетъ Лессеръ, самый старый лейтенантъ французской арміи. Онъ со дня на день ожидаетъ производства въ капитаны и душою уже не съ нами. За нимъ переваливается сержантъ Гюнтеръ, рыжій, толстый, красный «африканскій крабъ», «дѣлающій» въ легіонѣ свой пятнадцатый годъ. Добродушный эльзасецъ то и дѣло приглаживаетъ усы и прикладывается къ баклагѣ съ виномъ. Секція Лессера тщетно пытается завести пѣсню. У нея никогда ничего не выходитъ изъза слишкомъ разнообразнаго состава пѣвцовъ. Тутъ эльзасцы, бельгійцы, испанцы, три русскихъ еврея, одинъ нѣмецъ и старые легіонеры,—народъ по большей части не пѣвучій. Дѣло кончается протяжной пѣсенкой, которую громко выводитъ испанецъ Мора:

Моя невѣста мнѣ сказала, что не любитъ меня,
Потому что лицо у меня грязное!
А!.. если лицо мое грязное, сердце у меня чистое...
И потомъ не даромъ говорятъ люди, что самый блестящій брилліантъ
Рождается изъ грязнаго угля...

У меня во второмъ взводѣ насчетъ пѣнія гораздо лучше. Но составъ взвода располагаетъ къ постоянной борьбѣ двухъ теченій. Въ немъ почти поровну настоящихъ легіонеровъ, забубенныхъ африканскихъ головушекъ, и русскихъ волонтеровъ, не говорящихъ по-французски. Счастливый случай свелъ въ одной секціи меня и сержанта «Коко», когда-то проштрафившагося русскаго офицера, вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ поступившаго подъ вымышленной фамиліей простымъ солдатомъ въ легіонъ. Потому во вторую секцію и собрали нашихъ не говорящихъ по-французски компатріотовъ. Все обученіе ведется на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ. На двухъ языкахъ пробуетъ вестись и пѣніе, но, надо сказать правду, въ этой области царитъ французское засилье. «Вдоль да по рѣчкѣ», несмотря на отчаянныя усилія безбожно фальшивящаго запѣвалы-крикуна, проваливается, и легіонеры, натѣшившись фіаско русскихъ, запѣваютъ «маршъ второй секціи». Черный, нагловатый капралъ Бодуэнъ, бывшій сыщикъ и торговецъ живымъ товаромъ, вкупѣ съ бѣлобрысымъ Бурильономъ, предложеннымъ къ разжалованью за кражу спичечницы у товарища, набравъ въ себя воздуха, съ вызовомъ выбрасываютъ начальныя фразы:

Вильгельмъ проклятый разбойникъ,
Коронованный апашъ...

и заканчиваютъ обѣщаніемъ освѣжевать его, «какъ свѣжуютъ свинью». Секція дружно подхватываетъ припѣвъ: «Это изъ-за свободы міра мы сражаемся». Припѣвъ поютъ и выучившіе его наизусть русскіе.

Иное дѣло—третья секція. Она на три четверти русская; и здѣсь вопроса не можетъ быть о французскихъ пѣсняхъ. Разудалый солдатъ Топельбергъ затягиваетъ «Дуню», заливается подголоскомъ Сергѣй Борода, сосредоточенно гудитъ Степанъ Николаевичъ Слетовъ,

черезъ силу подпѣваетъ ослабѣвшій русскій итальянецъ Дель-Перуджіо, дружно вторитъ весь взводъ, включая и французовъ. И даже чернобородый «адъютантъ» Доффэнъ мурлычетъ подъ-носъ: «Пойдіёмъ, пойдіёмъ, Дуніа»...

Главные артисты въ четвертой секціи. Въ ней подобрались молодецъ къ молодцу. Рослые, плечистые, сплошь русскіе,—они не ударили бы въ грязь лицомъ на правомъ флангѣ гвардейскаго полка. Тодосковъ, Онипко, Богушко, Эккъ, Соколовъ, Харитоновъ,—вся первая «эскуада» головой выше остальной роты. И поютъ здѣсь прекрасно. За сердце хватаетъ прочувствованный теноръ Яковлева, порой весь хоръ покрываетъ густой басъ Экка, и свободная русская пѣсня широко несется подъ небомъ Шампани. Заслушался ротный капитанъ Тортель.

— Хорошо поютъ ваши русскіе, — говоритъ онъ мнѣ.—О чемъ они поютъ?

О чемъ? О своемъ: «На бой кровавый, святой и правый»... Но какъ подходитъ эта пѣсня къ сегодняшнему дню!

Вотъ и Ля-Феръ-Шампенуазъ. Легіонъ подтягивается. «Смирно»,—кричитъ начальство; сержанты подсчитываютъ: «Разъ, два, разъ, два»; горнисты трубятъ въ задымленныя трубы пѣхотный маршъ:

> Одно су въ день,
> Десять су въ прэ... (прэ—десять дней; срокъ выплаты жалованья).

и легіонъ молодцевато входитъ въ мѣстечко. Насъ встрѣчаетъ сначала «кампманъ»,—нарядъ по расквартированію,—а потомъ и населеніе. Капралъ-фурье съ продавленнымъ носомъ разводитъ первую роту по отведеннымъ ей сараямъ и чердакамъ.

На небѣ уже замерцали звѣзды, когда Тортель, Лессеръ и я, обойдя всѣ помѣщенія нашего участка, вы-

шли на главную улицу и отправились блуждать по мѣстечку. Еще недавно оно было занято нѣмцами, и Лессеръ съ нетерпѣніемъ стремится увидѣть слѣды разгрома. Онъ ненавидитъ отъ всего сердца «бошей» и страшно удивленъ, не встрѣчая ожидаемаго зрѣлища.

Въ мелочной лавкѣ бойкая хозяйка совершенно разочаровываетъ Лессера.

— Въ моемъ домѣ,—трещитъ она,—были на постоѣ три офицера. Два молодыхъ и старый. Молодые платили золотомъ и держали себя очень любезно, а старый безъ конца ворчалъ и за все норовилъ дать полцѣны. Видно, у него семья большая...

— Гм,—издаетъ Лессеръ,—можно сказать, что эти свиньи вели себя по-рыцарски....

— Вотъ именно,—подхватываетъ лавочница,—очень, очень мило. Солдаты смѣшные, все насъ увѣряли: «Парисъ — тритцать километрофъ. Послѣ сафтра — Парисъ»,—и на пальцахъ показывали тридцать. А когда мы имъ разъяснили, что до Парижа еще добрыхъ сто тридцать километровъ, не хотѣли вѣрить: «Непрафта, непрафта»,—и махали руками.

— А, канальи,—хохочетъ Лессеръ,—здорово имъ начальство втерлю очки. Но все-таки, неужели же они ничего не пограбили?

— Ну, этого сказать нельзя. Тѣ, кто скрылся передъ ихъ приходомъ, немного нашли, воротясь домой. Особенно въ погребахъ съ шампанскимъ.

— Гм,—мычитъ «самый старый лейтенантъ французской арміи».—Вы знаете, мой капитанъ,—обращается онъ къ Тортелю,—я не разъ вспомню то, что видѣлъ сегодня, когда мы войдемъ въ Германію. Они не такіе ужъ разбойники, по крайней мѣрѣ, не всѣ.

— Чѣмъ можно объяснить приличное поведеніе нѣмцевъ?—спрашиваетъ Тортель.

— О,—вмѣшивается въ разговоръ сѣдой госпо-

динъ,—многимъ. Во-первыхъ, начальствомъ. Командиръ проходившаго черезъ Ля-Феръ корпуса, говорятъ, отдалъ строгій приказъ. Почему онъ его отдалъ? Можетъ быть, оттого, что онъ—порядочный человѣкъ; можетъ быть, въ надеждѣ на скорое взятіе Парижа,—чтобы зря не раздражать населеніе и не разрушать богатой «завоеванной» провинціи, а, можетъ быть, не желая нарушать нѣмецкихъ интересовъ. Вѣдь вся Шампань кишьмя-кишѣла до войны ихъ торговыми фирмами и помѣстьями.

— Что правда, то правда, господинъ докторъ,—поддакиваетъ старику хозяйка,—нѣмцы насъ завоевали еще до войны.

Мы раскланиваемся и выходимъ.

Съ далекаго безоблачнаго неба свѣтила полная луна. Въ чистомъ воздухѣ четко вырисовывались, словно безконечные ряды ружейныхъ козелъ, виноградныя подпорки на ближнихъ холмахъ. По освѣщеннымъ уличкамъ сновали солдаты и жители, куда-то вели муловъ, выѣзжалъ запоздавшій обозъ и медленно проходили патрули. На большой дорогѣ, у околицы, Лессеръ прочелъ:

«Vertus, двадцать пять километровъ».

Это нашъ завтрашній переходъ.

— Ха-ха-ха... Добродѣтели! Ну, и удружили же. Первый разъ въ жизни, а мнѣ добрыхъ 35 лѣтъ, я замарширую по пути добродѣтелей...

— Въ самомъ дѣлѣ, это занятно видѣть васъ, Лессеръ, на такой необычной дорогѣ. Вы—добрый малый, но...

— Во всякомъ случаѣ, мой капитанъ, не слишкомъ напирайте. Добродѣтели, ха-ха-ха!

— Однако, господа, не пора ли намъ обѣдать,—подалъ и я свой голосъ.

Мы поворачиваемъ и идемъ обратно.

— Иногда меня охватываетъ стремленіе къ философіи,—начинаетъ неугомонный лейтенантъ,—особенно въ такіе вечера и особенно при мысли о добродѣтеляхъ.

Я вѣдь—старый легіонеръ, прошедшій насквозь Марокко, Алжиръ и пустыню и въ итогѣ хорошо пожившій. И что же, знаете, къ какому я пришелъ выводу? Первое: добродѣтели, это—свободное отъ Бога и чорта существованіе, такое, какое вамъ подсказываетъ ваше сердце и разумъ. А такъ какъ сердце и разумъ людей имѣютъ въ своей основѣ много общаго, то и добродѣтели для человѣчества, стоящаго на одномъ уровнѣ развитія, тоже общи...

— Вы тутъ что-то смѣшиваете, мой другъ: существованіе, добродѣтели...

— Э, мой капитанъ, не придирайтесь къ словамъ. И потомъ вопросъ о смерти. Для меня его не существуетъ. Что такое смерть? Раствореніе въ природѣ,—вонъ въ тѣхъ звѣздахъ, поляхъ, виноградникахъ.

Гдѣ я слышалъ то же исповѣдываніе своеобразнаго пантеизма? Что-то неуловимо знакомое во всей обстановкѣ, въ этой ночи, въ собесѣдникахъ... То было давно, въ Крыму; молодой русскій офицеръ въ такую же звѣздную, синюю ночь говорилъ мнѣ такія же слова у подножія покрытыхъ виноградниками склоновъ, а вдалекѣ шумѣло море. И еще слышалъ я ихъ отъ Вани Воейкова, поручика резервнаго полка, въ далекой,—ахъ, какой далекой!—Маньчжуріи. Отошла битва, схоронили мертвыхъ, и въ синюю-синюю, звѣздную ночь, собравшись въ кругъ, пѣла охотничья команда любимую пѣсню:

Завтра можетъ въ эту пору
Насъ на ружьяхъ понесутъ
И, собравшись дружнымъ хоромъ,
Память вѣчную споютъ...

— Ну, что-жъ, братъ, помирать, такъ помирать,— задумчиво говорилъ Воейковъ.—«Земля еси и въ землю отыдеши», разойдешься по степи, по горамъ, по звѣздамъ.

— А затѣмъ,—продолжаетъ Лессеръ,—главное—темпераментъ. Разъ ваши понятія установлены, все остальное зависитъ отъ него. У меня темпераментъ веселый и жизнь моя веселая, и ужъ я-то ее не омрачу всякими благоглупостями. А потому умирать буду тоже весело, съ музыкой. A la française.

— Вы, мой другъ, настоящій философъ,—говоритъ Тортель,—хотя и оптимистъ.

Ну, вотъ, мы у цѣли.

Дѣйствительно, передъ нами — ресторанъ «Святого Мартина», рекомендованный господамъ офицерамъ.

Разбитыя стекла оконъ, сорванные ставни и двери еще снаружи предупреждали, что «Святой Мартинъ» подвергся нерыцарскому обращенію со стороны пруссаковъ. Расколотыя зеркала, изломанная мебель, поцарапанныя стѣны внутри. Тѣмъ не менѣе отель кипѣлъ лихорадочной жизнью, и ни въ одной изъ трехъ залъ мы не нашли мѣста. Офицеры заполонили всѣ столы. Между ними, обливаясь потомъ, шмыгали два лакеямальчишки и красивая, полная дама,—хозяйка гостиницы.

— Лакомый кусочекъ,—проронилъ Лессеръ и даже глаза зажмурилъ отъ удовольствія, созерцая хозяйку.

Она, наконецъ, обратила на насъ вниманіе.

— Ахъ, господа офицеры, что мнѣ съ вами дѣлать? У меня нѣтъ совершенно мѣста. Если позволите, я накрою вамъ на кухнѣ.

— О, мадамъ, — загалантничалъ Лессеръ, — ваше сосѣдство вознаградитъ насъ съ избыткомъ...

— Только я должна васъ предупредить,—вина не ждите. Нѣмцы все выпили. Мы сдѣлали глупость, скрылись передъ ихъ приходомъ, и вотъ, видите, въ какое состояніе привели эти собаки нашъ домъ.

Однако на кухнѣ дымъ стоялъ коромысломъ, и нечего было думать устроиться тамъ съ ужиномъ.

— Впрочемъ, гдѣ же моя голова,—хлопнула себя по лбу хозяйка.—Вѣдь вы можете отлично поужинать въ задней комнатѣ, въ очень хорошемъ обществѣ...

— Главное, чтобы оно было веселое,—перебилъ Лессеръ.

Хозяйка переглянулась съ лысымъ мужемъ, ничего не отвѣтила и открыла дверь въ задней стѣнѣ кухни. Мы вошли въ небольшую комнату, почти цѣликомъ заполненную столомъ. Вокругъ него сидѣло нѣсколько мужчинъ и женщинъ, довольно оживленно разговаривавшихъ между собой.

— Добрый вечеръ, господа!—раскланиваясь на всѣ стороны, сказалъ Тортель.

— Такъ неожиданно и пріятно встрѣтить въ зонѣ арміи штатское общество,—началъ трещать Лессеръ и остановился въ ожиданіи реплики. Ея не послѣдовало. Сидѣвшіе за столомъ наклонили головы въ знакъ привѣтствія, и мы усѣлись среди полнаго молчанія, немного обезкураженные ледянымъ пріемомъ.

— Однако,—шепнулъ Лессеръ,—что за странная компанія? Можно подумать, что мы на похоронахъ.

Дѣйствительно, въ тускломъ свѣтѣ керосиновой лампы это общество выглядѣло нѣсколько необычно. Что-то общее легло на усталыя лица стариковъ, старухъ и молодыхъ женщинъ. И даже въ одеждѣ ихъ было что-то общее.

— Zut! Всѣ въ черномъ,—продолжалъ теперь мой коллега.—Прекрасный вечеръ сегодня, въ такое время даже воевать весело,—громко заговорилъ онъ въ пространство.

Никто не поддержалъ разговора. Хозяйка внесла супъ. Всѣ застучали ложками.

— Чортъ,—снова шепнулъ Лессеръ,—мы кажется попали на сѣверный полюсъ.

Справа отъ меня—толстый, сѣдой господинъ, похо-

жій на банкира. Отъ старости руки у него дрожатъ и заливаютъ супомъ длинную бороду. Въ промежуткахъ между ѣдой онъ складываетъ руки на животъ и громко-громко вздыхаетъ. Рядомъ съ нимъ—женщина среднихъ лѣтъ съ жилистыми, огрубѣвшими на работѣ руками, съ неподвижнымъ лицомъ задумавшейся крестьянки, въ шляпѣ съ гроздью винограда изъ чернаго стекляруса. Дальше—молодая, изящная дама, блѣдная и надломленная, въ роскошномъ траурѣ съ rue de la Paix. Около нея—бонна съ годовалымъ ребенкомъ. Мальчонка заливается яркимъ смѣхомъ и вызываетъ громкое одобреніе Лессера. За бонной—небольшой, пожилой господинъ, очень нервнаго вида, съ синими прожилками на лицѣ, со свороченнымъ набокъ носомъ. Ему невтерпежъ наступившее молчаніе, и онъ первый возобновляетъ разговоръ.

Разговоръ ихъ страненъ и непонятенъ намъ. Несомнѣнно только было одно: что этихъ людей связывали какіе-то общіе интересы, сопряженные съ поѣздками въ разные концы департамента.

— Ну, что, мадамъ,—спрашиваетъ блѣдную даму нервный господинъ,—нашли вы себѣ что-нибудь?

— Нѣтъ, мосье Базенъ, я цѣлый день ѣздила и ничего не нашла. Все сто пятьдесятъ первый, сто пятьдесятъ первый,—безъ конца.

— А вамъ какой нужно?—спрашиваетъ съ противоположнаго конца сухенькій, сѣдой, какъ лунь, старичокъ.

— Мнѣ сто сорокъ седьмой...

— Такъ это же въ сторонѣ Конантра. У самой рѣчки, передъ мостомъ, я сегодня видѣла не меньше десяти,—вмѣшивается крестьянка съ неподвижнымъ лицомъ.

— Завтра же ѣду туда, вотъ спасибо вамъ большое,—съ радостью говоритъ блѣдная дама.—Можетъ быть, мнѣ повезетъ, какъ мосье Ру. Онъ совершенно

случайно нашелъ свою по дорогѣ въ Кургансинъ. И былъ такъ радъ. Вы подумайте, онъ уже цѣлый мѣсяцъ ищетъ повсюду, а тутъ случайно у самой дороги.

Лессеру невтерпежъ. Онъ наклоняется къ сосѣду и тихонько спрашиваетъ: «Нельзя ли узнать, что̀ ищутъ эти мадамъ и мосье?»

— Видите ли,—глухимъ басомъ громко объясняетъ старикъ,—въ тылу армій родные имѣютъ право разъискивать могилы своихъ убитыхъ. Ну, около Ля-Феръ происходили горячіе бои. Вотъ мы, родственники солдатъ дивизіи, дравшейся въ окрестностяхъ, избрали Ля-Феръ отправнымъ пунктомъ. Отсюда мы разъѣзжаемся каждый день во всѣ концы, осматриваемъ поля, опушки, деревни, ручьи, по которымъ проходила линія фронта, разспрашиваемъ жителей, разыскиваемъ всѣ могилки. По вечерамъ дѣлимся видѣннымъ другъ съ другомъ и, случается, находимъ дорогія могилы...

— Какой ужасъ!—невольно вырвалось у капитана.

— Ужасъ, ужасъ, мосье,—подхватилъ нервный господинъ.—Вы бы видѣли, что было послѣ битвы въ окрестностяхъ Парижа, когда нѣмцы повернули на Марну. Я разыскивалъ тогда своего перваго сына... О, господа, что это было! Яркое солнце и ряды труповъ. Все поле въ трупахъ, рощи въ трупахъ, деревни разбитыя, снесенныя до основанія, покрытыя трупами. Направо, налѣво, позади, спереди,—всюду мертвые, мертвые безъ конца. Ихъ и наши. И вы знаете, самое страшное было—эти проклятые, красные штаны... Видѣть ихъ не могъ. Горятъ на солнцѣ, и всюду, куда ни посмотришь,—красное, синее и сѣро-зеленое, перемѣшанное, исковерканное, и все—мертвое. А между ними бѣгали обезумѣвшіе родственники. Женщины наклонялись, переворачивали тѣла и бѣжали дальше. Растрепанныя, съ дикими глазами... А когда находили случайно... Подъ Мо, въ одномъ мѣстѣ, въ узкомъ проходѣ, нѣмецкіе трупы за-

прудили весь проходъ и стояли,—стояли сплошной стѣной. Оттуда, навѣрное, и пошла легенда объ изобрѣтеніи Тюрпена...

— Что же, вы нашли своего сына?—перебилъ его молчаливый господинъ, сидѣвшій въ темномъ углу.

— Нѣтъ,—вздохнулъ разсказчикъ.—А потомъ правительство опомнилось и запретило эти розыски. Изъ Парижа вытребовали всѣхъ пожарныхъ и саперовъ, чтобы зарыть мертвыхъ...

Обѣдъ подходилъ къ концу. Странное общество разговорилось окончательно, и только мы молчали, какъ убитые.

— О, чортъ,—промолвилъ Лессеръ, когда мы вышли на залитую луннымъ свѣтомъ, засыпающую улицу,—какая печальная штука—война!

На передовыхъ позиціяхъ.

I.

Я уже разсказывалъ вамъ, какъ нашъ батальонъ двинулся на передовыя позиціи. За время лагерной стоянки мы немного пообчистились отъ больного и слабаго элемента и, уменьшившись количественно, выиграли качественно. Выступленіе въ бой вызвало въ русскихъ взрывъ радости. И интересно было видѣть, какъ восторженный противникъ милитаризма, увязшій по горло въ книгахъ и слабый физически товарищъ Викторъ тянулся изъ послѣднихъ силъ и приставалъ къ намъ съ вопросами: «Хорошій ли я солдатъ? Похожъ ли я на настоящаго солдата?». Солдатъ перваго класса, «продѣлавшій» 14 лѣтъ въ иностранномъ легіонѣ, арабъ Азарія, принялъ теоретика подъ свое покровительство, ухаживалъ за нимъ, какъ нянька, и съ гордостью говорилъ: «У него—всѣ недостатки и только одно достоинство: онъ не знаетъ страха. Если бы у него было другое ближайшее начальство, его давно бы забраковали, а со мной онъ похожъ на солдата. Только все читаетъ». Дѣйствительно, Викторъ гдѣ-то умудрился достать «Антидюринга» и читалъ его въ самыхъ неудобныхъ для сего положеніяхъ. Теперь, когда Азарію ранили, Виктору стало очень тяжело.

Насъ мало озабочивала кампанія, открытая въ Парижѣ нѣкоторыми лидерами обѣихъ соціалистическихъ партій противъ волонтерства. Основныя положенія, толкнувшія насъ впередъ, къ борьбѣ съ бронированнымъ германскимъ кулакомъ, были настолько ясны, общедоступны и, главное, настолько глубоко-человѣчны, что всякіе аргументы «охранителей началъ» вызывали въ насъ только нѣкоторое недоумѣніе и, конечно, не могли ни смутить, ни даже сильно огорчить.

Большой ущербъ дѣлу волонтерства принесла смерть Ф. В. Волховскаго. Старый боецъ съ душою юноши, сохранившій до старости чувство настоящей высшей справедливости и человѣческой морали, наканунѣ своей смерти и наканунѣ войны въ своихъ статьяхъ призывалъ русскихъ встать на защиту маленькой Сербіи, а въ письмахъ, предугадывая грядущій конфликтъ, писалъ, что въ надвигающейся страшной борьбѣ не словомъ, а дѣломъ мы должны испробовать твердость нашихъ убѣжденій въ рядахъ союзныхъ армій.

Однимъ изъ самыхъ совершенныхъ солдатъ у насъ оказался членъ первой Думы Ѳедотъ Михайловичъ Онипко. Начальство сразу выдѣлило образцоваго подчиненнаго. И то сказать, еще за 20 дней до пріема волонтеровъ Онипко началъ свою военную подготовку: спалъ на голомъ полу и ходилъ по 20 километровъ въ утро. Это въ Парижѣ-то!.. Къ сожалѣнію, ему не пришлось проявить свою энергію и поистинѣ нечеловѣческую физическую силу въ настоящемъ бою. Въ траншеяхъ около К.... намъ выпалъ тяжелый денекъ. Нѣмецкіе «чемоданы» (французы ихъ прозвали «grosses marmites») и шрапнели непрестанно рвались у пріютившей насъ опушки лѣса. Сперва это только занимало, «чемоданы» взрывали землю впереди, ломали и валили лѣсъ позади, и въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ умирающей осени маленькія, бѣлыя облачка рвущейся шрапнели казались

такими невинными и красивыми. Надъ нами непрестанно рѣяли аэропланы, оставляя за собой свѣтло-дымчатыя ленты, по которымъ нѣмецкая артиллерія и разсчитывала свою стрѣльбу по насъ. Все это было красиво и ново. Солдаты вылѣзали изъ траншей, чтобы посмотрѣть, гдѣ упалъ снарядъ. Однако, мало-по-малу, огонь сталъ дѣйствительнымъ. Сперва ранило моего взводнаго Болитера, побѣжавшаго подъ снарядами дѣлать указанія часовымъ. Вскорѣ убило въ первомъ взводѣ Летена. Осколокъ снаряда пробилъ грудь и сердце солдата. Я пришелъ посмотрѣть на него. Онъ лежалъ въ траншеѣ съ полуулыбкой на устахъ, черные усики кверху, кепи на бокъ и какъ будто спалъ. Лицо симпатичное и безконечно спокойное. «Что же,—подумалъ я,—онъ будетъ нашимъ гостемъ». У меня во взводѣ у подножія дуба кѣмъ-то была вырыта настоящая могилка. «Вотъ,—сказалъ я, занимая траншею,—если когонибудь убьютъ изъ насъ, не надо будетъ работать». Сказалъ Лессеру (командиръ перваго взвода), что покойника можно пріютить у меня во второмъ взводѣ, и вечеромъ Летена похоронили у подножія дуба на одномъ уровнѣ съ траншеями и рядомъ съ ними.

Послѣ обѣда ранило осколкомъ въ голову Шлейфера Менделя. Шлейферъ не захотѣлъ итти на перевязочный пунктъ и остался въ строю. Къ вечеру одинъ изъ санитаровъ принесъ извѣстіе, что тяжело раненъ Онипко. Иронія судьбы: исправный солдатъ на минуту замѣшкался, будучи назначенъ въ нарядъ по доставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Когда товарищи его отошли впередъ, онъ получилъ осколокъ шрапнели, пробившій лѣвое плечо и застрявшій въ груди. Соколовъ рядомъ съ нимъ закрылъ лицо рукой, и кусокъ шрапнели оторвалъ ему мизинецъ на лѣвой рукѣ. Когда я пришелъ къ Онипко, моимъ глазамъ представилась поразительная картина. Гигантъ съ обнаженной грудью стоялъ на ко-

лѣняхъ въ траншеѣ и совершенно заполнялъ своимъ могучимъ тѣломъ входную дыру, продѣланную въ потолкѣ. Вытащить его оттуда было невозможно,—слишкомъ тяжелъ былъ Ѳедотъ Михайловичъ. «Разойдитесь,—съ трудомъ говорилъ онъ,—скопленіе, скопленіе: вѣдь по васъ стрѣлять будутъ». Кое-какъ пролѣзъ онъ самъ сквозь дыру и сѣлъ на носилки. Носилки сломались. Онипко застоналъ и двинулся впередъ пѣшкомъ. Никогда не забыть мнѣ этого вида. Въ слабомъ свѣтѣ надвинувшихся сумерекъ по горной тропинкѣ двигалась полуобнаженная фигура гиганта,—его размѣры увеличивалъ полумракъ. Вокругъ стрѣляли наши и нѣмецкія орудія, вправо трещалъ пулеметъ. Нечеловѣческая сила помогла Онипко домаршировать съ перебитымъ плечомъ и осколкомъ въ груди до ставки коменданта. Сзади меня шелъ чуть не плача Соколовъ. «Вотъ досада,—повторялъ онъ,—я еще и не видѣлъ нѣмцевъ, а уже приходится итти въ госпиталь».

Такимъ образомъ, русскіе эмигранты въ рядахъ французской арміи уже понесли потери. Черезъ день Тарсаидзе, стоявшій на часахъ, былъ опрокинутъ взрывомъ «чемодана». Одежда до рубашки была разорвана, грудь осталась невредимой. Но другой осколокъ пробилъ ему мякоть ноги. «Ничего, скоро вернусь, а тамъ посмотримъ еще».

Изъ общаго состава русскіе эмигранты выдѣляются какъ своимъ безупречнымъ поведеніемъ, такъ и храбростью. Они вызываются постоянно въ патрули, въ охотники, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ предстоящемъ движеніи впередъ ихъ добрая воля и идейный порывъ, бросившій ихъ въ передовые ряды французскихъ войскъ, еще рельефнѣе подчеркнутъ тѣ качества, которыя ихъ выгодно отличаютъ отъ остальныхъ солдатъ иностраннаго легіона. Французское начальство зачастую съ изумленіемъ смотритъ на своихъ подчиненныхъ и

признается, что отъ такихъ «космополитовъ» оно ничего подобнаго не ожидало.

II.

Мы—въ погребахъ. Богатое мѣстечко разрушено и разграблено. Тутъ прошли огнемъ и мечомъ нѣмцы, потомъ ихъ выгнали французы. Мѣстечко нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки и, наконецъ, окончательно осталось за нами. Оно лежитъ въ котловинѣ, между двумя плато, занятыми ими и нами. Вокругъ—очаровательный пейзажъ предгорья, но если приглядѣться внимательно къ противоположнымъ скатамъ, можно разглядѣть на пожелтѣвшемъ фонѣ увядшей зелени красныя панталоны раскинувшихся фигуръ. Это—наши убитые передъ нѣмецкими траншеями. Они лежатъ уже второй мѣсяцъ красно-синимъ пятномъ на волѣ вѣтра и дождя. Противъ нашего мѣстечка, у самаго гребня, занятаго нѣмцами, лежитъ почти одноименный съ мѣстечкомъ городокъ. Онъ тоже въ развалинахъ, но хозяйничаютъ въ немъ нѣмцы. На этотъ разъ мы—въ мѣстечкѣ, т.-е. часть впереди въ траншеяхъ, а остальные—въ погребахъ разбитыхъ домовъ. Конечно, въ погребахъ въ принципѣ, на самомъ же дѣлѣ солдаты цѣлый день собираютъ въ брошенныхъ огородахъ картофель, капусту и т. д., варятъ изъ нея супъ, моютъ бѣлье и вообще отдыхаютъ. Вотъ построеніе въ 800 шагахъ отъ непріятеля, поистинѣ не предусмотрѣнное уставомъ. Если бы не пули, то и дѣло посвистывающія вдоль опустошенныхъ улицъ, да не взрывы довершающихъ дѣло разрушенія снарядовъ, можно было бы подумать, что находишься на поздней дачѣ.

Мой взводъ—въ паркѣ, въ погребѣ разбитаго замка. Въ пруду водится рыба, и старый легіонеръ Торлавъ вмѣстѣ съ Руденко ловятъ рыбу. Юршъ таинственно отводитъ меня въ сторону: «Посмотрите, лейтенантъ,

чтò у меня есть». Я смотрю и вижу двѣ новыя... удочки. Юршъ, собираясь на войну, очевидно, предусмотрѣлъ возможность подобнаго занятія подъ носомъ непріятеля и запасся инструментами для рыбной ловли. Ахъ, Юршъ, Юршъ! Это—славный солдатъ, старый солдатъ, подъ 50 лѣтъ, когда-то фельдфебель нестроевой роты въ Россіи, потомъ изгнанникъ на чужбинѣ, а теперь—боецъ за родину. Вообще въ любопытныхъ біографіяхъ нѣтъ недостатка. Вотъ тутъ же, рядомъ съ Юршемъ, стоитъ молоденькій солдатъ, почти мальчикъ, Волжинъ. Крестьянинъ Саратовской губерніи, онъ бѣжалъ съ Урала въ Закаспій, оттуда въ... Персію. Тамъ вмѣстѣ со знаменитымъ Ефремомъ онъ дѣлалъ набѣги на непокорныхъ консервативныхъ хановъ, покуда ему съ пріятелями не предложили покинуть Персію. Персидскій кавалеристъ ѣдетъ въ... Индію, потомъ въ Африку, въ Италію и, наконецъ, въ Парижъ. Это—лучшій солдатъ моего взвода, и даже легіонеры, старые африканскіе крабы, какъ-то заявили сержанту: «Если кого изъ насъ надо произвести въ солдаты перваго класса, такъ это Волжина. Онъ—самый исправный и хорошій солдатъ». А такое признаніе въ устахъ стараго легіонера значитъ очень-очень много. Къ несчастью, Волжинъ почти не говоритъ по-французски. Коранъ вотъ знаетъ, а по-французски—ни въ зубъ. Теперь онъ у насъ спеціалистъ по дѣланію печей въ траншеяхъ и въ недалекомъ будущемъ смастеритъ намъ русскую баню. Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ мы въ передовой линіи, и за это время наши волонтеры превратились въ заправскихъ солдатъ,—отважныхъ, работящихъ и исполнительныхъ. Если и жалуются на что, такъ главнымъ образомъ, что не идемъ впередъ, что мало «тирайёримъ», какъ говоритъ Померанцевъ, производя отъ tirailleur новый русскій глаголъ «тирайёрить».

Ночью наше мѣстечко еще больше оживаетъ. Зажи-

гаются въ погребахъ огни, по улицамъ идутъ наряды за провизіей, несутъ раненыхъ, хоронятъ убитыхъ. Въ погребахъ тепло и уютно. Настлана солома, положены тюфяки, и мы въ 800 метрахъ отъ нѣмцевъ мирно спимъ. Только взводу, чтò на кладбищѣ, не такъ уютно. Траншея—узкая, задняя стѣнка ея касается гробовъ... Живые и мертвые тутъ вмѣстѣ, съ той только разницей, что у мертвыхъ больше мѣста для сна.

19-го ноября. Мы нынче—въ траншеяхъ. Нашъ капитанъ Тортель, вѣчно радостный лейтенантъ Лессеръ и я сидимъ подъ навѣсомъ у капитанской «кажиби». Принесли почту. Сержантъ-мажоръ Пантасье разбираетъ ее. Вотъ посылка для солдатъ и небольшой ящичекъ для Попова. Это—аптечка, присланная ему для роты товарищами изъ Парижа. По ассоціаціи капитанъ вспоминаетъ и зоветъ вѣстового. «Пошлите ко мнѣ изъ четвертаго взвода солдата Попова, пусть онъ осмотритъ капрала Анселя, чѣмъ онъ боленъ». Черезъ нѣсколько минутъ вѣстовой прибѣгаетъ, взволнованный и блѣдный. «Капитанъ,—докладываетъ онъ,—Поповъ не можетъ притти: его и его товарища только что убило. Видите, и мнѣ немного задѣло руку». Мы всѣ вскакиваемъ: «Какъ, убило Попова!». Мгновеніе стоимъ подавленные, печальные, потомъ я направляюсь въ четвертый взводъ. «Не ходите туда,—говоритъ Тортель,—вѣдь это же безполезно, а мѣсто подъ обстрѣломъ». За мной идетъ Пантасье. Мы поднимаемся по лѣстничкѣ мимо дыръ траншей, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ ранило Онипко, и тѣснымъ ходомъ сообщенія добираемся до ниши Попова. Это — та самая ниша, родъ шалаша, откуда вчера съ Тортелемъ мы старались разглядѣть артиллерійскія позиціи противника, за чтò и были осыпаны шрапнелями. Въ нишѣ нѣтъ никого. Задняя часть ея разбита, забрызгана кровью, и на полу, тяжело дыша, лежатъ Поповъ и Богушко.

Прибѣгаетъ капралъ Мертесъ и скороговоркой докладываетъ: «Мы были вчетверомъ здѣсь, мой лейтенантъ: я, Богушко, Эккъ и Поповъ. Они спали, когда два «чемодана» взорвались внутри; Эккъ былъ посрединѣ, и его только контузило, а Поповъ и Богушко убиты». Пантасье разсматриваетъ лежащихъ: «Да они живы еще». Приносятъ одѣяло, укладываютъ Попова и несутъ ко мнѣ во взводъ въ теплое «помѣщеніе для отдыха». Богушко, красавецъ Богушко, умираетъ! Его милая голова разбита, его сильное тѣло изорвано. Поповъ раненъ въ голову, вечеромъ его несутъ въ амбулаторію, оттуда эвакуируютъ дальше; по дорогѣ онъ умираетъ.

Тяжелый, грубый, безсмысленный день... Нѣтъ больше ни молчаливаго, очаровательнаго Богушко, ни кипучаго, вѣчно шумливаго Попова. Нѣтъ стараго бойца... А Анатолій Владиміровичъ Поповъ былъ старый боецъ. Въ жизни ему пришлось исколесить всю Россію,—отъ Питера до Тифлиса, отъ Москвы до Вильны.... Онъ кончилъ медицинскій факультетъ въ Бернѣ, но дѣятельно занимался и литературой. Онъ былъ однимъ изъ организаторовъ группы волонтеровъ. Вѣчно заботился о насъ, бунтовалъ противъ непорядковъ, лѣчилъ, выписывалъ для насъ лѣкарства и рвался - рвался впередъ. Экстазъ самопожертвованія горѣлъ неудержнымъ пламенемъ въ этомъ экспансивномъ и оригинальномъ человѣкѣ. Когда въ Орлеанѣ его назначили помощникомъ доктора, т.-е. дали возможность сравнительно безопаснаго житья, онъ подалъ заявленіе, грозящее самоубійствомъ въ случаѣ, если его не оставятъ въ строю съ товарищами. И былъ оставленъ съ нами.

Вечеромъ ко мнѣ принесли Богушко и похоронили рядомъ съ Летеномъ на линіи траншей. Старый легіонеръ, солдатъ по ремеслу, и молодой эмигрантъ,—они лежатъ рядомъ подъ большимъ деревомъ. Юрщъ и

Волжинъ устроили любовно его могилку, сплели ему изъ ружейныхъ патроновъ вѣнокъ... «Александръ Богушко, русскій эмигрантъ, волонтеръ 1-й роты такого-то полка», написано на доскѣ надъ его могилой. Богушко? Это фамилія, взятая напрокатъ. Онъ—эстонецъ, какъ зовутъ его, не знаю,—знаю только, что онъ былъ въ ссылкѣ и бѣжалъ изъ нея на чужбину. Обыкновенная исторія съ необычайнымъ концомъ. Когда кончится война, тѣ изъ товарищей, которые останутся въ живыхъ, поставятъ на скромныхъ могилкахъ болѣе прочные памятники, гдѣ будетъ высѣчено, что въ великомъ конфликтѣ русскіе изгнанники не остались безучастны къ судьбѣ пріютившей ихъ свободной страны и кровью своей отблагодарили ее.

Русская баня на французскихъ позиціяхъ.

Одинъ изъ «вѣчныхъ» проклятыхъ военныхъ вопросовъ—«вшивый вопросъ». По научному, это небольшое и не совсѣмъ граціозное созданіе куда страшнѣе 42-хсантиметровыхъ орудій. Ползя довольно медленно, оно съ необычайной скоростью разноситъ сыпной и возвратный тифы и прочія прелести. И ежели военные изобрѣтатели изъ силъ выбиваются, создавая стойкіе бетоны противъ пушечныхъ снарядовъ, вопросъ о предохраненіи воиновъ отъ этого безобиднаго на видъ «рысака» занимаетъ въ свою очередь, навѣрное, не менѣе умы свѣтилъ гигіены.

Съ нашей, простой, точки зрѣнія, съ точки зрѣнія, если можно такъ выразиться, «иппподромовъ», по которымъ правятъ свой медленный бѣгъ эти, какъ говорили солдатики въ прошлую войну, «калуцкіе рысаки»,— вся суть вовсе не въ послѣдствіяхъ, разсматриваемыхъ наукой, а въ нестерпимомъ зудѣ. Прямо хоть въ кипятокъ бросайся. Какая тутъ наука! И пытливый умъ ищетъ «своихъ средствіевъ» противъ траншейнаго бѣдствія. И иногда находитъ.

Помню, какъ въ одинъ изъ ясныхъ зимнихъ маньчжурскихъ дней на окопы повыползли запасные боро-

дачи нашей роты и торопливо стали скидывать съ себя всю амуницію вплоть до рубахи. Я только что пріѣхалъ на фронтъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ на происходившее.

— Эхъ, дюже хорошо,—сказалъ, съ наслажденіемъ почесываясь, Рѣзниковъ, онъ же «самарская горчица», и принялся проворно что-то искать въ своей рубашкѣ.

— Что ты дѣлаешь?—наивно полюбопытствовалъ я.

— Вша заѣла, вашбродь, просто силъ нѣту, злющая, прямо какъ собака, можно сказать.

Спустя два дня я съ неподдѣльнымъ ужасомъ обнаружилъ у себя проклятое животное. Навѣрное, мой видъ былъ очень комиченъ, такъ какъ офицеры, находившіеся въ землянкѣ, дружно захохотали, а штабсъ-капитанъ Ананьинъ съ соболѣзнованіемъ сказалъ:

— Что, чижикъ, блондинку поймалъ? Это она, вѣроломная, со старика Барклая къ молоденькому перелѣзла. Ну, да, братъ, не унывай, она быстро дѣтокъ наплодитъ.

И какъ я ни боролся съ несноснымъ «внутреннимъ врагомъ», все было тщетно. Избавленіе пришло позднѣе и совершенно неожиданно.

Это произошло, когда я получилъ конно-охотничью команду и отправился съ ней верстъ на тринадцать въ сторону отъ полка занимать въ видѣ передового пункта небольшую китайскую деревушку. Однажды утромъ въ мою фанзу съ хитрой физіономіей входитъ Подмаревъ. Подмаревъ, мой денщикъ,—татаринъ изъ-подъ Бузулука, запасный. Онъ хитро улыбается и, подмигивая, спрашиваетъ:

— Хошь, вашеблагородь, вошь покапутить?

Я не сразу понимаю. Подмаревъ объясняетъ, въ чемъ дѣло. Онъ—печникъ и предлагаетъ выстроить въ одной изъ китайскихъ фанзъ курную печь.

— Вся вошь подохнетъ. Ей-Богъ. Надъ печью ве-

ревки натянемъ, амуницію, бѣлье развѣсимъ, да какъ пару зададимъ,—капутъ ей будетъ.

— Отчего жъ ты до сихъ поръ молчалъ?

— Боялся, полковой не дозволитъ, заругаетъ.

Ровно черезъ два часа фанза была приведена въ надлежащій видъ, печь сложена на славу, а къ вечеру въ жарко натопленной «банѣ» мылась вся команда. Выпаренныя вещи дѣйствительно стали свободны отъ «внутренняго врага». Воцарилось полное счастье. Охотники и я парились каждые три—четыре дня, разумѣется, ежели позволяли обстоятельства, и «блондинка» не успѣвала «плодить дѣтокъ». Когда мы вернулись къ полку, я первымъ дѣломъ приказалъ Подмареву соорудить новую баню и пригласилъ командира полка и офицеровъ.

Какъ сейчасъ вижу огромную фигуру покойника Святицкаго, съ наслажденіемъ влѣзшаго на верхнюю полку сложеннаго изъ ящиковъ полка и басомъ приказывающаго:

— Еще, еще поддай, да погуще! Ну, еще плесни, ахъ, хорошо!

Откуда-то появился даже родъ вѣника. Такъ всю кампанію съ тѣхъ поръ моя команда строила повсюду бани, и мы съ удивленіемъ замѣтили, что не только зудъ прекратился, но и всякія накожныя гадости исчезли, и люди выглядѣли куда лучше.

Вотъ это свое «средствіе», открытое Подмаревымъ, я вспомнилъ подъ... Краонелью, въ рядахъ французской арміи. Когда послѣ довольно долгаго безмятежнаго житія мучительно стали почесываться всѣ части тѣла и товарищи-волонтеры, съ которыми я дѣлился старыми воспоминаніями, съ возрастающей настойчивостью начали задавать мнѣ волнующій вопросъ: «А не построить ли намъ баню», я, улучивъ моментъ, когда капитанъ Тортель съ ожесточеніемъ запустилъ руку за спину, подробно объяснилъ ему секретъ благоденствія. Надо

отдать справедливость, мысль устроить паровую русскую баню на самой передовой линіи, подъ носомъ у нѣмцевъ, привела Тортеля и моего коллегу, лейтенанта Лессера, прямо-таки въ неистовый восторгъ. Особенно имъ улыбалась мысль утереть носъ одной изъ частей, устроившей у себя душъ. И, дѣйствительно, эка невидаль душъ? То—душъ, а то—русская паровая баня. Впрочемъ, они оба, казалось, не совсѣмъ ясно представляли, что это такое будетъ. Я добросовѣстно нарисовалъ всю картину.

— Ah, c'est très intéressant, très intéressant,—повторялъ мой капитанъ,—ces sacrés russes, ils savent tout!

Печниками вызвались быть трое: анархистъ Ростовцевъ, марксистъ Юршъ и народникъ Волжинъ. Такое трогательное единеніе партій обѣщало многое, но дѣйствительность превзошла ожиданія. Французы, съ интересомъ слѣдившіе за ходомъ работъ, не могли ничего понять и болѣе наивные попросту рѣшили: mais ils sont fous! Мои печники начали съ выбора мѣста. Выборъ мѣста—вопросъ очень важный, и въ немъ пришлось принять участіе и мнѣ. Это было цѣлое тактическое заданіе,—найти пунктъ съ подходами, наименѣе доступными наблюденію, наиболѣе безопасный въ смыслѣ бомбардировки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расположенный поблизости отъ воды, топлива и мѣста сбора на случай тревоги. Въ концѣ-концовъ, выборъ былъ сдѣланъ, хотя нѣсколько пуль, просвистѣвшихъ надъ головой Ростовцева, доказывали, что съ впереди лежащаго гребня кое-что доступно не только наблюденію, но и обстрѣлу.

Въ нижней половинѣ каменной риги или, по-здѣшнему, «гранжъ», предназначенной для невѣдомыхъ намъ цѣлей, такъ какъ въ ней стояла колоссальная кадушка, былъ собранъ весь строительный матеріалъ: большіе куски гранита, желѣзныя полосы, куски чугуна, снаря-

довъ и пустыя бутылки. Сначала вывели гранитный остовъ, при чемъ работа упростилась благодаря стройкѣ печи въ углу, такъ, что обѣ стѣны являлись въ то же время стѣнками печи, и нашимъ печникамъ оставалось возвести двѣ остальныя стѣнки. Въ одной изъ нихъ оставлено было отверстіе для дровъ. Когда стѣнки достигли аршина съ небольшимъ, на нихъ, упирая въ выдолбленныя въ стѣнахъ гранжи отверстія, положили желѣзныя полосы. На полосы навалили булыжникъ, куски гранита, пустые шрапнельные стаканы, всякій чугунный ломъ, набили туда же съ сотню пустыхъ бутылокъ, ибо, какъ объяснилъ Ростовцевъ, «битое стекло паръ держитъ». Затѣмъ въ земляномъ полу прорыли канавки, радіусами сходящіяся къ вырытой посрединѣ гранжи ямѣ, покрыли весь полъ досками и валяющимися въ изобиліи среди развалинъ домовъ жалюзями, продѣлали дверь въ сосѣднее помѣщеніе, устлали его соломой, покрыли откуда-то добытымъ полотномъ и въ довершеніе роскоши притащили изъ разбитаго напротивъ дома ванну.

— Ну, и баня! Вотъ это баня, лучше, чѣмъ у насъ на селѣ,—залюбовался плодами своей работы Волжинъ.

Я оставилъ мастеровъ на ночь въ преобразованной ригѣ. Имъ во что бы то ни стало хотѣлось по-настоящему, какъ въ Россіи, «истопить съ вечера». Къ утру все было готово. Печь накалена до красна, гранжа провѣтрена, уголь выгребенъ, громадные чаны полны горячей и холодной водой, ванна налита.

Когда мы съ Тортелемъ и Лессеромъ пришли, какъ подобаетъ начальству, первыми, Юршъ поддалъ пару. Тортель съ Лессеромъ, вошедшіе въ одеждѣ, выскочили, какъ угорѣлые.

— Zut,—съ хохотомъ заявилъ Лессеръ,—c'est bien, par exemple. Quant à moi, je ne marche pas. Это какая-то дьявольская баня.

Онъ позорно ушелъ. И во всей ротѣ только аджюданъ Дофэнъ да сержанъ-мажоръ Пантасье оказались такими же малодушными.

Тортель влѣзъ въ ванну, я на полокъ и сталъ наблюдать капитана. Онъ съ необычайнымъ интересомъ разглядывалъ странное сооруженіе и, наконецъ, призналcя:

— Вы знаете, я все-таки никакъ не могъ себѣ представить, что́ такое ваша баня. Это—замѣчательная вещь.

Послѣ начальства дѣло пошло быстро. Солдаты приходили повзводно, и русскіе волонтеры уговаривали легіонеровъ и волонтеровъ другихъ національностей не бояться пару. Впрочемъ, всѣ быстро поняли, и, когда я вошелъ въ баню, она была полнымъ-полна голаго люда, изъявлявшаго свои восторги на разныхъ языкахъ, какъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Среди парящихся гордо сновали герои дня Ростовцевъ, Волжинъ и Юршъ, предметъ самыхъ искреннихъ овацій. Надъ печью на проволокахъ висѣла амуниція, и огромный, красный, какъ ракъ, швейцарецъ Вожли съ ловкостью какого-нибудь рязанца ежеминутно поддавалъ пару. Вся эта живая масса охала, ахала, кряхтѣла и съ ожесточеніемъ мылась.

Въ одномъ изъ угловъ—характерная фигура Степана Николаевича Слетова дружелюбно склонилась къ волосатому легіонеру, и «petit père», какъ называли его французы, что-то разъяснялъ солдату. Очевидно, благодѣтельное вліяніе пара. Юршъ на чистомъ русскомъ языкѣ втолковывалъ Дюфуру:

— Ты, братъ, понимай то, что вошь пару не выноситъ.

Странно маячило татуированное тѣло Руане, который самъ про себя со скромной гордостью говорилъ, что, когда его нѣмцы убьютъ, они заспиртуютъ его голову въ банкѣ и повезутъ на показъ по всей Германіи. Его голова, дѣйствительно, замѣчательна. На ней нарисова-

ны очки, пара усовъ, сигара, какія-то невѣдомыя изображенія и надписи. А на тѣлѣ—чего только нѣтъ!

Круглый сержантъ Шевалье похожъ былъ на готовый лопнуть шаръ. Онъ хлопалъ себя по ляжкамъ и, не переставая, повторялъ: «какъ это хорошо, какъ это хорошо». И, выражая общія чувствованія, фламандецъ Дамсэнъ прокричалъ: «Vive la Russie!»

У выхода Юршъ побѣдоносно выворотилъ воротникъ рубашки, снятой съ проволоки, и сказалъ на этотъ разъ по-французски: «Regarde toi, Dufour, il n'y a plus».

— Mais c'est vrai!—удивлялся французъ.

Капралъ Бодуэнъ, тотъ самый, что до легіона служилъ въ интернаціональной полиціи въ Нью-Іоркѣ, выразилъ мнѣ свой восторгъ по поводу такого счастливаго изобрѣтенія и былъ несказанно удивленъ, узнавъ, что изобрѣтенію этому—не одна сотня лѣтъ.

Взводъ за взводомъ въ банѣ перемылась вся рота. И надо было видѣть, съ какой радостью инженеръ, а нынѣ телефонистъ-солдатъ Мѣшковскій, принадлежащій къ другому батальону, но бывшій на посту въ Краонели, понесся въ паровую русскую баню, находящуюся въ 800 шагахъ отъ нѣмецкихъ окоповъ...

Теперь роту перемѣстили въ окопы, гдѣ труднѣе устроить парную, и я получаю въ моемъ новомъ полку письма отъ старыхъ товарищей, въ которыхъ они меланхолично сообщаютъ иной разъ, какъ, почесываясь, вспоминаютъ прошлое счастье.

Заключительное слово все же принадлежало Юршу: «Вотъ что подумаетъ хозяинъ, какъ вернется домой да найдетъ нашу печь. Не иначе, какъ на нѣмцевъ свалитъ французъ. Скажетъ: безобразили, черти, въ пьяномъ видѣ».

Въ госпиталѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ писалъ вамъ, мнѣ пришлось изъ-за раны оказаться въ госпиталѣ. Но сердцемъ я живу съ товарищами. Вотъ сейчасъ я держу въ рукахъ маленькій замызганный листокъ. Это—письмо изъ траншей. Писано оно наспѣхъ товарищемъ-солдатомъ въ «траншеяхъ смерти», тѣхъ самыхъ траншеяхъ, что́ взобрались на высокое плато и гдѣ мы потеряли столькихъ нашихъ. Позади шумитъ лѣсъ, внизу—долина Ульша, а справа—маленькій, разоренный городокъ со звучнымъ именемъ Краонель. Оттуда пришло это письмо.

«Вчера, около 3-хъ часовъ дня, въ траншеяхъ смерти, какъ ихъ зовутъ здѣсь, убито артиллерійскимъ снарядомъ пять человѣкъ и двое ранены. Четверо убитыхъ изъ нашей секціи: Крестовскій, Вертеповъ, Чайковъ и Примъ; смертельно раненъ пятый—Гонгоофъ, еще совсѣмъ мальчикъ. Всѣ убиты мгновенно. Снарядъ влетѣлъ въ траншею, пробивъ крышу, и взорвался надъ самой головой сидѣвшихъ тамъ. Смерть безъ мученій. У всѣхъ головы ранены. Видно по выраженію лицъ, что никто изъ нихъ не страдалъ: спокойствіе, беззаботность и вниманіе, какое бываетъ во время товарищескаго разговора. Очевидно, они не успѣли даже услышать взрыва снаряда.

Всѣхъ ихъ похоронили въ общей могилѣ, въ долинѣ Ульша, позади Краонели. Секція третьей роты отдала воинскія почести. Отъ нашей секціи присутствовалъ одинъ лейтенантъ да нелегально я. Отъ лица всѣхъ друзей и товарищей бросилъ въ могилу горсть земли. Сдѣлалъ все возможное, чтобы послѣ войны отыскать ихъ могилу. На крестѣ жестяная пластинка съ ихъ именами, справа отъ креста на четверть метра глубины—бутылка, въ которой ихъ имена»...

Убиты Вертеповъ, Крестовскій и ихъ товарищи... Погибли художники съ чуткой душой и оба такіе юные. Помню, какъ меня поразило на одной изъ заграничныхъ конференцій смѣлое, красивое, словно вычеканенное лицо Вертепова. Не разъ видѣлъ его въ брюссельскомъ университетѣ, прилежно изучавшаго естественныя науки. Но волненія и скитанія предшествующаго періода надломили юный организмъ, и туберкулезъ заставилъ его промѣнять Бельгію на Францію. А здѣсь, въ Парижѣ, съ нимъ произошло... чудо. Да, чудо, настоящее, неоспоримое чудо. Человѣкъ, никогда не державшій въ рукахъ глины, взялъ и по открыткѣ вылѣпилъ чудесный барельефъ женской головки! Аронсонъ поставилъ прогнозъ: талантъ,—и въ ателье профессора Бурделя Вертеповъ занялъ мѣсто не только одного изъ талантливѣйшихъ учениковъ, но и любимѣйшаго товарища. Большіе горизонты открывались передъ нимъ.

Въ Парижѣ я его встрѣтилъ у Инвалидовъ. Мы пришли втроемъ записаться въ добровольцы, а Вертеповъ со своими друзьями уже стоялъ тамъ. Насъ послали въ Орлеанъ, ихъ—въ Блуа, а потомъ батальоны соединили въ полкъ на фронтѣ у самой Краонели.

Мы знали, что они въ пулеметной секціи, что ихъ считаютъ лучшими солдатами, а одного такъ даже произвели въ капралы и обѣщали дальнѣйшее повышеніе.

Въ послѣдній разъ мы увидѣлись съ нимъ въ дере-

вушкѣ позади траншей. Ихъ секція была на отдыхѣ, а я уѣзжалъ, раненый, въ госпиталь. И когда я напомнилъ этому высокому, красивому солдату нашу парижскую встрѣчу, онъ сказалъ: «Это было такъ давно, такъ давно»...

И дѣйствительно, прошло всего пять мѣсяцевъ, но какимъ далекимъ, безконечно далекимъ кажется прошлое. Это было давно, такъ давно... Вся жизнь какъ-то неожиданно оборвалась, потекла по-новому, и вотъ въ «траншеяхъ смерти» собрались скульпторъ Вертеповъ, народникъ и изгнанникъ, и выставлявшій свои творенія въ Салонѣ юный Крестовскій, и «совсѣмъ еще мальчикъ» Гонгоофъ, и старые африканскіе легіонеры, и люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ національностей, партій, классовъ, состояній, настроеній... Всѣхъ ихъ сравняли синяя солдатская шинель да равное право на смерть въ долинѣ Ульша. И всѣмъ имъ кажется, что ихъ иная, прошлая жизнь, какая-то сказочная и чуждая, осталась далеко-далеко позади, что это «было такъ давно»...

И мнѣ кажется, что это и на самомъ дѣлѣ было давно.

Давно пришли въ долину Ульша, въ «траншеи смерти» (вѣдь здѣсь мѣсяцы идутъ за годы); льютъ дожди, воетъ вѣтеръ, засыпаютъ снаряды, а мы все въ этой новой и какъ будто безконечной жизни. Роемъ траншеи, ходимъ въ посты и засады и мокнемъ, и мерзнемъ. Что мѣняется?

Ничто,—и только могилки растутъ, бѣгутъ внизъ по скатамъ, пробиваются въ лѣсахъ да вокругъ замка разрастаются въ кладбище...

И странно, что позади, въ нѣсколькихъ часахъ пути, кипитъ иная жизнь, грохочетъ вѣчный городъ, несутся автомобили, трамваи, сверкаютъ огни и есть женщины, штатскіе и дѣти. Особенно дѣти...

А здѣсь, въ нашемъ маленькомъ Rueil, еще иная

жизнь, но тоже подернутая особой вуалью. Вчера изъ мэрiи городка, гдѣ находится мой госпиталь, вышелъ скромный кортежъ. Впереди несли трехцвѣтныя знамена, шли дѣти муниципальной школы, потомъ два зуава несли вѣнокъ, за ними шелъ муниципальный совѣтъ, старый подполковникъ, нѣсколько офицеровъ, безусые, девятнадцатилѣтнiе зуавы,—классъ 1915 г., обучаемый въ мѣстныхъ казармахъ,—а позади—безконечная толпа. Къ намъ присоединились со всѣхъ улицъ и площадей новыя группы, и кортежъ росъ и гигантской змѣей извивался въ кривыхъ улицахъ городка. И такъ странно было смотрѣть на штатскую толпу. Дѣти, женщины, старики или мужчины нездороваго вида,—все здоровое ушло на фронтъ. Мы вышли въ поле.

Дорога поднималась кверху; свѣтило солнце. Я обернулся назадъ,—гдѣ-то далеко виднѣлся хвостъ колонны. Вотъ и памятникъ,—скромный гранитъ въ видѣ гранаты, перевитой каменными снопами цвѣтовъ. Безымянный памятникъ безымяннымъ героямъ послѣдняго вздоха несчастной войны 1870—1871 года. Это памятникъ Бузенваля, гдѣ горсть смѣлыхъ людей въ послѣднемъ отчаянномъ бою пыталась защитить Парижъ. Безумно храбрыхъ...

Далеко внизу раскинулся Парижъ, любимый вѣчный городъ, и, поднявшаяся, грозная Сена казалась узкой ленточкой потемнѣвшаго металла. Четко вонзалась въ небо башня Эйфеля, а съ другой стороны высилось задумчивое кружево башенъ Нотръ-Дамъ, и во всѣ стороны бѣжали предмѣстья. А прямо, напротивъ, красавецъ Монъ-Валерьянъ глядѣлъ своими старинными фортами на разстилавшуюся межъ памятникомъ и имъ долину, гдѣ 44 года тому назадъ умерли дѣти Францiи...

Мэръ поднялся на цоколь. Дѣти муниципальной школы запѣли «Марсельезу». Зуавы,—тоже почти дѣти,—взяли на-караулъ, толпа сняла шапки. Тоненькими голо-

сами пѣлъ хоръ, шелестѣли знамена вокругъ памятника, горестно и торжественно стояли впереди ветераны Бузенваля. Глаза подполковника были влажны, старый знаменосецъ плакалъ, а дѣти все пѣли символъ,—вѣчный символъ свободы. И было что-то невыразимо трогательное и грустное, и волнующее, и бодрящее въ ихъ слабыхъ голосахъ. А потомъ мэръ, торговецъ красками и капитанъ резерва, высокій, старый человѣкъ, взволнованно сталъ говорить о прошлой и настоящей войнѣ, и женщины плакали, когда думали о своихъ дѣтяхъ на фронтѣ. Старый торговецъ красками съ цоколя скромнаго памятника кидалъ сухія и жесткія обвиненія виновникамъ европейской войны и называлъ ихъ преступленія.

А потомъ поднялся другой старикъ, бывшій офицеромъ въ бузенвальскомъ бою.

«О, сколько разнородныхъ параллелей межъ сегодняшнимъ днемъ и днемъ 19-го января 1871 года! То былъ послѣдній вздохъ позорной войны, теперь же мы въ разгарѣ боевыхъ дѣйствій, сильные и смѣлые. То былъ конецъ стараго режима, когда народъ, равнодушный къ династической войнѣ, къ авантюрѣ, оставилъ всю заботу постоянной арміи. Теперь—Республика, нація, какъ одинъ человѣкъ встала на защиту родины. Тогда на мгновенья возникали и исчезали герои въ родѣ Базена; теперь нѣтъ отдѣльныхъ героевъ, это сплоченный грозный геройскій анонимъ, и имя ему—Франція. Тогда мы, горсть людей, брошенные впередъ Монъ-Валерьяна, шли въ бой безъ надежды побѣдить, и пушки, пушки фортовъ не стрѣляли, не могли стрѣлять,—теперь мы убѣждены въ побѣдѣ, и наша артиллерія даетъ намъ ее. И я помню, когда мы уходили отсюда, повинуясь приказу, Монъ-Валерьянъ былъ задернутъ облаками и крѣпости не было видно. Смотрите, вѣдь сегодня они разорваны»... И толпа смотрѣла, молчаливая и взволно-

ванная, на позолоченную солнцемъ крѣпость. «Да, мы сильны, мы сильны, потому что Францiя бьется теперь за справедливость, потому что она защищается, потому что она—республика!»

«Vive la France! Vive la République!» — гигантскимъ эхомъ отвѣтила толпа, и только кучка старыхъ роялистовъ неодобрительно смотрѣла на оратора. Вѣдь въ прошлые годы здѣсь раздавались рѣчи Дерулэда... Но и они закричали и захлопали, когда старикъ закончилъ свою рѣчь словами: «Да здравствуетъ наша армiя, наша родина, вся нацiя!»

А потомъ другой старикъ прочелъ свои стихи. Снова запѣли дѣти, заиграла «Марсельезу» музыка и склонились знамена. Зуавы взяли на-караулъ. Мы шли внизъ, когда клонилось къ землѣ солнце. Пришли на кладбище взволнованные и тѣсно окружили могилу убитыхъ 44 года тому назадъ. А рядомъ—свѣжiя могилы умершихъ въ госпиталяхъ отъ ранъ и тифа. И когда мэръ громко и торжественно сказалъ, что здѣсь будетъ воздвигнутъ новый памятникъ дѣтямъ Rueil, погибшимъ въ бою, и къ ихъ именамъ присоединятся имена дѣтей Францiи, пришедшихъ умереть въ руэйскихъ госпиталяхъ, толпа, запрудившая кладбище, плакала, потому что у каждаго изъ присутствовавшихъ много близкихъ тамъ, впереди, въ траншеяхъ, и сколько ихъ убито, и сколько ихъ еще погибнетъ...

А вечеромъ я сидѣлъ у старика Бертье и слушалъ его разсказы. Бертье—лѣтъ семьдесятъ. У него въ домѣ всѣ двери раздвигаются, какъ въ метрополитэнѣ: это—его изобрѣтенiе, не принесшее, впрочемъ, ему богатства. Онъ и старуха—славные люди, въ домѣ же всѣмъ вертитъ прiемная дочка m-elle Момансо, бухгалтерша нашего госпиталя, обслуживаемаго дамами и дѣвицами Rueil. Старикъ часто приходитъ въ госпиталь, приноситъ подарки солдатамъ, играетъ съ ними.

Со мной онъ весьма ласковъ и по-военному меня называетъ «мой лейтенантъ». И теперь, прихлебывая вино, разсказываетъ, какъ съ крыши дома онъ глядѣлъ на бузенвальскую битву. А потомъ пришли нѣмцы, заняли его домъ и въ столярную натащили піанино. Балы устраивали въ мастерской. «Дома жгли, это правда, а жестокостей не дѣлали, нѣтъ, не дѣлали, какъ теперь. Въ Парижѣ всѣ голодали, и здѣсь мяса не было. Съѣли лошадей, потомъ кошекъ, собакъ. У сосѣда заболѣла лошадь, и пока онъ бѣгалъ за ветеринаромъ, отъ нея только нога осталась. Да... А когда миръ заключили, изъ Парижа сюда толпы пріѣзжали, чтобы купить хлѣба. У насъ въ Rueil мука была. И плакали, глядя на хлѣбъ. А одинъ купилъ да подъ-мышкой повезъ домой. Пока доѣхалъ, у него его по кусочкамъ весь отщипали. Да... Только звѣрствъ не дѣлали. Часы увозили,—это вѣрно. Видно, у нихъ въ Германіи часовъ мало. А чтобы какъ теперь,—нѣтъ, такого не было»...

Старуха то же говоритъ. Они вѣдь тогда были обручены, и женихъ услалъ ее отъ нѣмцевъ въ Манъ, а они въ Манъ пришли. И въ началѣ войны старики рѣшили не разлучаться. Только теперь-то ужъ бояться нечего. Не придутъ второй разъ въ Rueil нѣмцы.

Встрѣчи.

I.

Рана зажила, и военное министерство послало меня въ своеобразную командировку: ознакомиться въ разныхъ депо съ положеніемъ русскихъ волонтеровъ. Какъ и надо было ожидать, миссія эта оказалась полна чрезвычайнаго интереса. Самыя неожиданныя встрѣчи, самыя невѣроятныя біографіи сошедшихся со всего свѣта людей придавали ей особую оригинальность. Впрочемъ, для детальнаго описанія этой командировки и изложенія обобщающихъ выводовъ время еще не настало, и въ данный моментъ ограничусь описаніемъ нѣкоторыхъ особо характерныхъ для меня встрѣчъ.

Встрѣчи... Не правда ли, въ самомъ этомъ словѣ есть что-то волнующее и болѣе широкое, чѣмъ его содержаніе? Какъ описать, какъ разсказать сложную гамму ощущеній и воспоминаній, мгновенно охватывающихъ васъ при «встрѣчѣ»? А встрѣчи войны, когда все прошлое отодвигается куда-то въ недосягаемую даль, особенно неожиданны и волнующи. И даже «встрѣчи рикошетомъ», такъ какъ есть и такія.

Я сижу въ ротномъ «бюро» и выслушиваю подходящихъ ко мнѣ по одному французскихъ солдатъ. Они по большей части отвѣчаютъ на русскій военный манеръ: «Точно такъ, никакъ нѣтъ, ваше благородіе» (есть,

впрочемъ, хитрецы, чающіе отъ меня благъ и величающіе меня «высокоблагородіемъ» и даже... превосходительствомъ). Кого только тутъ нѣтъ! Вдругъ мой взглядъ съ удивленіемъ упирается въ круглое, веселое и необыкновенно добродушное лицо. Оно немедленно расплывается въ широченную, заражающую и меня улыбку, и я какъ-то машинально спрашиваю солдата:

— Ваша фамилія Соха?

— Такъ точно,—отвѣчаетъ Соха, ничуть не пораженный тѣмъ, что я «угадалъ» его фамилію, и радостно добавляетъ:—Мы—изъ латышей.

Ну, конечно! Однако то было 14 лѣтъ тому назадъ, а парню хорошо, если 21—22 года.

— Можетъ-быть, у васъ братъ служилъ на Кавказѣ?

— Никакъ нѣтъ. У меня трое дядьевъ были тамъ у стрѣлкахъ, только давно это было, вашскородіе.

Начинаемъ устанавливать связь и выясняемъ, что именно какъ разъ, когда я начиналъ свою военную карьеру въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ Кавказа, его дядя Иванъ,—«знаменитость» роты, Иванъ Соха,—былъ самымъ оригинальнымъ изъ всѣхъ «сѣрыхъ». Это—тотъ самый новобранецъ, котораго стрѣлки опредѣляли такъ: «Ну и Соха, однимъ словомъ—латышъ, дошлый латышъ».

— Вашскродь,—понижая голосъ, говоритъ мнѣ племянникъ бывшаго соратника, на котораго онъ похожъ, какъ двѣ капли воды,—похлопочите, чтобы меня скорѣе отправили на фронтъ. Не нравится мнѣ здѣсь, всякіе народы вокругъ. Первое—испаны, они съ насъ смѣются, а потомъ эти самые нѣмцы...

— Какіе нѣмцы,—перебиваю я Соху.—Это—эльзасцы.

— Пущай они другимъ разсказываютъ,—непоколебимо стоитъ на своемъ Соха,—а только желательно, вашскородіе, скорѣе на фронтъ съ хранцузами вмѣстѣ, а не съ разными народами.

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ почти всѣ русскіе волонтеры изъ простыхъ. Ихъ общее стремленіе—освободиться отъ сосѣдства «разныхъ народовъ», изъ которыхъ сколочены иностранные полки, и попасть во французскую гущу. Насколько сильно отталкиваніе, скажемъ, отъ «испановъ», настолько же велико притяженіе къ «хранцузамъ». И всѣ упорно считаютъ эльзасцевъ «нѣмцами».

Другая встрѣча. Мы оба не можемъ вспомнить, гдѣ мы видѣли другъ друга,—то ли въ Бельгіи, гдѣ стоящій передо мною ловкій солдатъ кончилъ курсъ политехникума, то ли въ Петербургѣ, гдѣ онъ учился въ Горномъ, то ли въ Маньчжуріи, гдѣ онъ служилъ въ драгунскомъ полку офицеромъ. Одно несомнѣнно,—гдѣ-то мы встрѣчались. Онъ успѣлъ уже участвовать въ рядахъ бельгійской арміи въ одиннадцати бояхъ, получить двѣ раны, дослужиться до чина сержанта и съ удивленіемъ узнаетъ отъ меня, что имѣетъ право на офицерскій чинъ. Онъ—полякъ и просится въ «польскую» роту одного изъ батальоновъ иностраннаго полка.

А рядомъ съ нимъ, вернувшійся по болѣзни изъ этой самой роты маленькій, щуплый солдатъ начинаетъ восторженно разсказывать о ней.

— У насъ,—говоритъ онъ,—всѣ солдаты—поляки, только начальство французское. И флагъ свой имѣемъ. Бѣлый орелъ... Какъ стояли мы въ передовой линіи, полковой командиръ въ приказѣ отдалъ, что напротивъ насъ, въ траншеяхъ, много нѣмецкихъ поляковъ. Началась подъ вечеръ стрѣльба,—мы давай кричать: «Не стрѣляйте, братья, мы—поляки», и запѣли польскій гимнъ. А они въ отвѣтъ: «Покажьте знамя, если вы точно поляки». Тутъ знаменосецъ Шуйскій, тоже инженеръ, какъ они, и изъ «красныхъ», поднялся на окопъ. Увидали нѣмецкіе поляки польскій флагъ, перестали стрѣлять, польскія пѣсни запѣли. А нѣмцы ихъ ночью

увели, потихоньку, мы ничего не замѣтили. Утромъ снова стрѣльба. Наши подумали, что нѣмцы обманомъ поляковъ стрѣлять заставили. Вскочилъ Шуйскій на окопъ, машетъ знаменемъ, а пуля ему самое сердце пробила. Только я самъ этого ничего не видѣлъ,—добавляетъ онъ,—я въ караулѣ тогда былъ; однако все это вѣрно, даже въ газетахъ было описано. А потомъ къ намъ стали прибѣгать отъ нѣмцевъ поляки. Какъ-то разъ унтеръ-офицеръ прибѣгъ со своимъ отдѣленіемъ, прямо плакалъ отъ радости...

Подходитъ высокій, статный, съ чѣмъ-то трагичнымъ въ фигурѣ солдатъ. Онъ—тоже полякъ. Писатель, горячій патріотъ старой Польши. Былъ въ ссылкѣ. Ушелъ за границу. А когда началась война и появилось знаменитое воззваніе о Польшѣ, все въ немъ загорѣлось. Рѣшилъ сейчасъ же, сію же минуту, итти въ армію. Вначалѣ добровольцевъ не принимали, пришлось записаться на пять лѣтъ въ иностранный легіонъ, лишь бы не ждать. Отправили въ Африку, обучили и по просьбѣ, вмѣстѣ съ другими русскими легіонерами, отправили сюда. Просится скорѣе на фронтъ.

И снова длинной вереницей, одинъ за другимъ, проходили передо мной россіяне всѣхъ національностей, положеній, состояній и партій, занесенные волей случая въ депо французскаго иностраннаго полка. Инженеры, художники, еврейскій драматургъ, студенты, директоры конторъ, служащіе въ банкахъ, строитель тоннеля сквозь Пиренеи, изобрѣтатель по прожекторамъ, нотный издатель, эмигранты, рабочіе, раньше работавшіе въ «нѣмцахъ» и спасшіеся во Францію, матросы коммерческихъ судовъ, запасные, съѣхавшіеся изъ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи и иныхъ нейтральныхъ странъ, изъ Африки и даже далекой Америки нарочито для поступленія въ армію, простые запасные русскіе солдаты, ни слова не понимающіе по-французски, латыши, по-

ляки, малороссы, великороссы, литовецъ, финлянецъ, нѣсколько татаръ, грузинъ, армянъ, одинъ чувашъ, десятокъ казаковъ и евреи, евреи безъ конца. Впрочемъ, послѣднiй случай—случай совсѣмъ особенный и очень сложный.

Словомъ, разноцвѣтная, разноплеменная Россiя со всѣми своими особенностями, а зачастую, скажу откровенно, и со всѣми своими недостатками.

II.

Въ другомъ депо особенно интересной оказалась встрѣча съ юношей, котораго я зналъ раньше. Это— сынъ старыхъ, очень извѣстныхъ народовольцевъ, прожившiй въ Брюсселѣ «подъ нѣмцами» цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Его братъ уже давно на фронтѣ, а онъ только сейчасъ бѣжалъ изъ Бельгiи и поступилъ въ армiю.

— Я,—говоритъ онъ,—человѣкъ очень спокойнаго характера, почти никогда не возбуждаюсь, но теперь просто понять не могу, какъ я прожилъ столько времени съ нѣмцами. Не такъ меня возмутила вся эта война, сколько жестокости, совершонныя ими въ Бельгiи. И даже не самый фактъ жестокостей,—онѣ вѣдь всюду бываютъ,—а тотъ духъ, та система, по которой онѣ продѣлывались. У нихъ вѣдь все это совершалось на теоретическомъ, «научномъ» основанiи. Такъ сказать, не въ ярости безумства, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, а въ холодномъ разсчетѣ: запугать населенiе. И на первыхъ порахъ они своего добились, запугали всѣхъ, особенно женщинъ. Судите сами: гдѣ тутъ непосредственный гнѣвъ, единственное извиненiе жестокости, если изъ *заранѣе* изобрѣтенныхъ нарочито машинъ поливаютъ керосиномъ цѣлый кварталъ и затѣмъ сжигаютъ его до-тла. Если подъ предлогомъ обороны отъ франкъ-тиреровъ не просто убиваютъ въ

ярости на мѣстѣ заподозрѣнныхъ, а, отдѣливъ часть населенія, безъ различія пола и возраста, разстрѣливаютъ ее на другой день изъ... пулеметовъ. Да и всѣ ихъ афиши, приказы и газеты ничуть не скрывали «научнаго» характера устрашенія.

— Ну, а у васъ, въ Брюсселѣ, какъ они вели себя?

— У насъ они уже не безчинствовали, но тяжесть ихъ господства, регламентирующаго каждый шагъ, ощущается всѣми. Тысячи правилъ, запрещеній, тяжелыя контрибуціи и вначалѣ полное отсутствіе свѣдѣній, кромѣ сообщаемыхъ комендантскими афишами. Ну, а въ нихъ населенію преподносились совершенно невѣроятныя извѣстія о взятіи Парижа, Калэ, Варшавы и даже Кронштадта. Никто, разумѣется, не вѣрилъ, и въ противовѣсъ по городу циркулировали слухи о вступленіи русскихъ въ Берлинъ, англичанъ—въ Гентъ, французовъ—въ Мецъ и Страсбургъ.

Потомъ довольно регулярно сталъ выходить нелегальный гектографированный листокъ съ болѣе правдоподобнымъ освѣщеніемъ положенія вещей. Для чтенія этого листка образовались тайные кружки. Наконецъ, появились настоящія газеты: англійскія, французскія, голландскія, народилась своеобразная контрабанда газетная. И теперь, на третій день, въ Брюсселѣ можно найти любую парижскую газету. Конечно, опять-таки читаются онѣ нелегально, и кара за чтеніе большая. Какъ разъ передъ моимъ бѣгствомъ изъ Бельгіи намъ пришлось наканунѣ измѣнить нашъ планъ, потому что въ мѣстѣ предполагаемаго перехода черезъ границу нѣмцы застрѣлили 20 газетчиковъ-контрабандистовъ.

Я попросилъ юношу разсказать о своемъ бѣгствѣ.

— Это было вовсе не такъ трудно. Насъ бѣжало изъ Брюсселя пять человѣкъ. Я и четыре французскихъ солдата, пять мѣсяцевъ скрывавшихся въ подгородныхъ мѣстечкахъ. По дорогѣ къ намъ присоединились нѣ-

сколько молодыхъ фламандцевъ, спѣшившихъ на призывъ въ Гавръ.

Я не стану въ подробности передавать довольно красочной Одиссеи моего знакомаго, чтобы не помогать нѣмцамъ въ изловленіи бѣгущихъ. Скажу только, что послѣ двухдневныхъ мытарствъ вся компанія добралась до голландской границы. Здѣсь имъ еще разъ пришлось перемѣнить мѣсто перехода, снова «проваленное» и обагренное кровью нѣсколькихъ молодыхъ бельгійцевъ. Вся граница защищена проволочными загражденіями на мостахъ и сильными патрулями и часовыми вдоль всей рѣки. Впрочемъ, нѣмцы не только проморгали нѣсколько удобныхъ лазеекъ, но и сами же, того не зная, создали одну геніальную по своей простотѣ отговорку для застигнутыхъ у границы. Нынче всѣ бѣглецы—на мѣстахъ: фламандцы—въ бельгійской арміи, французы—въ своихъ полкахъ, а мой разсказчикъ—въ иностранномъ легіонѣ.

III.

Въ одной изъ ротъ русскихъ солдатъ привелъ старый сержантъ. Выстроивъ ихъ, онъ съ шикомъ скомандовалъ: «Смирно!» и обратился ко мнѣ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ. Оказалось... старый земскій дѣятель, подпоручикъ въ отставкѣ. Сынъ,—я его видѣлъ въ другомъ депо,—на-дняхъ ушелъ на фронтъ. Старикъ въ теченіе шести мѣсяцевъ тянулъ лямку сержанта, восхищая своимъ усердіемъ и образцовой службой начальство. Теперь, когда я пишу эти строки, онъ уже произведенъ въ офицеры. Мы, конечно, сейчасъ же отыскали общихъ знакомыхъ,—еще одна неожиданная встрѣча.

Обѣдать я отправился на офицерскую «мессу». Тамъ было шумно и весело. Мой сосѣдъ, старый «капитуся»,

подливая вина въ мой стаканъ, указалъ на атлетически сложеннаго пулеметнаго поручика.

— Вотъ почти вашъ компатріотъ. Славянинъ, какъ вы, русскіе,—чехъ. Раньше ихъ было два, теперь остался одинъ; другого услали на фронтъ.

Послѣ обѣда въ курильной я познакомился съ чехомъ. Поручикъ кавалеріи австрійской арміи, баронъ Рудольфъ О. свободно изъясняется по-русски. Онъ какъ-то прожилъ въ Россіи четыре мѣсяца, и этого было достаточно, чтобы начать говорить. Меня интересуетъ, какимъ образомъ О. попалъ въ австрійскую армію.

— Конечно, не по призванію,—смѣясь, отвѣчаетъ онъ.—Дѣло было очень просто. По закону, мнѣ, какъ австрійскому подданному, приходилось отбывать мои три года солдатомъ. А быть солдатомъ въ австрійской арміи, да еще чеху, да еще интеллигентному,—покорно васъ благодарю. Кончилъ я военное училище, прослужилъ свои три года и уѣхалъ въ долгій отпускъ въ Парижъ съ цѣлью по окончаніи его уйти въ запасъ. И вдругъ Австрія объявила Россіи войну. А между нею и Франціей дипломатическія сношенія еще не прерваны. И вотъ я получаю приказъ о мобилизаціи отъ нашего военнаго атташе. Я сейчасъ же къ нему. Прихожу въ посольство. Направляюсь къ агенту, а у него офицеровъ призванныхъ—полнымъ-полно. Протягиваю ему молча приказъ.

— Что это?—спрашиваетъ полковникъ.

— Вашъ приказъ о мобилизаціи; онъ мнѣ не нуженъ...

— Какъ такъ, что вы говорите!..

— А такъ, не нуженъ; я въ Австрію не поѣду...

— Какъ не поѣдете, почему?

— Потому, что я—чехъ и не стану биться противъ Россіи.

— Что же вы будете дѣлать?

— Что?! Поступлю въ иностранный легіонъ.

Полковникъ покраснѣлъ, покачнулся, ухватился обѣими руками за голову и даже зубами заскрипѣлъ. Офицеры... надо было видѣть ихъ лица.

— И вы не боялись,—перебиваю я барона,—какихъ-либо выходокъ съ ихъ стороны?

— Ну, понятно, нѣтъ. Во-первыхъ, посмотрите-ка, я могу защититься,—и онъ качнулъ своимъ атлетическимъ корпусомъ,—а кромѣ того, всѣ наши чехи знали. Не выйди я черезъ четверть часа, они бы все посольство разнесли.

— Ну, а дальше?—спрашиваю я.

— Дальше? Дальше опомнился полковникъ, сталъ меня уговаривать: «Подумайте: въ легіонѣ вы простымъ солдатомъ будете,—вы, офицеръ драгунскаго полка»... Тутъ я не вытерпѣлъ и какъ слѣдуетъ отбрилъ негодяя. «Для меня,—сказалъ я ему,—пріятнѣе драться противъ Австріи простымъ рядовымъ въ легіонѣ, чѣмъ быть офицеромъ въ ея арміи!». Сказалъ и вышелъ. Только успѣлъ мнѣ вдогонку атташе прокричать, что мои родные пожалѣютъ о моемъ шагѣ. А съ пріятелемъ моимъ на другой день онъ и говорить не сталъ. Научился.

О. помолчалъ.

— Да, а брата моего, офицера, австріяки разстрѣляли. Услали со всѣмъ чешскимъ батальономъ въ одну деревушку и бомбардировали своей же артиллеріей. Двадцать три раны братъ получилъ, такъ оставили умирать безъ помощи, какъ собаку. Ну, да погодите! Тутъ, въ Парижѣ, ни одинъ чехъ не возвратился въ Австрію, а въ легіонъ поступило много. Цѣлую чешскую роту сформировали. Меня съ пріятелемъ приняли офицерами. А у насъ, въ Прагѣ? У насъ, какъ только русскіе покажутся на Моравѣ,—по всей Богеміи—революція. Мы, чехи, ненавидимъ австрійское господство, ненавидимъ Австрію, начиная отъ соціалистовъ, кото-

рыхъ она разстрѣливаетъ, и кончая знатью. И если между нами есть разногласія, то это—о формѣ, въ которую отольется независимость Богеміи, а не по поводу необходимости борьбы за эту независимость. Какая бы то ни было, она—лучше теперешняго рабства.

Это была моя послѣдняя, особо характерная встрѣча если не съ русскимъ, то со славянскимъ элементомъ. А сколько иныхъ, полныхъ живого интереса! Аргентинецъ, спеціально пріѣхавшій изъ Буэноса воевать за независимость Бельгіи, венецуэльскій офицеръ, американскій докторъ, богатый мексиканецъ, образованный сержантъ-негръ и легіонъ иныхъ добровольцевъ со всего міра. Что́ будетъ завтра,—неизвѣстно, но сегодня, на данный моментъ, форсированный маршъ нѣмецкихъ армій на европейскую демократію и права національностей сумѣлъ ихъ объединить и бросить противъ самовлюбленной, опруссѣвшей Германіи.

Гюставъ Любенъ.

Мать Жанъ лѣниво открывала свое заведеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, или, вѣрнѣе, съ окончанія мобилизаціи, дѣла идутъ изъ рукъ вонъ плохо. Фабрика закрылась, мужчинъ забрали въ армію, и старики и женщины сидятъ по домамъ. Развѣ забѣгутъ солдатики съ останавливающихся на вокзалѣ воинскихъ поѣздовъ.

Стоитъ ли торопиться?

— Добрый день, мадамъ Жанъ, какъ дѣла?

— А, это вы, мадамъ Жерменъ. Спасибо. Все нездоровится, а какъ у васъ?

— Да ничего, что новаго, что пишетъ мосье Жанъ?

— Да то же. Постоянно въ грязи, въ траншеяхъ. Проклятые нѣмцы снова начали свои атаки. Но старикъ не жалуется. Онъ у меня молодецъ.

Толстый хозяинъ кабачка, мосье Жанъ, съ самаго начала войны маршируетъ съ территоріалами. Изъ Эльзаса въ Бельгію, оттуда на Марну, теперь въ Шампань. И, къ великой гордости мадамъ Жанъ, былъ даже упомянутъ въ приказѣ по полку.

— А въ Парижѣ,—продолжаетъ она,—снова арестовали нѣмецкихъ шпіоновъ. Цѣлую дюжину! Говорятъ, хотѣли взорвать всѣ мосты. Кто былъ переодѣтъ монашками, кто городовымъ и даже, представьте себѣ... жандармами. О, эти поганые пруссаки такъ хитры...

— Послушайте, мать Жанъ, — кричитъ хромогогій Пьеръ,—пришли важныя новости... — Онъ останавливается и ждетъ вопроса.

Почтенная дама принимаетъ небрежный видъ. Мальчишка съ почты—ея заклятый врагъ. Но по своему положенію Пьеръ—источникъ всѣхъ сенсацій.

— Ну, что тамъ, — съ плохо скрытымъ любопытствомъ спрашиваетъ она,—снова цеппелины надъ Парижемъ?

— Вотъ и нѣтъ, вотъ и нѣтъ! Война объявлена... Германіи,—торжественно заключаетъ мальчишка и съ хохотомъ ковыляетъ дальше.

— О, это сущее несчастіе, такой бездѣльникъ,— вздыхаетъ простодушная хозяйка «Свиданія Королей», по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю попадающаяся на удочку хромого.

Съ рынка возвращаются хозяйки, останавливаются на углу и заводятъ пересуды. Очередная тема—открытіе фабрики. До войны она принадлежала нѣмцамъ и выдѣлывала химическіе продукты. По слухамъ, нѣмцы успѣли бѣжать въ Швейцарію, но у старика Гибо, зеленщика жандармеріи, особое мнѣніе.

— Э,—подмигиваетъ онъ,—имъ вкатили за воротникъ хорошую порцію пуль. Тамъ, позади главнаго корпуса, на бетонной платформѣ. И потомъ исторія съ подземнымъ телефономъ. Собаки...

Какъ бы то ни было, фабрику запечатали. И только позавчера пріѣхалъ новый директоръ съ семьей и нѣсколькими рабочими, присланными военными властями изъ Парижа. Говорятъ, на фабрикѣ будутъ приготовлять взрывчатыя вещества для снарядовъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что новый директоръ и его семья—русскіе, окружаетъ фабрику особой таинственностью. Что касается мадамъ Жанъ, она надѣется на оживленіе «Свиданія Королей» рабочими.

Въ самый разгаръ бесѣды въ концѣ улицы показываются два бельгійскихъ солдата. Маленькій капралъ, а съ нимъ огромный кавалеристъ. Рыжій, широкобородый, косая сажень въ плечахъ. На макушкѣ чудомъ держится вздернутый набекрень форменный колпачокъ съ кисточкой.

— Вотъ это настоящій «poilu» (пуалю),—замѣчаетъ кумушка Леони,—врядъ ли его лошадь очень довольна.

Бельгійцы любопытно разглядываютъ крытыя соломой высокія хаты Нормандіи. Они держатъ направленіе прямо на кабакъ. Мать Жанъ торопливо переваливается внутрь, за стойку. Всѣ дружелюбно здороваются съ бельгійцами, а мадамъ Жерменъ и Леони устраиваютъ патріотическую манифестацію.

— «Vive la Belgique!» (Да здравствуетъ Бельгія!)—кричатъ онѣ. Солдаты берутъ подъ козырекъ. «Vive la France!» (Да здравствуетъ Франція!).

Вмѣстѣ съ ними заходятъ въ кабакъ всѣ собесѣдники, и, пока хозяйка наливаетъ по стаканчику, завязывается общій разговоръ. Маленькій капралъ тараторитъ безъ умолку, рыжебородый только улыбается. Они оба ранены, лежали на югѣ, разсказываетъ капралъ, а теперь возвращаются обратно въ свою армію.

— Да, Бельгія насъ спасла, спору нѣтъ. За ваше здоровье, мальчики,—чокается старикъ Гибо.

— Оно и немудрено съ такими молодцами,—поддакиваетъ хозяйка, указывая на рыжаго.

Солдаты выпиваютъ, утираютъ губы рукавами мундировъ. Маленькій капралъ оборачивается къ кабатчицѣ:

— Такими? Да это не бельгіецъ, это казакъ!—гордо заявляетъ онъ.

Отъ неожиданности мать Жанъ переливаетъ черезъ край. Всѣ пристально смотрятъ на рыжаго. Но зеленщикъ не сдается.

— Оставь шутки. Чего пускать пыль въ глаза...

— Честное слово казакъ, бѣглый изъ нѣмецкаго плѣна,—увѣряетъ капралъ.—Да скажи имъ, Гюставъ, правда, что ты казакъ, или нѣтъ?

— Вуй, вуй,—тычетъ себя въ грудь пальцами Гюставъ,—казакъ.

Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ, жмутъ руки, разспрашиваютъ и черезъ четверть часа полмѣстечка толпится вокругъ «Свиданья Королей».

Къ сожалѣнію, Гюставъ не очень много можетъ разсказать. Онъ объясняется больше жестами, что не мѣшаетъ быстрому сближенію съ публикой.

Новый директоръ фабрики, дѣйствительно, русскій. Собственно говоря,—не совсѣмъ, такъ какъ религіи онъ іудейской и фамилія у него со звучнымъ нѣмецкимъ окончаніемъ «фельдъ», что составляетъ предметъ мученій мѣстнаго прокурора, видящаго повсюду пруссаковъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ господину прокурору республики нечего безпокоиться—директоръ присланъ военной властью. Но все же мосье Лебренъ рѣшилъ смотрѣть въ оба.

Семенъ Михайловичъ, — такъ зовутъ директора, — первый разъ на такомъ важномъ мѣстѣ. Его патрону, профессору Сорбонны, поручили устройство заводовъ для армій и на одинъ изъ нихъ онъ назначилъ Семена Михайловича. Хотя нѣмцы хорошо оборудовали дѣло до войны, все же работы много и Семенъ Михайловичъ цѣлые дни бѣгаетъ по корпусамъ.

Семья Зоммерфельдовъ, т.-е. онъ, его жена, прехорошенькая, кудрявая медичка Лея и маленькая дѣвочка Рая,—семья дружная. Семенъ Михайловичъ—талантливый химикъ, Лея съ ожесточеніемъ учится медицинѣ, да вотъ дочка застопорила. Впрочемъ, онѣ обѣ теперь наслаждаются неожиданной дачей. Заводъ стоитъ въ полѣ, за деревней; вокругъ насаженный нѣмцами садъ съ прекраснымъ огородомъ, а по саду бѣжитъ ручей,

приводящій въ движеніе заводскую турбину. Въ ручьѣ водится форель, и Рая можетъ подолгу смотрѣть, какъ горбатый подростокъ съ фабрики ловитъ хитрую рыбу.

Одиннадцать часовъ. Вся семья въ сборѣ въ ожиданіи обѣда въ столовой. Нѣмцы постарались—и комната уютна, съ прочной, хорошей мебелью, съ темными обоями и картинами на стѣнахъ.

Первая замѣтила подошедшихъ Раичка, высунувшаяся изъ окна.

— Посмотри, мамочка,—сказала она,—какой большой солдатъ идетъ.

Это шелъ Гюставъ въ сопровожденіи хромого Пьера и кучи мальчишекъ, окружавшихъ его плотной стѣной.

— Здѣсь,—указалъ на домъ Пьеръ. Ватага остановилась. Гюставъ поправилъ колпачокъ, пригладилъ бороду, откашлялся и постучалъ въ дверь.

Лея и Семенъ, наблюдавшіе сцену изъ окна, вышли въ переднюю. Горничная уже открыла дверь. Могучая фигура солдата цѣликомъ занимала ее.

— Здравія желаю, господинъ, не могу знать, какъ васъ величаютъ,—козырнулъ онъ Семену и, поклонившись въ сторону Леи, добавилъ:—Нижайшее русское почтеніе, сударыня.

— Какъ, вы русскій, не можетъ быть! Вотъ изумительно... сюда, сюда,—вводилъ Семенъ гостя въ столовую. Рая, ухватившись за материнскую юбку, съ любопытствомъ и страхомъ разглядывала вваливающагося посѣтителя.

— А, барышня, — обрадовался Гюставъ, — позвольте руку.

Но дѣвчонка только крѣпче ухватилась за мать.

— Боятся, вотъ исторія. Вы, барышня, не бойтесь, я вамъ козу покажу.

— Да она по-русски не понимаетъ,—вмѣшался Семенъ.—Она у насъ француженка.

— Не понимаетъ. Ахъ ты, Боже мой, русское дите по-русски не обучено.—Гюставъ укоризненно помоталъ головой.

— Садитесь пожалуйста,—предложила Лея.

— Это можно, отчего не сѣсть,—согласился солдатъ и, устроившись въ креслѣ, сказалъ:—Честь имѣю представиться—Евстафій Лабинъ, а по-бельгійскому, значитъ,—Гюставъ Любэнъ, донской казакъ.

— Какъ же вы попали сюда?—изумился Семенъ.

— А очень просто, господинъ. Въ кабакѣ люди хорошіе указали. Мы съ госпиталя, послѣ раненія, возвращаемся въ армію. Такъ вотъ на время остановки съ поѣзда отлучились.

— Нѣтъ, какъ вы за границу, въ бельгійскую армію попали?

— А еще того проще, господинъ. Да, вы, барышня, подить поближе,—поманилъ онъ, набравшуюся храбрости и оттаявшую отъ юбки дѣвочку.—Мы, значитъ, въ Калишѣ нѣмцами плѣнены были. Ну, и отправили они меня съ прочими въ плѣнный лагерь. Къ датчанской границѣ. Всякаго народа тамъ было: бельгійцевъ, англичанъ, французовъ, нашихъ русачковъ, даже, повѣрите ли, черныхъ араповъ. Только вижу я—здѣсь оставаться мнѣ не рука, пища скверная, обращенье того хуже и еще зазорно въ плѣну прохлаждаться. Выбралъ ночь потемнѣе и давай Богъ ноги. Всю ночь бёгъ, а на утро отвели меня въ полицію: оказалось, нахожусь я въ Даніи. Успѣлъ-таки за ночь до границы убѣчь. Дальше дѣло, можно сказать, само пошло. Отправили меня изъ Даніи въ Швецію, до русскаго консула, пароходомъ.

— Почему же въ Швецію?

— Вотъ я тоже понять не могъ. А въ Швецію ѣхать не хотѣлось, всякое про нее говорили, будто она противъ Россіи. Только все это брехня. Матросы на пароходѣ—славные ребята.

— Постойте, какъ же вы поняли? Вѣдь вы по-шведски не говорите?

— А ужъ такъ, понялъ и понялъ. Привезли меня въ портовый городишко, до русскаго консула. А онъ шведъ, завзятый шведъ, ни въ зубъ по-русски. Покрутился я тамъ, покрутился—и подался въ Англію. Ну, въ Англіи консулъ настоящій, истинный русскій. Вамъ, говоритъ, теперь невозможно въ Россію вернуться. А если охота снова на войну, поступайте во французскую армію, а то въ бельгійскую. Куда вамъ желательно? Подумалъ я, подумалъ, жалко мнѣ Бельгіи. Махонькая она, всю нѣмцы заберутъ, не отбиться ей самой. Желаю къ бельгійцамъ. Ну, и поступилъ. Записали меня по-ихнему: Гюставъ Любэнъ. Вотъ ужъ пятый мѣсяцъ съ ними дерусь. Хорошій народъ.

— А съ языкомъ вамъ не трудно?

— Нисколько. Всякія командныя слова, попросить что, купить, дорогу спросить—это я знаю, а не то, такъ показомъ. Вотъ насчетъ пищи плоховато. Очень бельгійцы деликатны, жидка ихъ пища для русскаго человѣка. У англичанъ пища настоящая. Бифтеки, мяса сколько душѣ угодно. Въ четыре часа чай. А здѣсь кофій, да кофій, никакой съ него пользы. Еще лошади у нихъ глупыя, далеко имъ до нашихъ. Выстрѣловъ пугаются, карьера настоящаго нѣтъ. Да-съ, барышня, идетъ коза рогатая, идетъ коза бодатая,—тоненькимъ голоскомъ затянулъ Гюставъ, дѣлая козу взобравшейся къ нему на колѣни Раѣ.

— Обѣдъ готовъ,—объявила вошедшая горничная.

— Вотъ и прекрасно. Вы съ нами пообѣдаете, Евстафій...

— Митрофановичъ, — добавилъ казакъ. — Покорно благодаримъ. Только мнѣ, навѣрное, время на поѣздъ. Ахъ, батюшки, да что же я думаю, вѣдь онъ сейчасъ тронется,—поглядѣвъ на часы, заволновался казакъ.

Спустя десять минутъ на платформѣ происходили проводы. Кромѣ семейства директора, собралось много всякаго народа. Семенъ обмѣнялся съ Гюставомъ адресами и что-то сунулъ ему въ руку, мать Жанъ принесла небольшой свертокъ, старикъ Гибо—яблокъ. Когда поѣздъ, попыхивая, медленно тронулся, со всѣхъ сторонъ понеслись крики:

«Вивъ ля Рюсси!» «Вивъ ля Бельжикъ!»

Гюставъ стоялъ въ дверяхъ и, взявъ подъ козырекъ, изо всѣхъ силъ кричалъ:

«Вивъ ля Франсъ».

Мѣстечко долго находилось подъ впечатлѣніемъ видѣннаго настоящаго казака. Особенно сильное впечатлѣніе онъ произвелъ на Леони, раньше представлявшую себѣ казаковъ чѣмъ-то страшнымъ и не менѣе дикимъ, чѣмъ сенегальцы.

— О, они очень милы и... красивы,—говорила она, мечтательно закатывая глаза.

— Да,—вспоминалъ старикъ Гибо,—если бы намъ прислали корпуса четыре такихъ молодцовъ, эти грязные пруссаки не долго бы задержались въ нашей бѣдной Франціи, не правда ли, мать Жанъ!

— Я думаю,—поддакивала кабатчица,—стоитъ только посмотрѣть на его плечи. Жаль, мой старикъ не видѣлъ этого парня. Какой гигантъ и какія икры!

Мальчишки даже ввели новую игру въ «бельгійскаго казака».

Лея подробно разсказывала своимъ знакомымъ о неожиданномъ визитерѣ, неизмѣнно прибавляя: «Ну можете себѣ вообразить, совсѣмъ настоящій казакъ, ... Только онъ былъ очень милый и нисколько не страшный. Даже Раечка сразу полюбила его».

Скоро пришло и письмо отъ него.

Здравствуйте!—писалъ казакъ,—
Многоуважаемый
Г-нъ Зоммерфельдъ.

Шлю вамъ свой Русскій привѣтъ и Русское спасибо изъ Бельгійскаго фронта. Я понастоящее время живъ и здоровъ, пишу Вамъ это письмо въ очень неуютномъ домѣ, т.-е. въ одномъ обгорѣвшемъ и развалившемся домѣ, въ которомъ сегодня привалъ и вотъ на сырой землѣ, такъ какъ полъ содрали раньше на траншеи и т. п. я пишу вамъ эти строки.

Дней пятнадцать тому назадъ я былъ снова раненъ, но на этотъ разъ легко въ руку, и хотя трудновато было работать одной рукой, но я не покинулъ своего поста. Четыре дня тому назадъ я подобрался близко къ ихъ батареѣ, но, не дойдя 200 шаговъ, это было ночью, нѣмцы пустили «ракету», которая меня освѣтила какъ днемъ, и открыли такой огонь, какъ бы по цѣлой ротѣ, и благодаря канавѣ, я спасся, но пришлось больше версты лѣзть по поясъ въ водѣ, а когда пускали «ракеты», то и опускаться по самую шею. Въ общемъ, очень трудно дѣлать развѣдки. Часто приходится засыпать верхомъ на лошади, такъ какъ погода очень скверная, т.-е. дожди и снѣгъ и тому подобное. Къ пищѣ этой до сихъ поръ не могу привыкнуть, а по тому не хватаетъ, изъ провіанта купить кое-что можно, но страшно дорого, такъ что приходится переносить многое. Но все-таки я твердо рѣшилъ остаться до конца войны въ защиту обокраденной Варварами Бельгіи.

Пока прощайте!

Пишите хотя двѣ строчки, какъ Вы живете.

Остаюся Вашъ Русскій
Евстафій Лабинъ.

Фронтъ 2/III 1915.

Получивъ это письмо, Семенъ Михайловичъ и Лея при дѣятельной помощи Раечки закупорили большую посылку и отправили ее казаку.

Атака возвышенности „140“.

Въ недавнихъ бояхъ подъ Аррасомъ, кончившихся блестящей побѣдой французскихъ войскъ, видное мѣсто принадлежитъ . . . . иностранному полку. Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ лицомъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ полку, кратки, но полны грознаго и величественнаго интереса для насъ, иностранцевъ - волонтеровъ французской арміи.

Прежде всего нѣсколько словъ о самомъ полку. Его массу составляли, какъ и въ прочихъ иностранныхъ полкахъ, добровольцы не французскаго происхожденія, поступившіе въ армію во время войны. Въ противность порядкамъ другого иностраннаго полка, въ его кадрахъ не было присланныхъ изъ Африки настоящихъ легіонеровъ, что́, конечно, только способствовало бо́льшей выдержанности добровольческаго характера полка и его большому энтузіазму.

Первые батальоны иностранныхъ полковъ были отправлены на фронтъ въ концѣ октября, т. - е. послѣ двухмѣсячнаго обученія, такъ какъ пріемъ волонтеровъ начался 21-го августа. Въ . . . . полку широко былъ развитъ принципъ дѣленія по національности,—принципъ, давшій самые прекрасные результаты, какъ во время обученія, такъ и въ бою. Между прочимъ въ немъ были польская, чешская и греческая роты, а также и русскія секціи.

Греческая рота составилась какъ изъ волонтеровъ, бывшихъ во время объявленія войны во Франціи, такъ и нарочито пріѣхавшихъ для поступленія изъ другихъ государствъ. Чешскую роту сформировали изъ чеховъ, отказавшихся вернуться въ Австрію и заявившихъ желаніе биться съ угнетающимъ ихъ родину государствомъ. Польская рота представляла собой смѣшеніе всѣхъ партій и классовъ. Главный ея контингентъ, конечно,—политическая эмиграція. Тутъ были и представители. P. P. S., и польской соціалъ-демократической партіи, и патріоты стараго закала, и люди, увлеченные знаменитымъ манифестомъ, возвѣщавшимъ новую эру русско-польскихъ отношеній. Судьбы Бельгіи и Сербіи, такія понятныя и близкія польскому сердцу, защита рыцарской по отношенію къ нимъ Франціи и надежда освобожденія, объединенія ихъ прекрасной, разорванной на части, несчастной родины собрали вмѣстѣ этихъ во всемъ остальномъ разномыслящихъ людей и скрѣпили ихъ цементомъ энтузіазма и самопожертвованія.

Польская и чешская роты еще во время своего обученія въ Байонѣ считались лучшими, и офицеры мнѣ говорили, что въ штыковомъ ударѣ отъ нихъ надо ждать чудесъ.

Это—та самая польская рота, о которой съ глубокой нѣжностью и восторгомъ разсказывалъ недавно маленькій, худенькій солдатъ,—рота, надъ которой рѣялъ ея національный флагъ и лилась старая свободная польская пѣсня,—небольшая горсть людей, островокъ, затерявшійся въ безбрежномъ, разноплеменномъ человѣческомъ морѣ французскаго фронта. Эта горсть смѣлыхъ, самоотверженныхъ бойцовъ, какъ она ни была мала, являла собой яркое воплощеніе неумирающей идеи и мужественнаго народа. Она представляла прошлую, настоящую и будущую Польшу...

Русскія секціи состояли, какъ и въ остальныхъ полкахъ, изъ членовъ всѣхъ лѣвыхъ партій, запасныхъ военно-служащихъ и евреевъ, эмигрировавшихъ за границу.

До послѣдняго времени иностранные полки, за исключеніемъ гарибальдійскаго, не участвовали въ штыковыхъ бояхъ. Но волонтеры проявили много энергіи и мужества въ тяжеломъ траншейномъ сидѣньѣ, въ развѣдкахъ и патрульной службѣ.

Такимъ образомъ .... полкъ шелъ въ атаку возвышенности «140», подготовленный долгимъ, шестимѣсячнымъ опытомъ. Не ослабѣвшій энтузіазмъ волонтеровъ сдѣлалъ эту классическую атаку *молніеносной*. Въ 40 минутъ возвышенность и три линіи траншей были взяты. Въ первыхъ рядахъ шли польская и чешская роты, почти уничтоженныя огнемъ пулеметовъ, орудій и взрывами фугасовъ. Командиръ бригады, командиры полка и трехъ батальоновъ убиты, много офицеровъ палю или ранено. Погибъ геройской смертью во главѣ своихъ соплеменниковъ полякъ-офицеръ, также палъ чешскій офицеръ лейтенантъ Досталь, служившій раньше въ австрійской артиллеріи. Греческая рота, по словамъ ея офицера, съ легкостью прошла первую и вторую линіи траншей, но фугасы, одновременно взорванные при помощи электрическаго тока, унесли изъ ея рядовъ 90 убитыхъ и 160 раненыхъ передъ третьимъ рядомъ окоповъ.

Много русскихъ волонтеровъ полегло въ этомъ бою. Тутъ же былъ раненъ Зиновій Пѣшковъ, пріемный сынъ М. Горькаго, произведенный передъ тѣмъ на фронтѣ въ капралы. Пробѣжавъ со своей командой нѣсколько шаговъ, онъ очутился передъ проволочными загражденіями, которыя были быстро перерѣзаны и пройдены подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. У самыхъ нѣмецкихъ траншей онъ замѣтилъ наста-

вленный въ упоръ пулеметъ и, едва объяснивъ людямъ, что пулеметъ во что бы то ни стало долженъ быть взятъ, упалъ на землю. Когда Пѣшковъ пришелъ въ себя, атака прошла далеко впередъ, и онъ, чувствуя полную неспособность двигать рукой, поползъ обратно въ траншею. Здѣсь мужественный солдатъ отказался быть перенесеннымъ до наступленія ночи на перевязочный пунктъ, изъ боязни подвергнуть опасности несущихъ. Руку, раздробленную нѣсколькими пулями, въ виду начавшейся гангрены пришлось отрѣзать.

Знаменитая отнынѣ атака возвышенности «140» пробила узкую брешь въ нѣмецкомъ фронтѣ. За полкомъ волонтеровъ, шедшихъ на приступъ болѣе стремительно, по словамъ французовъ, «чѣмъ даже зуавы», волной хлынули другія части. И надо надѣяться, что сквозь эту пробоину съ тѣмъ же пыломъ пройдутъ закалившіяся въ траншейныхъ бояхъ мощныя арміи республики.

И, когда, по окончаніи грандіознаго пожара, на конгресѣ мира приступятъ къ опредѣленію границъ національныхъ государствъ, когда передъ побѣдившими народами встанетъ вопросъ о внутреннемъ переустройствѣ на началахъ, болѣе близкихъ къ справедливости, пусть этотъ небольшой, но громаднаго моральнаго значенія эпизодъ великой битвы народовъ послужитъ однюю изъ путеводныхъ звѣздъ демократіи. Пусть благородное самопожертвованіе борцовъ, по вольному выбору пошедшихъ на смерть ради чужой свободы, дастъ мощную поддержку ихъ собственному дѣлу.

Атака возвышенности «140»—прекрасный порывъ разноязычныхъ, разноплеменныхъ, разноживущихъ людей, бьющихся и гибнущихъ за лучшее будущее человѣчества.

За годъ.

Нашъ небольшой, дружный эмигрантскій волонтерскій отрядъ въ обширномъ добровольческомъ лагерѣ Cercottes подъ Орлеаномъ служилъ своеобразнымъ центромъ притяженія. Строгая товарищеская дисциплина, высокій моральный уровень, интимность, разумное усердіе и круговая порука рѣзко выдѣляли его среди безформенной, разноплеменной, безпомощной массы волонтеровъ. И неудивительно, что Осбергу (нынѣ капитану, а тогда простому солдату) и мнѣ очень часто приходилось выслушивать въ качествѣ представителей отряда и его полуофиціальныхъ начальниковъ просьбы добровольцевъ другихъ отрядовъ объ ихъ переводѣ къ намъ.

Помню, однажды битый часъ я втолковывалъ испанскому студенту, что это невозможно, потому что отрядъ нашъ составленъ, кромѣ всего прочаго, по принципу принадлежности къ русскому государству. Хотя это было не совсѣмъ вѣрно. Въ нашихъ рядахъ находились болгаринъ К. Тодоровъ и Дель-Перуджіо, котораго мы считали тогда за подлиннаго итальянца. Но оба они воспитывались въ Россіи: первый— сотрудникъ видной волжской газеты, и рядъ его родственниковъ служилъ въ русской арміи. Словомъ, мы ихъ признавали русскими.

Гораздо труднѣе обстояло дѣло съ просителями изъ

нашихъ соотечественниковъ, которыхъ вкраплено было довольно много въ волонтерскую массу Серкотскаго лагеря.

— Такъ вѣдь я тоже русскій, хотите покажу документы...

— Поймите, голубчикъ, что мы составили нашъ отрядъ только изъ людей другъ другу извѣстныхъ, одинаковыхъ убѣжденій...

— А почемъ вы знаете, можетъ, у меня въ сердцѣ такія же убѣжденія...

— И потомъ по рекомендаціи двухъ членовъ и только въ случаѣ *единогласнаго* голосованія за пріемъ.

— Такъ голосуйте меня теперь.

— Но теперь мы—солдаты. Наша роль кончена. Назначитъ васъ начальство къ намъ,—будемъ рады.

— Да оно само безъ вашей просьбы не назначитъ. Къ вамъ весь лагерь хочетъ попасть.

Однако, несмотря на строго выдержанную изоляцію, мы знали, что въ ротѣ, куда будемъ назначены для сформированія батальона первой линіи, намъ придадутъ соотечественниковъ изъ числа запасныхъ русскихъ солдатъ. Запасныхъ потому, что первоочередной батальонъ комплектовали изъ волонтеровъ, бывшихъ солдатами въ своихъ отечествахъ. Исключеніе сдѣлали только для дисциплинированной русской эмигрантской группы, и то по ея настойчивой собственной просьбѣ.

Такъ и случилось. Наши новые соратники показали себя прекрасными, достойными людьми, храбрыми солдатами и очень хорошими товарищами. Ихъ сосредоточили по преимуществу въ моемъ взводѣ, какъ не говорящихъ по-французски, и я на собственномъ опытѣ убѣдился въ высокихъ качествахъ русскаго солдата послѣдняго времени. Нѣкоторые изъ нихъ были великіе патріоты русской арміи и напропалую критиковали французскіе военные уставы, увѣряя, что наши пріемы куда

проще и лучше. Это были главнымъ образомъ евреи, пріѣхавшіе по выходѣ въ запасъ во Францію работать съ помощью обосновавшихся здѣсь родственниковъ.

Еще въ Cercottes, въ начальный, «изолированный» періодъ нашего пребыванія въ легіонѣ, у насъ на линейкѣ постоянно маячили нѣкоторые изъ нихъ, слушая русскія пѣсни, русскіе разговоры, раздававшіеся въ этомъ углу лагеря. Они показывали волонтерамъ нашего отряда ружейные пріемы, помогали дѣлать «пакетажъ», словомъ, оказывали всевозможныя услуги, стараясь быть полезными родной для нихъ средѣ.

Въ яркій воскресный день на линейкѣ пришлый фотографъ снималъ желающихъ. Невысокій, чернявый, крѣпко сбитый солдатъ, въ начищенныхъ, какъ зеркало, «бродекенахъ», съ горящими на «вестѣ» пуговицами, позировалъ передъ аппаратомъ, по-русски взявъ «на руку».

— Глядите, какимъ чортомъ стоитъ Ноховичъ,—указалъ мнѣ на снимающагося Мельниковъ.

И впрямь, Ноховичъ стоялъ молодцомъ: грудь навыкатъ, лицо грозное, словно вросъ въ землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ, будто подобрался для прыжка впередъ.

— Nochovitch, c'est pas ça,—замѣтилъ ему легіонеръ-капралъ по поводу положенія винтовки.

— Отъѣзжай, братъ,—по-русски отвѣтилъ солдатъ,—по-нашему, по-россійски, способнѣе. Я и въ атаку такимъ манеромъ пойду.

Ноховичъ оказался чудеснымъ солдатомъ. Онъ только что кончилъ срокъ службы въ Россіи и былъ полонъ военныхъ воспоминаній. Насъ интересовала психологія этихъ людей, не обязанныхъ (согласно Высочайшему разрѣшенію вплоть до 1-го марта 1915 года), будучи за границей, поступать въ войска и съ такимъ жаромъ стремившихся на передовую линію. На мой вопросъ, почему онъ поступилъ во французскую армію, Нохо-

вичъ, ставъ смирно и взявъ по-русски подъ козырекъ, отвѣтилъ:

— Сражаться за правду, господинъ унтеръ-офицеръ (меня уже произвели въ сержанты, но онъ упорно величалъ на русскій манеръ, такъ же, какъ позднѣе ни за что не обращался ко мнѣ по-французски «мой лейтенантъ», а всегда говорилъ «ваше благородіе»).

Другой его товарищъ на подобный вопросъ далъ нѣсколько неожиданный, но глубоко логичный отвѣтъ: «за еврейскій народъ»,—при чемъ самый внимательный глазъ не смогъ бы открыть въ бѣлокуромъ, безукоризненно говорящемъ по-русски солдатѣ еврея.

Попавъ въ нашу дружную семью, эти славные люди раздѣлили и ея участь. Вмѣстѣ перенесли краонельское траншейное сидѣнье, вмѣстѣ съ большею частью основного ядра отряда были отосланы на почвѣ неизбѣжныхъ въ анормальной обстановкѣ легіона треній въ депо, откуда послѣ торжественнаго признанія отосланныхъ солдатъ прекрасными служаками и людьми, распредѣлились по полкамъ линейной, настоящей французской арміи. Такъ исполнилась завѣтнѣйшая мечта русскихъ волонтеровъ—попасть во французскую гущу. Большинство ихъ передъ переводомъ произвели въ солдаты перваго класса.

Перешелъ въ линейный полкъ и Ноховичъ. Недолго ему пришлось пробыть въ немъ. Коротенькое письмо С. Н. Слетова, служившаго съ нимъ въ одной ротѣ, извѣщаетъ объ его концѣ. Вотъ оно:

«Ночью перебрались на свою горку, а утромъ, часу въ 8-мъ, убитъ наповалъ пулей въ голову Яковъ Мендель Ноховичъ (родился въ Скерневицахъ 21-го февраля 1889 г.). Не мучился совсѣмъ. Позволили заняться похоронами... Какъ вы знаете, покойникъ ни къ какимъ партіямъ не принадлежалъ, отъ еврейства не отрекался, былъ хорошимъ солдатомъ и добрымъ товарищемъ.

Совершенно необразованный, способный отъ природы, пытливый и любознательный, производилъ впечатлѣніе большого ребенка. Раздраженный, не зналъ удержу. Всегда былъ радъ помочь болѣе слабому. Русскую армію любилъ. Свой уставъ зналъ на зубокъ и съ толкомъ. Вообще — типъ солдата по-японскаго періода. Вѣдь, поступая на службу въ Россіи, онъ не зналъ ни слова по-русски, а какъ выучилъ,—и съ толкомъ,— уставъ. Вѣдь, могъ разсказать боевое построеніе полковой колонны побатальонно, поротно, повзводно; вплоть до отдѣленія. Любому Дофэну (адъютантъ одного изъ полковъ) могъ бы уроки тактики давать; здѣсь онъ научился свободно говорить по-французски. На немъ я воочію увидѣлъ, что такое русскій солдатъ по-японской складки,—на немъ и на Абрамѣ Мельниковѣ. Дѣйствительно, выучка была толковая... Хотѣлось очень хоть разъ побывать въ атакѣ, да вотъ не привелось»...

Хоронили Ноховича на разсвѣтѣ. Тѣло его снесли на «Баррикаду» пятеро пріявшихъ въ свою среду этого большого ребенка. Ихъ только шестеро было во всемъ французскомъ полку... «Рыли могилу за лѣсомъ, надъ ручьемъ, въ ряду ежедневно вырастающихъ могилокъ. Подходили французы,—кухаря, саперы и прочая тыловая публика,—спрашивали: кто, гдѣ, когда, брали кирку, скребли и копали... Проходилъ сержантъ,—взялся сдѣлать надпись на доскѣ и сдѣлалъ. Я прожегъ ее проволокой. Обложили холмикъ дерномъ съ буйной травой. Поставили камень,—его самъ же Ноховичъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ выволокъ изъ земли, копая братскую могилу для 12-ти погибшихъ отъ мины... Въ сторонкѣ кипятили чай и поминали покойника... Хорошій былъ парень,—почвенный, не было въ немъ кривости»...

Погибъ и нашъ «итальянецъ» Дель-Перуджіо. Худо-

щавый, гибкій, стройный, всегда веселый, очень молодой, онъ обѣщалъ выровняться въ хорошаго бойца. Въ Россіи онъ, какъ полагается, отсидѣлъ въ свое время за рѣшеткой. Потомъ перебрался за границу. Былъ въ мореходныхъ классахъ. Потерпѣлъ крушеніе у мыса Горна. Сталъ художникомъ. Почему-то наши французскіе офицеры сразу обратили на него свое вниманіе и выдѣлили изъ среды остальныхъ волонтеровъ. Меня это удивило, и я спросилъ ротнаго командира о причинѣ.

— Еще бы не знать его,—отвѣтилъ Тортель,—да вѣдь онъ женатъ на мадемуазель Стенель.

— Какой Стенель?

— Какъ какой! Той самой, мать которой судилась по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Помните, міровой процессъ...

Весь французъ сказался въ этомъ. Женитьба на дочери хотя бы и оправданной женщины, отъ которой яко-бы отказался женихъ, имъ казалась необычайно геройскимъ поступкомъ.

Время шло. Дель-Перуджіо сталъ худѣть, кашлять. Упорно не шелъ въ околотокъ, не желая отставать отъ товарищей. Спалъ, какъ и всѣ, въ холодѣ и сырости: дѣлался все тоньше, угрюмѣе, молчаливѣе.

Въ день отхода на фронтъ мнѣ пришлось повозиться съ рядомъ волонтеровъ. Сперва прибѣжалъ плачущій Шлейферъ Мендель. Врачъ забраковалъ его для похода и предложилъ къ «реформѣ». Пошелъ съ нимъ къ доктору, упросилъ оставить въ строю. Потомъ та же исторія съ хромающимъ Подольскимъ. За нимъ пришелъ самъ не свой Ростовцевъ.

— Господинъ лейтенантъ, я не знаю, что съ собою сдѣлаю; хотятъ оставить отъ товарищей. Изъ-за внутренностей...

Уладилъ съ Ростовцевымъ, — подходитъ Дель-Перуджіо.

— Докторъ пугаетъ меня, что я не перенесу пути. Попросите, чтобы мнѣ разрѣшили итти.

Я наотрѣзъ отказался.

— Вѣдь у васъ туберкулезъ, Дель-Перуджiо!

— Развѣ-жъ это мнѣ помѣшаетъ умереть, какъ остальнымъ?

Въ концѣ-концовъ онъ упросилъ доктора. Къ концу второго перехода изнемогъ, но не согласился на эвакуацiю. Доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до конечнаго пункта и у самыхъ траншей свалился въ остромъ плевритѣ. Потомъ—«реформа». Парижъ. Обостренiе туберкулеза. Умеръ бѣдный подъ теплымъ небомъ юга, въ цвѣтущихъ Каннахъ.

И до послѣдней минуты думалъ о товарищахъ...

Не стало Крикуна... Какъ недавно и какъ давно все это было... Нашъ отрядъ въ штатскихъ одеждахъ, прежде чѣмъ записаться въ волонтеры, готовился къ военной службѣ. Мэрiя 16-го округа отвела намъ помѣщенiе кинематографа на rue Tolbiac, неподалеку отъ place d'Italie, и мы, т.-е. Осбергъ и я, съ помощью запаснаго француза, m-r Ги, обучали отрядъ воинскому артикулу. За унтеръ-офицеровъ у насъ шли Иголкинъ, пожилой, энергичный человѣкъ, изъ запасныхъ саперныхъ унтеровъ, потомъ поступившiй въ военные автомобилисты, и Крикунъ. Глядя на его сильную, ловкую фигуру, отчетливо «рубившую» повороты, врядъ ли могло бы притти въ голову, что этотъ молодой, двадцатишестилѣтнiй здоровякъ такъ много перенесъ уже раньше за преданность своимъ политическимъ убѣжденiямъ.

23-го августа мы были приняты во французскую армiю. Послѣ обѣда я получилъ въ «Инвалидахъ» препроводительный листъ на всю команду и предписанiе отвести ее въ Орлеанъ. Мы стали солдатами... Вечеромъ на rue Tolbiac было послѣднее собранiе, волонтеры получали послѣднiя инструкцiи. Помѣщенiе биткомъ на-

бито добровольцами, ихъ родственниками, знакомыми. Настроеніе торжественное... Наступили сумерки; въ кинемо стало темно: газъ и электричество не дѣйствовали. Купили въ сосѣдней лавочкѣ свѣчей, взяли ихъ въ руки, зажгли...

— Смирно!..

Неподвижнымъ строемъ замерли новые солдаты. Пламя свѣчей колебалось, отбрасывая какой-то особенный отблескъ на ихъ особенныя въ этотъ моментъ лица. Высокій потолокъ ушелъ куда-то еще въ высь, потонулъ во мракѣ, отступили невидимыя стѣны, въ храмъ превратилась скромная зала, и только замершій строй горѣлъ яркимъ рядомъ свѣчей...

Все рѣшено, и передъ роспускомъ мы предложили сказать нѣсколько словъ находившемуся въ толпѣ Плеханову. Онъ произнесъ красивую и горячую напутственную рѣчь,—рѣчь о необходимости побѣды Россіи и союзниковъ. И въ моментъ, когда прекратились рукоплесканія и всѣ начали расходиться, сказалъ стоявшему около него Крикуну:

— А вамъ желаю возвратиться съ нашивками.

Почему-то этотъ маленькій эпизодъ съ нашивками врѣзался мнѣ въ память.

На видъ сильный и здоровый, Крикунъ въ траншеяхъ сталъ гаснуть. Видимо, предыдущая жизнь не осталась безъ слѣда. Но упорно не шелъ въ околотокъ. Убили его все на тѣхъ же краонельскихъ позиціяхъ, на склонѣ, обращенномъ къ долинѣ Ульша. Умеръ безъ мученій.

— Отдайте его намъ, онъ нашъ,—сказали евреи-добровольцы и похоронилии все въ той же долинѣ Ульша. И на надгробной дощечкѣ написали: Ааронъ Рогъ, потому что такова была его настоящая фамилія.

Много русскихъ волонтеровъ уже сложило свои головы на далекомъ «западномъ фронтѣ». Тамъ бомбой

разомъ унесло семь человѣкъ, тамъ въ ночной развѣдкѣ шальная пуля убила синеглазаго, молодого фантаста Гинеса, оборвалась жизнь Крестовскаго съ товарищами по траншеѣ, нѣтъ самоотверженнаго Попова-Брикмана и прекраснаго Богушко, убитъ маленькій, довѣрчивый Фельгарнъ и блестящій офицеръ Мгебровъ, такъ отличившійся въ болгарской войнѣ. Мелькнулю въ частномъ письмѣ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго Яши Гуровича, задавилю обваломъ отъ взрыва мины русскаго еврея, и братъ въ теченіе трехъ дней подъ пулями откапывалъ его трупъ. Погибли сотни русскихъ, польскихъ, еврейскихъ волонтеровъ при знаменитой атакѣ Carency и «côte 140», самомъ славномъ эпизодѣ всей войны на «западномъ фронтѣ».

Четыре тысячи русскихъ поступили только до 1-го декабря 1914 г. въ ряды армій Французской республики по своей свободной волѣ, и не ихъ вина по большей части, что за общее дѣло имъ пришлось сражаться на чужбинѣ. Но здѣсь они съ честью выполняютъ трудную задачу представительства своей родины. Конечно, не лишены они, какъ и вышеописанные три волонтера, недостатковъ, и порою очень крупныхъ. Но не въ этихъ недостаткахъ, равно какъ и не въ излишней идеализаціи, дѣло. Важно и знаменательно, что въ надлежащую минуту въ нихъ громче всего прозвучала нота героизма и самопожертвованія, преемственная нота русской демократіи, роднящая ихъ могилы съ могилами русскихъ подвижниковъ Кавказа, Карпатъ и другихъ театровъ войны, такъ трогательно описанными Крюковымъ и др....

Есть много сходнаго и много типичнаго для русскаго волонтерства въ судьбѣ этихъ трехъ такихъ различныхъ людей. Въ разныхъ концахъ Франціи разбросаны ихъ дорогія могилы. Въ Шампани, въ долинѣ Ульша, тамъ же, гдѣ почили скульпторъ Вертеповъ, художникъ Крестовскій, докторъ Поповъ и красавецъ Богуш-

ко, успокоился марксистъ Ааронъ Рогъ, въ суровой Аргоннѣ схоронили пришедшаго «сражаться за правду» простого русскаго солдата Ноховича и въ залитыхъ солнцемъ Каннахъ спитъ народникъ, «русскій итальянецъ», Дель-Перуджіо... Растутъ, множатся съ каждымъ днемъ дорогія могилы... Великое горе и великое счастье выпало на долю тѣхъ, кому судьбой дано было итти вмѣстѣ съ самоотверженными, хорошими людьми въ ихъ добровольной, роковой борьбѣ за справедливость...

Волонтерство.

I.

Какъ разсматривать волонтерство: какъ извѣстное политическое выступленіе или какъ простую сумму индивидуальныхъ рѣшеній? Пусть самъ читатель дастъ отвѣтъ.

Если я не ошибаюсь, это было 11-го или 12-го августа прошлаго года. Въ небольшой залѣ библіотеки на rue Cordillière группа человѣкъ въ 25—30 эмигрантовъ горячо обсуждала свою линію поведенія. Споры велись вокругъ одного основного вопроса: надо ли рѣшенію присутствующихъ вступить въ ряды французской арміи придать характеръ политическаго выступленія выработкой особой декларацiи, или ограничиться сформированіемъ, такъ сказать, военной технической организацiи, въ которую могли бы вступать для полученія военной подготовки русскіе подданные, рѣшившіе стать волонтерами, рекомендуемые двумя членами группы, или видными политическими дѣятелями, или политическими организаціями и принятые единогласно? Произносились горячія рѣчи. Сторонники перваго теченія доказывали, что шагъ нашъ есть опредѣленное политическое явленіе, нуждающееся при имѣющемся по отношенію къ волонтерству враждебномъ взглядѣ въ извѣстномъ обоснованіи, что такое обоснованіе въ свою очередь дастъ

толчокъ къ волонтерству людямъ колеблющимся, людямъ, чувствующимъ необходимость выступать, но запуганнымъ догмой, что оно въ будущемъ очиститъ насъ отъ всякихъ нареканій, будучи точнымъ выраженіемъ причинъ, толкнувшихъ насъ на такой отвѣтственный шагъ. Приверженцы второго теченія настаивали на приданіи нашей группѣ характера строго и только военно-технической организаціи. Они не хотѣли ангажировать свои партіи, свои группы въ индивидуально ими предпринятое дѣйствіе, они говорили о томъ, что «мы въ этомъ грандіозномъ конфликтѣ — только человѣческая пыль» и что трудно написать декларацію, выражающую настроеніе всѣхъ участниковъ. Ихъ было ничтожное меньшинство, и собраніе поручило выработать декларацію пяти представителямъ всѣхъ партій. Такимъ образомъ, оно само разсматривало свой шагъ какъ извѣстное политическое выступленіе.

Но несомнѣнно, что написать такую декларацію было гораздо труднѣе, чѣмъ вотировать ея необходимость. Война явилась неожиданнымъ ударомъ для нашего міросозерцанія, опрокидывающимъ всѣ привычныя представленія: будущее и настоящее были настолько туманны, причины, вызвавшія войну,—настолько сложны и дипломатическая секретная игра—настолько неясна, что никакія утвержденія и чаянія не могли казаться достаточно обоснованными. Одно было несомнѣнно: Германія раздавила маленькую Бельгію и вторглась во Францію. Въ ней не возникло ни революціи, ни протеста противъ разбойничьяго похода арміи. Если даже съ ея стороны это была война «предупреждающая», то все равно преступленіе было велико, ибо неизвѣстно, какія измѣненія могли произойти въ структурѣ Европы въ ближайшемъ будущемъ и пришлось ли бы Германіи вообще быть въ положеніи обороняющейся. А пока что, Германія огнемъ и мечомъ проходила ни въ чемъ неповин-

ныя провинціи. Наша обязанность—защитить ихъ, раздѣлить съ народомъ, подвергшимся нападенію, всю тяжесть кроваваго удара. Мы видѣли вокругъ насъ единодушныя Францію и Бельгію, отъ первыхъ министровъ и до послѣдняго анархиста взявшихся за оружіе во имя *самообороны*...

Вотъ, несомнѣнно, общее всѣмъ чувство. Но нѣкоторые хотѣли въ деклараціи изъяснить и другія причины, и другія чаянія, которыя по тому времени не всѣмъ казались обоснованными. Сами собой обстоятельства сложились такъ, что работы комиссіи затянулись, насъ приняли въ армію, и по обязанностямъ военной службы коллективное выступленіе стало невозможнымъ. Только часть соціалъ-демократовъ успѣла выпустить свое частное обращеніе.

Но и безъ всякой деклараціи нашъ шагъ пріобрѣлъ значеніе очень яркаго политическаго выступленія. Во-первыхъ, съ началомъ войны образовался «объединенный комитетъ политическихъ и общественныхъ организацій парижской эмиграціи». «Онъ состоялъ,—писалъ о немъ Слетовъ,—человѣкъ изъ 50-ти, по два, по три человѣка отъ организаціи. Изъ нихъ было выбрано бюро,—человѣкъ 13; изъ бюро ушли въ волонтеры: Поповъ (с.-д. большевикъ), Л...нъ (с.-д. меньшевикъ), Глатенюкъ (с.-д. отъ профессіональныхъ союзовъ), Нестеровъ (депутатъ 2-й Гос. Думы, меншев.), Слетовъ (с.-р.), К...въ (с.-р.), З...скій (с.-д. плехановецъ); остались два бундиста (хотѣли было записаться, но не смогли по семейнымъ причинамъ), одинъ меньшевикъ А....въ, секретарь бюро, одна дама и еще двое: кто,—не помню»...

Такимъ образомъ, большинство бюро, вѣдавшаго дѣла парижской эмиграціи, ея верховнаго исполнительнаго комитета, не только было за участіе въ войнѣ, но и поступило въ армію. Трое,—Поповъ, Глатенюкъ и Слетовъ,—уже убиты. Кромѣ того, много волонтеровъ далъ

и общій комитетъ изъ 50-ти человѣкъ. Комитетъ народнической группы, состоявшій изъ четырехъ человѣкъ, далъ троихъ изъ нихъ волонтерству. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ остальныхъ группахъ.

Съ момента сформированія ядра волонтерскаго отряда къ нему быстро стали притекать новые члены. Несмотря на трудность пріема, отрядъ за нѣсколько дней возросъ до цифры 120—130 человѣкъ, исключительно эмигрантовъ, среди которыхъ были очень видные дѣятели. Одновременно многіе записывались самостоятельно въ волонтеры, особенно въ другихъ городахъ. Многіе просто не знали о сформированіи отряда. Вскорѣ послѣ нашего зачисленія въ Парижѣ возникла вторая группа волонтеровъ, организованная непринятыми по нездоровью въ первый разъ Б. Вороновымъ, Нестеровымъ и К....вымъ. Точнаго ея числа не знаю. Во всякомъ случаѣ чисто-политическихъ эмигрантовъ, поступившихъ во французскую армію, надо считать не менѣе 1.000 человѣкъ, а ежели къ нимъ прибавить и тѣхъ изъ нихъ, что̀ пошли съ чисто-національными польскими и еврейскими отрядами, эту цифру надо, по крайней мѣрѣ, удвоить, если не утроить.

II.

Такъ или иначе, мы ушли на войну, не навязывая никому своего рѣшенія, и почти сразу же попали въ боевую обстановку, которая быстро заставила позабыть насъ, что въ тылу есть инако думающіе и что можетъ возникнуть самая *настоящая, не терпящая отлагательства*, необходимость обоснованія нашего шага во избѣжаніе превратныхъ толкованій. Между тѣмъ оставшіеся въ тылу инако думающіе предприняли противъ волонтеровъ и волонтерства настоящій походъ. Воз-

никли органы «пораженческаго»,—какъ ихъ опредѣлилъ Алексинскій, — направленія, въ которыхъ начали появляться странныя статьи, объясняющія нашъ шагъ «истеріей», «измѣной завѣтамъ интернаціонализма», и т. п. На русское прогрессивное общество и демократію въ нихъ взводились навѣты въ родѣ «шовинизма», очерносотененія и пр., и пр. Отвѣтъ надо было дать, и отвѣтъ немедленный.

И вотъ появляются народническій органъ «За рубежомъ» и народническая же газета «Новости», первомайскій нумеръ которой былъ украшенъ письмомъ Анатоля Франса. Въ числѣ ея редакторовъ и сотрудниковъ мы встрѣчаемъ фамиліи такихъ извѣстныхъ вождей народничества, какъ А. Бахъ, А. Аргуновъ, Е. Лазаревъ и Ст. Ник. Слетовъ; кромѣ того, тамъ участвуютъ Н. Авксентьевъ, Абрамовичъ, Александровъ, Мадридовъ, Борисовъ, Бунаковъ, Б. Вороновъ, Сталинскій, Колосовъ, Моисеенко, Савинковъ, Калистовъ, Вариновъ, Шестаковскій. Газета быстро становится центромъ волонтерства. Въ нее шлются съ передовыхъ позицій статьи и письма. Кое-какія изъ нихъ были цитированы въ русской пресѣ Сталинскимъ («Ежем. Журн. Лит.»), Колосовымъ («Русск. Вѣд.»), Аргуновымъ и пр. Но общая сводка, анализъ и синтезъ этихъ писемъ и статей, обрисовывающихъ психологію волонтерства политической эмиграціи, ждетъ еще человѣка, который посвятилъ бы этому свой талантъ и трудъ. Это—драгоцѣнный матеріалъ для сужденія объ исканіяхъ русской свободной мысли и ея отвѣтѣ на поставленную проклятой войной проблему. Въ новомъ органѣ содержатся зачатки того единенія, которое уже создалось на полѣ битвы. Въ число сотрудниковъ народнической газеты вступаетъ Алексинскій, а за нимъ—еще нѣсколько соціалъ-демократовъ.

«Новости» прекратили на 60-мъ нумерѣ свое существованіе, произведя большую работу. То, что вначалѣ

казалось гадательнымъ, скрытымъ въ туманѣ прошлаго и будущаго, въ этотъ моментъ вырисовалось съ необычайной четкостью. Образъ Австро-Германіи, шествующей черезъ трупы раздавленныхъ Бельгіи и сѣверныхъ французскихъ провинцій ко всеміpному владычеству, уже ни въ комъ не вызывалъ сомнѣнія. Вырѣзываемая турками армянская нація, разстрѣлы въ Чехіи, приготовленія къ новому погрому Сербіи, способы веденія нѣмцами войны подтверждали всѣ тѣ доводы въ пользу волонтерства, которые въ первые дни неясно нами чувствовались, но которые заслонялись первымъ и доминирующимъ фактомъ нападенія Германіи. И газета не столько вниманія посвятила доказательству правильности волонтерскаго поведенія, сколько разсѣянію клеветническихъ навѣтовъ на русскую демократію и выясненію истинныхъ мотивовъ волонтерства. Но въ обоснованіе волонтерства она дала много цѣннаго, въ томъ числѣ нѣсколько шедевровъ,—статей покойнаго Степана Николаевича Слетова,—статей, о которыхъ волонтеры съ фронта писали, что «это—чудныя, святыя статьи», и которыя останутся лучшимъ литературнымъ памятникомъ волонтерства.

«Новости» вновь смѣняются «За рубежомъ». Одновременно возникаетъ марксистскій сборникъ «Война» подъ редакціей Плеханова и Алексинскаго и «Россія и Свобода»—подъ редакціей Алексинскаго съ участіемъ крупныхъ народническихъ силъ. Наконецъ, происходитъ конференція народниковъ и марксистовъ въ Швейцаріи. Ея результатъ—«Призывъ» ко всѣмъ,—призывъ къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Германіи, призывъ, констатирующій, что дѣлу всеобщей свободы побѣда Германіи нанесетъ страшный ударъ. Резолюціи швейцарской конференціи отмѣчаются и сочувственно дебатируются французской прессой; въ то же время происходитъ подобное же объединеніе на почвѣ борь-

бы съ общимъ врагомъ и въ средѣ англійскихъ рабочихъ организацій. Всюду за границей возникаютъ группы «Призыва», состоящія изъ народниковъ и марксистовъ. Выходятъ первые нумера «Призыва» подъ редакціей Алексинскаго, Аргунова, Воронова, Плеханова, Бунакова, Любимова и съ участіемъ Дейча, Аксельрода, Баха и др. Къ нимъ присоединяются Онипко, членъ второй Думы Бѣлоусовъ и пр., и пр. Словомъ, происходитъ небывалое въ исторіи русскаго общественнаго движенія послѣднихъ десятилѣтій объединеніе.

Оно началось съ волонтерства. Оно нарастало въ траншеяхъ. Оно скрѣплялось на поляхъ битвы подъ Каренси, въ Аргоннахъ, въ Шампани, гдѣ лилась наша кровь, гдѣ гибли наши товарищи. Оно расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ на дорогихъ могилкахъ, разбросанныхъ по всей Франціи...

И фронтъ шелъ въ ногу съ тыломъ. За день до смерти творилъ свои статьи Слетовъ. Подъ шрапнелями и пулями писали письма въ «Новости» волонтеры. И сколькихъ ужъ нѣтъ изъ нихъ... Между «тыломъ» и нами была тѣсная связь, и «тылъ» нашъ, главнымъ, образомъ, состоялъ изъ тѣхъ, кто всѣмъ сердцемъ, всей душой былъ съ нами, но кому немощное тѣло не позволяло итти въ траншеи...

И сколько радости было, когда приходили коротенькія письма съ другого «тыла», изъ далекой Сибири, изъ «Бутырокъ» и пр.,—письма съ благословеніями и съ пожеланіями успѣха...

III.

Годъ слишкомъ прошелъ съ той поры, какъ мы переступили ворота «Инвалидовъ» и вошли въ ряды французской арміи. Половина насъ выбыла изъ строя.

«Сегодня исполнился ровно годъ,—писалъ мнѣ 23-го августа одинъ изъ бывшихъ соратниковъ по «легіону»,—

со дня ангажированія въ Парижѣ. День, когда я собственной рукой подписалъ договоръ съ французскимъ правительствомъ о принятіи меня добровольцемъ на все время войны. Не могу забыть той минуты, когда я собралъ всѣ свои силы и всѣ свои мысли и вошелъ въ домъ «Инвалидовъ». Быстро освидѣтельствовали, дали клочокъ бумаги, и вотъ я принятъ!.. Меня радовало, что я иду навстрѣчу моей идеѣ, но когда я сознавалъ, что я буду, хотя и временно, въ мундирѣ солдата и воинская дисциплина прикуетъ меня къ грубой формѣ ея, мнѣ невольно становилось печально. Но сегодня я знаю только одно: сегодня—годовщина того крупнаго шага, который я предпринялъ и надъ которымъ я немного призадумался. И я кричу: «Ура!», такъ какъ духомъ я не упалъ. Еще много силъ и энергіи! Еще горитъ въ душѣ желаніе дойти до конца, до самаго реальнаго конца!.. И сердце радуется, и чувствую много мужества... На самой верхушкѣ горы я одинъ изъ нашей группы справляю годовщину... Остальные ушли бросать гранаты. Не знаю, помнятъ ли они этотъ день и что́ у нихъ на душѣ: съ утра еще не видѣлись... День прекрасный, грѣетъ солнце, и небо совершенно безоблачно, только нѣсколько бѣлыхъ пятнышекъ остались отъ обстрѣла аэроплана»...

Такъ пишетъ изъ горячихъ, убійственныхъ Аргоннъ послѣ года траншей русскій рабочій, прошедшій ссылку и тюрьмы, эмигрантство и «легіонъ». Ничто не сломило въ немъ духа.

И за четыре дня до своей мгновенной смерти Степанъ Николаевичъ Слетовъ въ отвѣтъ на обращеніе Ек. Арборе къ волонтерамъ: «Намъ съ вами не по дорогѣ, ибо мы со старыми пѣснями, со старой вѣрой будемъ итти до конца, до самаго реальнаго, фактическаго, не мелодекламатическаго конца!» писалъ:

«Товарищъ, мы уже пошли туда. Мы уже тамъ, гдѣ

этотъ конецъ,—не вѣра, не обѣщаніе, но сама дѣйствительность. И то, что́ мы сдѣлали,—дѣйствительный выводъ изъ нашихъ словъ,—позволяетъ намъ требовать и отъ васъ вѣры въ искренноость нашихъ высказываній.

«Я не буду говорить обо всемъ, что́ побудило насъ итти именно сюда, именно къ этому концу. Я хочу показать только, почему словосочетаніе «интернаціонализмъ» и «мелодекламація» звучитъ для насъ жестокой дѣйствительностью; почему наше негодованіе направлено противъ тѣхъ, кто способствовалъ зарожденію и развитію самаго явленія,—противъ тѣхъ, кто продолжаетъ дѣлать все, чтобы связь между этими словами росла и укрѣплялась.

«Мнѣ вспоминается теплый осенній вечеръ 1907 г., привѣтливыя окрестности чистенькаго Штуттгарта, обширный и уютный садъ-ресторанъ. Германская соціалъ-демократія чествуетъ дорогого гостя, и гость этотъ—Второй Интернаціоналъ. Кельнерши въ бѣлыхъ платьяхъ (символъ мира) и красныхъ фригійскихъ колпакахъ (символъ революціи) разносятъ пиво и вино. Щедрой рукой угощаютъ хозяева. Гости пьютъ и ѣдятъ, поютъ и пляшутъ. Разноязычный радостный гулъ стоитъ надъ толпой. Всякъ веселится по-своему, но всѣ вмѣстѣ...

«Но вотъ взвилась ракета. Загорѣлся блестящій фейерверкъ. Не пожалѣли хозяева и пороха. Шипятъ ракеты. Сыплется огненный дождь. Грохочутъ бураки...

«Я стоялъ неподалеку отъ Бебеля. Онъ молча любовался зрѣлищемъ. Спокойнымъ удовлетвореніемъ дышало его строгое лицо. И меня, юнца русской революціи, подмывало подойти къ ветерану Второго Интернаціонала и сказать:

— . . . . : иные огни сверкали, иные громы гремѣли для насъ. . . . Здѣсь —фальшфейеръ, — фальши-

вый, потѣшный огонь; тамъ падали люди и рушились дома.

«Понятно, всплывшее на мигъ озорство сейчасъ же и затонуло среди иныхъ чувствъ. Но что-то осталось,— осталось и, какъ чадъ отъ фальшфейера, распространившійся по свѣжему саду, пропитало все впечатлѣніе отъ международнаго съѣзда.

«Бебель не любилъ мелодекламаціи. И на съѣздѣ боролся противъ нея. Онъ зналъ силу косности милліонной соціалъ-демократіи и не желалъ брать отъ ея имени невыполнимыхъ обязательствъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и высказывался противъ французскихъ предложеній. И не скрывалъ насмѣшки надъ безотвѣтственными глашатаями революціонной фразы. Въ концѣ-концовъ съѣздомъ была принята въ видѣ резолюціи краткая энциклопедія,—перечень средствъ, которыми при разныхъ обстоятельствахъ можно бороться противъ войны... вплоть до самаго конца...

«И вотъ, когда намъ для разруба завязавшагося узла европейской войны преподносятъ чадъ штуттгартскаго фальшфейера, мы называемъ это старой мелодекламаціей, всѣмъ надоѣвшей пѣсней. Для насъ разгромъ коммуны, усмиреніе . . . . . . не однозначны съ фальшфейеромъ Второго Интернаціонала.

«Есть огни и огни. Есть звуки и звуки. Горькимъ опытомъ научились мы различать двѣ школы музыки. И потому, когда загрохотали германскія пушки, когда рухнули Льежъ и Лувэнъ, когда штуттгартскіе хозяева не пожалѣли денегъ и на этотъ фейерверкъ, мы и пошли до самаго что ни на есть реальнаго конца.

«Но вы не понимаете, почему же зазвучала для насъ призывнымъ кличемъ новая и вмѣстѣ ветхая пѣсня «око за око». До потому же, товарищъ, почему . . . . . . прогремѣла варіація того же мотива «По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ». Музыкальное ухо дирижеровъ Вто-

рого Интернаціонала, правда, страдало отъ этой мелодіи. Она тоже казалась имъ устарѣлой. Но съ вами, товарищъ, мы не будемъ спорить. . . . .

«Васъ смущаетъ другое: какъ люди, боровшіеся подъ этимъ девизомъ противъ опредѣленнаго знамени, теперь являются его союзниками, иные даже идутъ въ бой подъ нимъ.

«Вы пробуете представить современную войну какъ дѣло постороннее участвующимъ въ ней массамъ; вы ссылаетесь на ихъ временное ослѣпленіе и вы требуете отъ насъ вѣры въ быструю эволюцію германскаго пролетаріата... Но, товарищъ, вѣдь дѣло шло и идетъ сейчасъ не о будущемъ, хотя бы о самомъ ближайшемъ, а о самомъ что ни на есть настоящемъ. Для васъ историческая формула заслонила все: война идетъ между германскимъ имперіализмомъ и французскимъ капитализмомъ; послѣдній спасается въ объятіяхъ задолжавшей ему реакціи.

«Да, съ высотъ исторической истины, это, можетъ быть, и такъ; но вѣдь въ дѣйствительности убиваютъ не держателей ренты, разрушаютъ не учрежденія государственнаго кредита,—убиваютъ сотни тысячъ трудового народа, разоряютъ цѣлыя страны... И вы хотите, чтобы мы вооруженной рукой не защищались вмѣстѣ съ тѣми, на кого по нашему крайнему разумѣнію напали; вы хотите остановить бойню вѣрой во Второй Интернаціоналъ... Но, товарищъ, слушный часъ насталъ и прошелъ. Германскій пролетаріатъ не успѣлъ продѣлать отмѣренной ему эволюціи, и Европа запылала.

«Вы правы, нѣтъ у насъ вѣры во Второй Интернаціоналъ и его резолюціи; и если ваша дорога до реальнаго конца идетъ по штуттгартской подорожной, то дѣйствительно намъ не по пути.

«Итакъ, пути наши разошлись? Навсегда ли? Надолго ли?

«Спускаются сумерки. На позиціяхъ начинается вечернее оживленіе. Съ нѣмецкой линіи, шипя, взвивается ракета и загорается на темнѣющемъ небѣ ослѣпительной звѣздой. Вздымается выше и, застывъ на мгновеніе, начинаетъ медленно спускаться, вычерчивая спиральный слѣдъ, заливая металлическимъ свѣтомъ окопы, соединительные ходы, вереницы солдатъ, деревья, кустарники. Все застыло на мигъ, лишь черныя тѣни бѣгутъ по сторонамъ, выдавая притаившуюся жизнь. Красиво и жутко. Ибо за ракетой слѣдуетъ грохотъ выстрѣловъ, разрывъ снарядовъ, смерть и разрушеніе...

«И проходятъ предо мной Москва, осенній вечеръ въ Штуттгартѣ... Воспоминанія накладываются одно на другое, сливаются съ нынѣшней лѣтней ночью... И я чувствую всѣмъ существомъ тѣсную связь между всѣми этими картинами; чувствую, что одна обусловливаетъ собой другую, что участіе въ первыхъ двухъ привело тебя и къ послѣдней... Къ послѣдней ли?

«Для опредѣленной личности, быть можетъ, и да; но исторія продолжается, и кто знаетъ, товарищъ, при слѣдующей смѣнѣ картинъ не сойдемся ли «мы» съ «вами» снова на общемъ пути. Ибо и мы вѣримъ въ народъ, вѣримъ въ то, что изъ настоящей войны онъ выйдетъ во всеоружіи пережитаго историческаго опыта и отъ животной борьбы за существованіе перейдетъ къ борьбѣ за человѣческую будущность.

«Итакъ, до свиданія!»...

Черезъ четыря дня Слетова не стало. Онъ палъ, пронизанный пулями и осколками шрапнели. «Онъ умеръ свѣтлой смертью», писалъ другой волонтеръ, самъ успокоившійся неподалеку отъ Степана Николаевича съ сердцемъ, пробитымъ пулей.

И какой лучшій вѣнокъ могъ быть возложенъ на ихъ могилу, чѣмъ безхитростное письмо ихъ начальника, французскаго офицера, лейтенанта N... Французъ не

зналъ адреса семей павшихъ товарищей, но онъ зналъ, что они—соціалисты, и отправилъ въ «Humanité» на имя Рубановича свое поминальное слово. Сегодня оно появилось въ газетахъ. Вотъ оно:

«Извините меня за свободу обращенія, но я не могу противиться желанію поставить васъ въ извѣстность относительно совершенно безкорыстнаго способа вашихъ соотечественниковъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, проливать свою кровь за Францію.

«Подъ моей командой были Ноховичъ, Слетовъ, Померанцевъ.

«...Подъ моей командой до сихъ поръ Александровъ, Харитоновъ, Кочуновскій. Я видѣлъ, какъ умеръ Ноховичъ, убитый пулей въ лобъ. Это былъ очень хорошій солдатъ. Я видѣлъ смерть Слетова, убитаго въ траншеѣ въ двухъ метрахъ отъ меня. Это былъ прекрасный человѣкъ, и его потеря велика, потому что онъ былъ человѣкъ будущаго и человѣкъ большого сердца. Сегодня съ печалью я вижу смерть Померанцева, храбрѣйшаго между всѣми и даже слишкомъ храбраго. Я считалъ друзьями этихъ отличныхъ людей, которые къ тому же имѣли чувство долга. Я сдѣлалъ все, что́ было въ моихъ силахъ, чтобы ихъ могилы не остались неизвѣстными, и, не зная ихъ семей, я буду вамъ безконечно благодаренъ за выполненіе передъ ними обязанности, которую выполнить мнѣ мѣшаютъ обстоятельства. Вы можете имъ сказать, что сыны ихъ умерли съ честью и храбрецами, и мое наиболѣе завѣтное желаніе—видѣть всѣхъ французскихъ солдатъ служащими ихъ отечеству по примѣру этихъ трехъ героевъ»...

Что́ можно прибавить къ этимъ строкамъ? Только то, что и въ другихъ полкахъ такъ же твердо, честно и доблестно русскіе изгнанники выполняютъ взятое ими на себя дѣло. Геройской смертью умираетъ въ атакѣ Глатенюкъ, геройски увлекаютъ за собой въ атаку всю

секцію трое русскихъ,—Найдманъ, Лаксъ и Поляковъ,— блестяще ведетъ себя и падаетъ раненымъ капитанъ Осбергъ и т. д., и т. д. безъ конца. Ихъ цитируютъ въ приказахъ, украшаютъ орденами, производятъ... Но съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ и рѣдѣютъ ряды... И новыя смерти принесла Шампань... Мы идемъ до рокового, до самаго «реальнаго конца»,—идемъ за то же самое дѣло, которому отдали всю свою жизнь, и вѣримъ и уже видимъ великую пользу нашего шага...

Волонтеръ.

Занятія съ волонтерами въ кинематографѣ на rue Tolbiac были уже въ полномъ разгарѣ. Съ каждымъ днемъ къ первоначальному кружку присоединялись новые товарищи. На правомъ флангѣ появилась могучая фигура члена первой Думы Онипко, на лѣвомъ — щуплый, невысокаго роста депутатъ второй Думы—Нестеровъ, и еще лѣвѣе—фигура уже совсѣмъ небольшого человѣка анархистской наружности. Въ концѣ-концовъ помѣщеніе сдѣлалось окончательно тѣснымъ, но волонтеры въ нестерпимой духотѣ и пыли съ усердіемъ продѣлывали воинскія упражненія. Раздавалась громкая команда Крикуна, показывавшаго «отсталымъ» повороты, ожесточенно дѣлалъ «выпады» Поповъ-Бритманъ... Словомъ, военная наука преуспѣвала.

Теплымъ августовскимъ вечеромъ мы шли со Степаномъ Николаевичемъ по «Буль-Мишу». Загорались огни магазиновъ, громыхали экипажи, звенѣлъ трамвай, и густымъ потокомъ лилась людская толпа.

— Ну, какъ ваши занятія съ волонтерами?—спросилъ Слетовъ.

Я восторженно сталъ разсказывать ему объ ихъ успѣхахъ. Онъ помолчалъ.

— Скажите, пожалуйста,—снова заговорилъ Степанъ Николаевичъ,—что толкнуло васъ на добровольчество?

О, на этотъ вопросъ у меня былъ длинный отвѣтъ. Но онъ при каждомъ резонѣ молча покачивалъ головой,—не то отрицательно, не то утвердительно,—и только тогда, когда я сталъ говорить о необходимости итти вмѣстѣ съ народомъ, поднявшимся по его, по народному мнѣнію, за правое дѣло, каковымъ оно въ то же время представляется и мнѣ, Слетовъ оживился.

— Это самое главное, народъ сознаъ, за что онъ борется, народъ защищается—худо ли, хорошо ли—въ сознаніи своей правоты, и народникъ не можетъ не быть вмѣстѣ съ нимъ.

Меня поразилю его замѣчаніе, такъ какъ поведеніе Степана Николаевича до сихъ поръ позволяло предполагать въ немъ человѣка, видѣвшаго въ данной войнѣ дѣло совершенно чуждое нашей русской политической группѣ. Я высказалъ ему свое удивленіе. Онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, это не такъ. Я не вырѣшилъ еще для себя нѣсколько пунктовъ, впрочемъ, болѣе личнаго характера, но я далеко не враждебенъ волонтерству.

.... Прошло два дня. Неожиданно вечеромъ зашелъ ко мнѣ Степанъ Николаевичъ.

— Вы не удивитесь,—сказалъ онъ,—если я приду на ваши занятія на rue Tolbiac?

— Богъ мой, конечно я удивился и очень радостно.

— Только, пожалуйста, пока что, не говорите никому о моемъ рѣшеніи, и потомъ я хотѣлъ бы присутствовать на ученіи въ роли «вольнослушателя», не записываясь въ группу.

— Это почему же?

— А уже такъ.

Словомъ, черезъ нѣсколько дней, къ общему восторгу, Степанъ Николаевичъ устроился на самомъ лѣвомъ флангѣ и, глотая пыль, началъ отбивать повороты, становиться въ позицію «съ колѣна», «лежа» и проч.... Его

сутуловатая, невысокая фигура, очки на характерномъ, болѣзненномъ лицѣ и немного хмурое, серьезное и вѣчно критикующее выраженіе проницательныхъ, добрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническихъ глазъ выдѣлялись на фонѣ этого единственнаго въ своемъ родѣ военнаго строя штатскихъ людей,—строя, въ которомъ за каждымъ изъ добровольцевъ было волнующее прошлое и, моежтъ быть, еще болѣе богатое будущее...

Приближался день записи въ «Инвалидахъ». Степанъ Николаевичъ, какъ и многіе другіе, сталъ волноваться: боялся, что забракуютъ изъ-за глазъ и вообще здоровья. Нашъ отрядъ былъ свидѣтельствованъ отдѣльно и очень снисходительно. Но все же человѣкъ 30—40 остались незабранными. Надо было видѣть ихъ горе, ихъ старанія какъ-нибудь все же попасть въ армію. И нѣкоторымъ удалось-таки проскользнуть позднѣе сквозь еще болѣе милостивое освидѣтельствованіе. Что касается Степана Николаевича, то онъ былъ признанъ «bon».

На другой день насъ отправили въ Орлеанъ, въ camp Cercottes, и началась военная жизнь.

Что сказать о первомъ ея періодѣ? Мы жили отдѣльной отъ остального лагеря «республиканской группой», готовились къ боямъ, настроеніе было торжественное, приподнятое. Съ внѣшней стороны дѣло шло недурно. Вотъ какъ его опредѣлялъ самъ Степанъ Николаевичъ въ письмахъ къ друзьямъ:

«Мы живемъ сносно, слегка страдаемъ животами, но въ общемъ живемъ на дачномъ положеніи. Кормятъ весьма удовлетворительно, учимся всѣ вмѣстѣ, выдѣленные въ одно отдѣленіе. Начальство въ высшей степени вѣжливо и безъ всякой ненужной муштровки. Внутри, за исключеньемъ пары—другой недисциплинированныхъ господъ, отношенія сносныя. Развился палаточ-

ный патріотизмъ (кстати, всѣ говорятъ не палатка, а «камера».)»

Указанія Степана Николаевича на сносныя отношенія внутри группы заслуживаютъ особаго вниманія. Война застала русскую колонію въ моментъ междуфракціонной борьбы. Нашъ маленькій отрядъ представлялъ изъ себя вавилонское столпотвореніе враждовавшихъ доселѣ политическихъ группъ. Надо отдать должное: всѣ эти дѣленія были совершенно позабыты, и волонтеры представляли дружную, однородную массу. Степанъ Николаевичъ, какъ и всегда, оставался въ тѣни: онъ твердо усвоилъ себѣ скромную роль рядового и намѣренно не стремился быть центромъ какого бы то ни было вліянія. Но его палатка, о которой онъ позднѣе всегда вспоминалъ съ любовью, конечно, группировалась вокругъ него. Необычайно характеренъ былъ слѣдующій его поступокъ. Сержантъ, которому поручили нашу группу, передовѣрилъ ее намъ, — мнѣ и товарищу О... Мы, въ свою очередь, должны были назначить старшихъ по палаткамъ. Степанъ Николаевичъ не безъ основанія предполагалъ, что въ его палаткѣ нашъ выборъ можетъ пасть на него. И вотъ онъ обращается ко мнѣ съ просьбой назначить не его, а товарища другого политическаго толка,—человѣка моложе годами, дѣятельнаго, чтобы даже и тѣни сомнѣнія не могло возникнуть о какихъ - либо преимуществахъ по отношенію къ нему, Слетову. Мы такъ и сдѣлали.

Первые дни нашего пребыванія въ Cercottes дѣло шло очень хорошо. Начальства, въ сущности, никакого не было, занимались мы сами, налегкѣ, безъ ранцевъ, по вечерамъ собирались на передней линейкѣ и заводили русскія пѣсни. Степанъ Николаевичъ наслаждался. Онъ разсказывалъ, какъ ему безконечно надоѣли пыльныя улицы Парижа, скучныя, безтолковыя собранія, сѣрая, унылая и почти безполезная жизнь эмигранта.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день, вѣрнѣе вечеръ, пришелъ африканскій легіонъ,

они прониклись началами коммунизма, царившаго въ палаткѣ, и, принося откуда-то всякое съѣстное, дѣлились имъ съ новыми товарищами. Въ добрыхъ отношеніяхъ немалую роль игралъ Степанъ Николаевичъ.

Вообще однимъ изъ наиболѣе крѣпко укоренившихся въ немъ правилъ поведенія по отношенію къ человѣчеству было недовѣріе къ чистотѣ людской натурѣ за небольшими исключеніями, во-первыхъ, а во-вторыхъ, необычайно внимательное, гуманное и ровное, я сказалъ бы—дружеское, отношеніе къ тѣмъ, кого по обычной терминологіи принято считать «падшими», «погибшими», «отбросами» и т. д. Мысль *презирать кого бы то ни было* была безконечно чужда ему и, не вѣря въ совершенство человѣка вообще, онъ не вѣрилъ и въ его окончательное паденіе. Самой любимой темой его разговоровъ по этому поводу были воспоминанія о томъ, какъ ему удавалось, и очень часто, найти хорошихъ по существу, по «внутренности» людей тамъ, гдѣ снаружи былъ сплошной адъ. Съ такими же возрѣніями онъ подошелъ къ легіону, и можно только по-

жалѣть, что его воззрѣнія не были достояніемъ остального волонтерства.

Вскорѣ начались маневры въ полной амуниціи. Слабому Слетову они были не подъ силу, но онъ крѣпился и переносилъ ихъ стоически.

«Есть и легіонеры,—писалъ онъ.—Съ ними ладимъ. И природа кругомъ хорошая. Стоишь ночью или на зарѣ въ караулѣ: дождикъ хлещетъ, а то звѣзды сіяютъ, заря загорается, и сердце смягчается, и хамство людское уходитъ на задній планъ... Ранецъ и патроны даютъ себя знать; въ концѣ часового марша спина и шея ноютъ ой-ой-ой. Но, въ общемъ, изъ меня средній солдатъ вырабатывается; пользуюсь болѣе или менѣе почтеніемъ; французы меня называютъ petit père или mon vieux. Словомъ, если не слягу въ тифу или дизентеріи, попаду подъ пули и самъ сумѣю faire feu à répétition (стрѣляю тоже средне)».

Надо отмѣтить, что для Степана Николаевича было не совсѣмъ безразлично, какой изъ него выработается солдатъ. По первоначалу ему казалось, что военная премудрость, требующая отъ солдата гибкости, силы, зрѣнія, не по нему. Но мало-по-малу онъ сталъ убѣждаться, что при всѣхъ своихъ физическихъ недостаткахъ, онъ все-же не только не хуже другихъ, а совсѣмъ наоборотъ, и началъ серьезно заниматься военнымъ дѣломъ; но вначалѣ его фигура, пассивно покорная и нескладная, являла видъ довольно комичный, особенно во время штыкового фехтованія. Никогда не забуду, какъ на мой вопросъ объ его успѣхахъ, легіонный «sous-off» отвѣтилъ:

— «Oh, c'est un bon type, mais peu intelligent. Tête dure». («О, это—добрый малый, но не смышленъ. Тупая голова».)

Еще бы, когда Степанъ Николаевичъ совалъ штыкомъ куда попало!... Но все это было въ началѣ.

«Мы совершенно сжились съ лагерной жизнью; гоняютъ насъ по лѣсамъ и лугамъ здорово, почти въ полной амуниціи, въ ранцахъ... Разсыпаемся стрѣлковымъ строемъ, ложимся въ грязь, куда попало... выдерживаемъ со здоровой усталостью, хотя очень maladroits, но усердія прилагаемъ много. Стрѣляемъ много въ tir'ѣ и pas trop mal; даже я изъ 8 пуль попадаю 3... И, друзья, какъ безконечно далеко Парижъ и вообще все на свѣтѣ; даже газеты не интересуютъ... Словомъ, все было бы хорошо, если бы не маленькіе недостатки механизма. Насъ размѣстили съ пріѣхавшими изъ Африки легіонерами, но они совершенно растворились въ нашей средѣ. На маршахъ (километровъ 20) пѣли наши русскія пѣсни, и хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но меня прямо чуть не до слезъ трогаетъ, когда, проходя по французской деревнѣ въ полной французской амуниціи, зажаривали русскія пѣсни на удивленіе офицерамъ, а вечеромъ на линейкѣ русскій хоръ и плясъ, и очень не дурно.

скоро, скоро насъ двинутъ куда-то. Какъ будто вѣкъ жилъ въ лагеряхъ; очень доволенъ, что насъ не оставили въ Парижѣ, и не завидую второму призыву».

Въ этомъ письмѣ Степанъ Николаевичъ совершенно вѣрно передалъ наше общее равнодушіе той поры къ окружающему. Шла битва на Марнѣ, мимо Серкотъ неслись автомобили бѣгущихъ изъ Парижа; но насъ все это задѣвало мало. Мы готовились къ тому большому, что называется первой битвой, первой встрѣчей со смертью. По бодрому тону письма трудно предположить о громадной усталости автора отъ военной службы въ очень тяжелой для непривычнаго человѣка (да еще полубольного) обстановкѣ Серкотъ.

Но вотъ насъ двинули въ camp de Mailly. И тамъ

началась настоящая служба. И Степанъ Николаевичъ, описывая подробно порядокъ дня, пишетъ:

«Въ $9^1/_2$ ч. тушеніе огня. Спать, спать, спать... Общее желаніе. Если не особенно устали,—русское пѣніе. Больныхъ не такъ много, и не серьезныхъ,—больше натираютъ ноги. Я въ первый день еще въ Серкотъ,—натеръ своими собственными сапогами,—

Не пропускаю ни ученья, ни маршей. Браваго солдата изъ меня не выйдетъ, это фактъ, но и въ числѣ отсталыхъ и уклоняющихся не буду. Большинство инструкторовъ на меня махнуло рукой, видя, что я пріемы дѣлаю по-своему; нѣкоторые по наивности пробуютъ учить. Я съ самымъ серьезнымъ видомъ fais mon mieux... въ концѣ-концовъ, принимая во вниманіе мой почтенный возрастъ, оставляютъ меня въ покоѣ. Иногда назовутъ le vieux, petit père, а иногда и tête dure. Я не обижаюсь. Если же особенно пристаютъ, я, вдругъ обозлѣвъ, дѣлаю страшные глаза и перестаю дѣлать что бы то ни было. Тогда, пока что, пугаются и оставляютъ въ покоѣ.

«... Когда-нибудь напишу воспоминанія марша, когда весь деревенѣешь, кромѣ 7-го шейнаго позвонка и плеча, и стараешься ни о чемъ не думать,—не думатъ даже о томъ, скоро ли «pause» (привалъ); доходишь до «pause», скидываешь ранецъ и валишься, какъ попало и куда попало, а черезъ 2—3 минуты уже отходишь, чувствуешь боль вездѣ, но плечи и шея освобождаются, а черезъ 5 минутъ уже снова идешь и идешь... Бѣда, когда начальство увлечется какой-либо задачей на построеніе и вашъ взводъ попадаетъ, напр., во flanc-garde и вы идете безъ передышки часа два. Плохо тогда. Красные круги въ глазахъ. Весь мокрый и холодный! Скверно все-таки спать въ мокрой одеждѣ...

Мы, повторяю, въ нѣсколько привилегированномъ положенiи. Я приписываю это главнымъ образомъ Л—ву, который сумѣлъ внушить начальству, что мы представляемъ нѣчто компактное и притомъ порядочное...

«... Нашъ лагерь все-таки напоминаетъ лагерь Валленштейна, а не лагерь Кромвеля, не лагерь первой республики».

Лично онъ дѣйствовалъ на легiонеровъ настолько благотворно, что съ нимъ почти не случалось столкновенiй.

Изъ camp de Mailly насъ двинули на линiю огня. Шли мы пѣшкомъ, и переходы были очень трудные. Степанъ Николаевичъ, больной по обыкновенiю желудкомъ,—последствiя остраго катарра,—шелъ въ ряду другихъ, упорно отказываясь обратиться за облегченiемъ къ докторамъ.

«До сихъ поръ не числился,—пишетъ онъ,—ни въ больныхъ, ни въ отсталыхъ... Несмотря на все (рѣчь идетъ о лишенiяхъ), до сихъ поръ не каюсь въ своемъ поступленiи на службу: считаю не лишнимъ повторить, что именно всѣ эти неудобства и лишенiя, которыя дѣ-

лишь со всѣмъ народомъ, и чувство, что ты «на дѣйствительной службѣ», что ты входишь въ счетъ, даютъ большое удовлетвореніе моей народнической совѣсти, хотя самолюбіе и страдаетъ, что можешь уничтожиться благодаря безтолочи какого-нибудь передаточнаго ремешка военнаго механизма»...

Бомбардировка и пули не вызываютъ въ немъ обычнаго для новичка чувства жуткости и неловкости. «Занятно, какъ летитъ съ шипѣньемъ шрапнельный снарядъ: слышишь шипъ и стараешься опредѣлить направленіе... Пока что, эти свисты, громы, шипы на мои нервы не дѣйствуютъ».

«О себѣ напишу: живу сознаніемъ, что составляю частицу той живой стѣны, которая не пускаетъ нѣмцевъ дальше. Пусть кругомъ царитъ безтолочь, безпорядокъ, но все-таки я на своемъ мѣстѣ». «Какъ и всегда на низахъ разыгрывается комедія человѣческой пошлости, а изъ ея отдѣльныхъ актовъ слагается наверху трагедія великихъ событій. Сознаніе конечнаго смысла суммы безсмысленныхъ дѣяній даетъ бодрость и спокойствіе».

Но въ околотокъ, несмотря на всѣ настоянія, не шелъ и только хмурился больше и ворчалъ. Закутанный, иззябшій, чуть держащій въ рукахъ ружье, онъ дѣйствительно въ то время представлялъ собою *только* «часть живой стѣны». Но не переставалъ заботиться о другихъ. Писалъ письма въ Парижъ съ просьбой присылать «на всю братію»

всякихъ необходимыхъ вещей, посылалъ свѣдѣнія о раненыхъ, настаивая на помѣщеніи ихъ именъ въ газетахъ, отыскалъ среди волонтеровъ наиболѣе безпомощныхъ и молодыхъ и пригрѣвалъ ихъ своимъ участіемъ. И послѣ, когда группа разбилась по нѣсколькимъ полкамъ регулярной арміи, постоянно получались отъ него письма съ просьбой послать тому-то того-то, сдѣлать то-то и т. д. Особенно занятъ онъ былъ людьми простыми, людьми изъ народа, какъ покойный Новичъ, къ которымъ его влекло неискоренимое чувство настоящаго народника. О себѣ же допускалъ заботы только по части ѣды. Какъ-то, видя больной, изнуренный видъ Степана Николаевича,—его лихорадило,—я захотѣлъ освободить его отъ службы. Онъ воспротивился изо всѣхъ силъ и пошелъ рыть траншеи, хотя совершенно естественно было бы остаться. И это вовсе не потому, чтобы онъ горѣлъ желаніемъ рыть, къ тому же абсолютно безполезныя траншеи въ болотѣ, а просто не желалъ выдѣляться изъ общаго ряда.

Вопросы разыгравшейся въ «тылу» полемики по нашему адресу не очень-то смущали насъ подъ шрапнелями и «чемоданами», но все же въ часы отдыха имъ удѣляли нѣкоторое вниманіе.

На первую сдержанную атаку нашихъ противниковъ Степанъ Николаевичъ отозвался такъ:

«До сихъ поръ мы не сомнѣваемся въ правильности избраннаго нами пути. Не мудрствуя лукаво, мы прежде всего платимъ пріютившей насъ странѣ за гостепріимство; второе,—не допускаемъ въ страну чужеземнаго вторженія. Это элементарно, и напрасно стали бы опровергать это разныя «Мысли». Другое дѣло: «Не забывайте, что все остается по-старому». На это скажу: не только не забываемъ, но здѣсь на мѣстѣ суровая дѣйствительность ежечасно напоминаетъ намъ, что даже при наличныхъ условіяхъ существуютъ касты и клас-

сы, и едва ли, уцѣлѣвъ здѣсь, мы превратимся въ сторонниковъ мирнаго сотрудничества классовъ...

«... Очень я доволенъ, что состою рядовымъ и живу его жизнью. Всегдашняя моя мечта была попасть въ рядовое положеніе и жить, какъ и всѣ прочіе. И потомъ: здѣсь много глупостей, но все-таки мы не играемъ въ солдатики, а настоящимъ образомъ грудью задерживаемъ нѣмца».

Но зато Степанъ Николаевичъ очень былъ чутокъ къ вѣстямъ изъ Россіи. Съ какою любовью онъ перечитывалъ открытку Осипа Соломоновича Минора, одобряющую волонтерство, и письма другихъ русскихъ товарищей...

Зима крѣпчала, и все труднѣй и труднѣй становились условія жизни. Надо сказать, что среди группы «республиканцевъ», дошедшихъ до линіи огня, было нѣсколько товарищей пожилыхъ и нездоровыхъ. Всѣ они, какъ, напр., Д....въ, или Ю...шъ, или Гр...нъ, и нѣкоторые другіе, несли службу съ изумительною настойчивостью; нечего говорить, что съ ихъ здоровьемъ солдаты отправляются въ тылъ тысячами.

Курьезнѣе всего, что отсылавшіе Слетова вовсе не имѣли въ виду по отношенію къ нему сквернаго намѣренія: наоборотъ, его отсылали, воспользовавшись случаемъ, чтобы облегчить отъ тяжестей фронта почтеннаго человѣка!.. Конечно, не объяснивъ при этомъ мотивовъ. Вся разыгравшаяся тяжелая и глупая исторія страшно взволновала, какъ совершенно незаслуженное оскорбленіе, волонтеровъ. Но и здѣсь, протестуя противъ учиненной несправедливости всей

душой, отыскивая всяческіе способы для возстановленія истины, Степанъ Николаевичъ протестовалъ въ то же время противъ шаговъ, могущихъ отвлечь отъ исполненія разъ поставленной волонтерами цѣли. Впрочемъ, все обошлось благополучно. Волонтеры, отосланные съ фронта, произвели самое прекрасное впечатлѣніе не только на низшее начальство, но и на командира депо и командира корпуса, нынѣ умершаго генерала де-Форжа, давшаго о нихъ министерству самый лестный отзывъ. Дисциплинированность и добрая воля выдѣляли ихъ съ перваго же взгляда изъ общаго числа. Вскорѣ по прибытіи въ депо они допрашивались французскимъ офицеромъ. Разговоръ съ нимъ такъ описанъ Степаномъ Николаевичемъ.

«Мой личный разговоръ съ капитаномъ:

«1. Почему вернулся?—Je n'en sais rien.

«2. Былъ ли наказанъ?—Никогда и ни въ какой мѣрѣ.

«3. Чѣмъ занимались en civil?—Journaliste.

«4. Будешь отправленъ на фронтъ.—Въ вашемъ распоряженіи».

Несмотря на обиду, на обстановку, вовсе не располагающую къ продолженію службы, волонтеры, какъ одинъ человѣкъ, заявили о своемъ желаніи отправиться на фронтъ, *но только не въ легіонъ*. Впрочемъ и начальство поняло необходимость перемѣны полка.

Долженъ сказать, что въ новыхъ обстоятельствахъ передъ всѣми товарищами со слабымъ здоровьемъ встала возможность вполнѣ естественной и законной «реформы». За исключеніемъ двухъ-трехъ, которые были абсолютно не въ силахъ продолжать военной службы, всѣ прочіе отказались. Въ числѣ ихъ былъ и Степанъ Николаевичъ. На мои настоянія онъ отвѣтилъ:

«Мнѣ трудно, это правда. Но вопросъ не только въ моихъ силахъ, а въ той реальной пользѣ для арміи, которую представляетъ мое пребываніе въ ея рядахъ.

Я одинъ изъ видныхъ народниковъ, пошедшихъ въ волонтеры, и, помимо всего прочаго, я долженъ остаться на посту до конца...»

Начались скучные, безконечные дни въ депо. Въ принципѣ было рѣшено, что отосланную группу разобьютъ по полкамъ арміи генерала Саррая (Sarrail), но, пока что, ученья, наряды въ караулъ и бездѣльничанье. Волонтеры, вернувшіеся съ фронта настоящими «пуалю», томились отъ безсмысленной казарменной жизни, которая была имъ чужда психологически.

Въ такой атмосферѣ вынужденнаго безцѣльнаго времяпрепровожденія между волонтерами не разъ поднимались по старой эмигрантской привычкѣ «бури въ стаканѣ воды», портились отношенія, накоплялось взаимное недовольство и раздраженіе. Всѣ эти пустяки человѣку, стоявшему поверхъ и въ сторонѣ, казались никчемными; волонтеры, дружно шедшіе въ бой и на смерть и вздорящіе изъ-за выѣденнаго яйца (къ тому же и не на теоретической почвѣ), представлялись бородатыми взрослыми дѣтьми, хорошими, но безтолковыми; но человѣку, живущему ихъ жизнью, подчасъ было не легко.

«Пишу вамъ на этомъ противномъ листочкѣ, сидя въ не менѣе противномъ солдатскомъ кабачкѣ и запивая еще болѣе противнымъ café-cognac. Ужасть, какъ скучно. Кормятъ завтраками. Поманили было въ Дарданеллы,—и ничего. Холодно въ нашей ночлежкѣ, холодно и скучно. А тутъ еще не пощадили моихъ сѣдинъ и вздумали прививать тифъ. Лихорадитъ. Богъ съ нимъ, съ ихнимъ тифомъ: все равно придется прожить до 72 лѣтъ... Прямо бѣда, а ничего не подѣлаешь. И никого-никогошеньки нѣтъ. Даже обидно. Всѣ, за многими исключеніями, меня любятъ и еще больше, несмотря на все безпутство, уважаютъ, а въ сущности тепла-то и нѣтъ. Холодно, очень холодно. Знобитъ и знобитъ. А согрѣться негдѣ...»

Въ этомъ прелестномъ отрывкѣ выглянула интимная печаль бойца, прошедшаго хотя и любимымъ, хотя и уважаемымъ сквозь богатую и бурную жизнь, но прошедшаго *одинокимъ*. Впрочемъ, это на минуту. «Лично,—пишетъ онъ,—я на судьбу свою не жалуюсь. Плыву по теченію своей жизни и, какъ будто, не сворачиваю, куда не надо; иной разъ, правда, застаиваешься въ попутномъ болотѣ, но загниваешь не до корней...»

Какъ бы вынужденный отдыхъ ни претилъ, это все же былъ настоящій длительный физическій отдыхъ. Публика здоровѣла, ведя правильный образъ жизни, оставаясь почти цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ. Здоровѣлъ и Степанъ Николаевичъ. Какъ-то выпрямился, подался грудью впередъ. Вся фигура стала ловчѣе. Пріѣзжая въ отпускъ въ Парижъ, онъ удивлялъ друзей своимъ поправившимся видомъ. Мелочь обыденной жизни казармы оставалась позади, и въ Парижъ являлся бодрый, веселый человѣкъ, сознающій, что онъ дѣлаетъ именно то, что нужно.

Помню, разъ въ столовкѣ маленькая дѣвочка О... сказала съ искреннимъ удивленіемъ:

«Это Степанъ Николаевичъ? Какъ онъ выросъ! Я его не узнала...»

Къ своему военному служенію, несмотря на временную заминку, Слетовъ относился съ тѣмъ же уваженіемъ, что и вначалѣ, и писалъ:

«Сознаюсь, солдатъ я плохой, но, думаю, и въ качествѣ таковаго не погрѣшу противъ духа свята тѣмъ смертнымъ грѣхомъ, который не прощается,—хулой на дѣло, которому служишь».

А въ моментъ призыва въ 1915 г. русскихъ подданныхъ изъ-за-границы, говорилъ:

«Я счастливъ, что на мнѣ эти *добровольно* надѣтые штаны, что я участникъ, *добровольный* участникъ защиты страны...»

Впрочемъ, въ это время Степанъ Николаевичъ совершенно зря называлъ себя плохимъ солдатомъ. Всѣ отосланные волонтеры, и онъ въ томъ числѣ, по отзыву ихъ начальства, превратились въ прекрасныхъ строевиковъ. Онъ и самъ сознаетъ это. «По части строя мы собаку съѣли,—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—картошку чистить и то въ ногу ходимъ; стрѣляемъ выше средняго и безконечно лучше прочихъ».

Передъ отъѣздомъ на фронтъ большая часть товарищей, и Степанъ Николаевичъ тоже, была произведена въ солдаты перваго класса. На фронтѣ многіе были произведены въ капралы, получили военные кресты, и всюду ими были довольны, какъ лучшими солдатами.

Одновременно Степанъ Николаевичъ начинаетъ обращать серьезное вниманіе на обоснованіе волонтерской позиціи. Ему и вначалѣ было не безразлично, въ какомъ свѣтѣ выставятъ нашъ шагъ.

Но, будучи, какъ и всѣ добровольцы его партіи, принципіальнымъ противникомъ навязыванія своего поступка, какъ непогрѣшимаго правила поведенія, онъ не считалъ нужнымъ дѣлать какихъ-либо ангажирующихъ партію декларацій. Такъ обстояло дѣло вначалѣ. Но потомъ... у всѣхъ еще на глазахъ кампанія, открытая противъ волонтерства, и объясненіе, даваемое нашими *противниками* волонтерству. И въ числѣ лицъ, полагавшихъ, что необходимо, разъ дѣло приняло такой оборотъ, выступить съ принципіальнымъ обоснованіемъ добровольчества, былъ Степанъ Николаевичъ. Его статьи въ «Новостяхъ» и въ «За рубежомъ» у всѣхъ въ памяти. На многихъ изъ волонтеровъ онѣ произвели прямо-таки потрясающее впечатлѣніе.

«Читалъ статью Слетова въ «Новостяхъ»,—пишетъ одинъ изъ нихъ.—Дивная статья и по аргументамъ и по всему тону и духу. Отъ нея пахнуло чѣмъ-то безконечно святымъ, чистымъ, близкимъ».

Но вначалѣ онъ больше помогалъ своими совѣтами и мнѣніями. Слетовъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы нашъ шагъ не пропалъ, не затерялся для русскихъ массъ. Онъ тщательно собиралъ матеріалы, снабжалъ ими друзей, пишущихъ въ Россію, и самъ собирался дать рядъ очерковъ и воспоминаній въ русскіе журналы.

Но въ тылу ему не писалось, все по той же причинѣ вынужденнаго казарменнаго житья, вызывавшаго невольное раздраженіе, мѣшавшаго сосредоточиться, уйти въ себя. Однако, и здѣсь у него, какъ и у всѣхъ, были хорошіе моменты, особенно, когда что-нибудь напоминало ему далекую родину.

«А вотъ сегодня,—пишетъ онъ по поводу внезапнаго апрѣльскаго снѣга,—зима застала насъ на маршѣ въ лѣсу: снѣгъ, настоящій снѣгъ, почти-что метель... Хорошіе, мягкіе, ласковые хлопья... Побѣлѣло, похорошѣло, посвѣжѣло... Кусты безлистные размахровились снѣжными звѣздинками, а сосны прикрылись бѣличьимъ мѣхомъ... Рассея, да и кончено. И бѣло стало на душѣ, и свѣжо на сердцѣ... И публика запрыгала. Снѣжки... Слѣпили Вильгельма въ каскѣ... Кофе варили подъ лѣсомъ на кострѣ. Славно сыграли въ солдатики... А домой пришли, холодно въ сараѣ, ноги ноютъ, мерзнутъ проклятыя. Публика злится, грызется изъ-за выѣденнаго яйца... Тьфу ты, пропасть...»

Приведу еще одно письмо, въ высшей степени характерное для Степана Николаевича.

«... Изо всѣхъ изображеній Христа трогаетъ меня за живое только «Христосъ въ пустынѣ» Крамского... Сидитъ и думаетъ, думаетъ крѣпко, и знаетъ: ничего тутъ не подѣлаешь, и оплюютъ, и предадутъ, и распнутъ, и все-таки надо итти, нельзя не итти, потому что иначе приходится отдаться во власть дьявола... И есть за крѣпкой и мрачной думой неисчерпаемый запасъ

любви и нѣжности къ людямъ, и нельзя эту нѣжность выявить иначе, какъ отдавши ее на оплеваніе, на публичное проклятіе.

«Пасху люблю. Иллюзія побѣды радости надъ скорбью. Осмысливаніе всего, что было раньше. Вскрытіе смысла зимней смерти... Но здѣсь Пасха невеселая, будничная, сѣренькая, ничего весенняго...»

И вотъ, наконецъ, долго жданное сбылось. Въ концѣ апрѣля отосланныхъ съ фронта и вполнѣ реабилитированныхъ «республиканцевъ» разбиваютъ небольшими группами по полкамъ регулярной арміи. Слетовъ вмѣстѣ съ пятью товарищами попадаетъ въ пѣхотный линейный полкъ, депо котораго въ Melun. Новое депо раскрываетъ имъ глаза на настоящую французскую армію, которой они до сихъ поръ не знали. «Отношеніе къ намъ,—пишетъ онъ,—предупредительное и прекрасное, солдаты—славный народъ, начальство любитъ солдатъ и ладитъ съ ними». То же самое пишутъ и волонтеры остальныхъ группъ. Изъ Melun онъ передъ отъѣздомъ на фронтъ пріѣзжалъ въ отпускъ въ Парижъ. Былъ безконечно бодръ и веселъ... Дурной сонъ безтолковаго житья въ легіонѣ и депо прошелъ... Впереди стояло то дѣло, которое онъ считалъ полезнымъ. И это настроеніе онъ сохранилъ до послѣдняго дня своей жизни.

«Въ дорогѣ, 1-го мая 1915 г.,—гласила его открытка.— Поздравляемъ 1-го мая. Погода великолѣпная, настроеніе солнечное...»

... Онъ и его товарищи снова составляютъ «частицу живой стѣны» и въ какомъ мѣстѣ! Въ Аргоннахъ, въ арміи, защищающей Верденъ отъ упорнаго, непрерывнаго натиска кронпринца, въ продолженіе года стремящагося во что бы то ни стало пробиться къ крѣпости. Два многострадальныхъ мѣста—Изеръ и Аргонны—съ той только разницей, что послѣднее не знаетъ ни минуты

покоя. Судьба бросила ихъ въ самый горячій пунктъ Аргоннъ, въ Вокуа... Вокуа, уже ставшее вмѣстѣ съ Диксмюде, съ Фонтенелью, Гартмансвейлеркопфомъ, bois le Prêtre и нѣсколькими другими мѣстностями легендарнымъ. Именно ихъ полкъ и отличился взятіемъ Вокуа.

Я забылъ сказать, что когда пришла пора разставаться, волонтеры, перенесшіе вмѣстѣ легіонныя тяготы, «простились,—говоря словами Степана Николаевича,—чрезвычайно трогательно». Все наносное и мелкое скучной, будничной жизни уступило мѣсто тому большому и прекрасному, что ихъ связало вмѣстѣ и бросило въ одномъ общемъ порывѣ въ самый критическій, самый отвѣтственный моментъ жизни. И письма, и воспоминанія ихъ другъ о другѣ проникнуты той высокою степенью уваженія, которую можно заслужить только при серьезномъ исполненіи тяжелаго долга.

На фронтѣ Степанъ Николаевичъ попадаетъ въ близкую ему по духу среду,—въ народную. «Много рабочихъ,—пишетъ онъ,—и среди нихъ есть довольно симпатичные и серьезные unifiés. «Сознательные»,—а ихъ здѣсь порядочно,—народъ славный. Озлобленія ожесточеннаго противъ бошей не замѣчаю. Нелюбовь, и большая, есть. Извиняютъ народъ и валятъ на кайзера... Отношеніе къ войнѣ: скорѣе бы кончилась, но мира во что бы то ни стало не хотятъ».

Офицерами онъ тоже доволенъ: нѣтъ никакого сравненія съ легіономъ. «Солдаты—народъ весьма милый,—рабочіе, крестьяне. Отношенія gradés съ солдатами безъ примѣси того лакейскаго хамства, какое было въ легіонѣ; трех- и пятибуквенныхъ словъ почти не слышишь, къ намъ отношеніе простое, но вмѣстѣ, какъ къ пріятнымъ гостямъ».

Онъ тщательно описываетъ порядокъ дня на новой позиціи. Масса работы очень близко отъ нѣмцевъ, по-

стоянная бомбардировка, много убитыхъ. «Какъ видите, довольно жарко и тяжело».

Среди этой жары и тяготы Степанъ Николаевичъ живетъ полной и дѣятельной жизнью. Онъ не только слѣдитъ весьма пристально за развертывающимися въ его секторѣ событіями, онъ очень много пишетъ, откликается на всѣ вопросы. Его статьи пишутся съ лихорадочной поспѣшностью подъ непрестанную канонаду; его очаровательныя письма носятъ отпечатокъ огромной бодрости. «Онъ былъ въ послѣдніе дни мягокъ и общителенъ. Словно навсегда пропала въ немъ эта ворчливая суровость, такъ присущая ему всегда...» И здѣсь въ послѣдніе дни онъ заботился о товарищахъ. Писалъ просьбы о тѣхъ, кому никто не помогалъ. Заботился и пригрѣвалъ простого русскаго солдата Ноховича, взятаго въ свою среду пятью интеллигентами-народниками. Смерть Ноховича поразила его. Степанъ Николаевичъ инстинктивно, народнически не искалъ своихъ героевъ среди сильныхъ міра сего. Его героемъ была «сознательная», но сѣрая солдатская масса. И яркіе самородки, въ родѣ убитаго, привлекали его къ себѣ неотразимо. Памяти Ноховича онъ посвятилъ нѣсколько проникнутыхъ глубокою любовью и уваженіемъ писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже напечатаны.

Не было въ немъ ненависти къ врагу,—къ сѣрой германской солдатской массѣ. Но всѣ слова и фразы о любви,—проповѣдь любви тѣмъ, кто во имя этой любви клалъ животъ свой,—вызывали въ немъ горячій отпоръ. Этой проповѣди посвящена одна изъ его послѣднихъ замѣтокъ, случайно не напечатанная въ «Новостяхъ».

«Надъ моей головой рвутся мармитки, а я мечтаю... о конференціи мира и любви...», пишетъ И. Р....й, одинъ изъ волонтеровъ («Жизнь» № 46). Не знаю, что хотѣлъ сказать этими словами корреспондентъ Р....й, но сама

«Жизнь» выводитъ изъ нихъ такую мораль: и сколько ихъ тамъ, на фронтѣ, измученныхъ и изстрадавшихся, мечтающихъ о любви и мирѣ...

«Съ любовью отмѣчать малѣйшее проявленіе этихъ новыхъ чувствъ, итти навстрѣчу имъ, стремясь объединить и организовать ихъ проявленіе, связать ихъ съ общей работой партіи—вотъ задача тѣхъ, кто любитъ свой народъ, кто вѣритъ въ его творческія силы».

«Съ любовью», «любви», «любить»—слишкомъ много словъ любви...

«Какъ будто нужно было пойти въ волонтеры, измучиться и изстрадаться на фронтѣ, чтобы возненавидѣть войну! Какъ будто много людей шло на войну, какъ на праздникъ, не подозрѣвая, что тамъ рвутся мармитки! Какъ будто многимъ была чужда любовь къ миру, и только теперь появилось у нихъ это новое чувство! Старая исторія... Л. Н. Толстой со всей силой своего слова, со всей страстностью своего убѣжденія провозгласилъ:

«Не убій. Не противься злу насиліемъ, и зло исчезнетъ».

«Но и въ устахъ Толстого этотъ призывъ звучалъ не всегда искренно. Пусть же И. Р....й продолжаетъ дѣлать свои открытія новыхъ чувствъ, пусть мечтаютъ на фронтѣ, а въ тылу созываютъ конференціи любви и мира,—мармитки отъ этого рваться не перестанутъ...»

Но если эта замѣтка проникнута горечью и ироніей по отношенію къ призыву «организовать» на французскомъ фронтѣ «проявленія новыхъ чувствъ любви и связать ихъ съ общей работой партіи», то какимъ горячимъ чувствомъ проникнута его посмертная статья «Наши пути»,—отвѣтъ на статью Ек. Арборе («За рубежомъ», № 2).

«Задѣла меня статья Ек. Арборе,—пишетъ онъ 2-го іюня,— . . . но по искренности чувства заслуживаетъ

искренняго и уважительнаго отвѣта. Если успѣю, попытаюсь, въ формѣ открытаго письма...» Онъ успѣлъ и въ лихорадочномъ напряженіи создалъ эту удивительную статью, свою лебединую пѣсню...

Въ томъ же письмѣ онъ дѣлаетъ свое духовное завѣщаніе. Остающееся послѣ него литературное наслѣдство распредѣляетъ такъ, чтобы то дѣло, которому онъ служилъ всю свою сознательную жизнь, было освѣщено съ помощью имъ пережитаго опыта...

Что сказать о той сторонѣ его характера, которая въ просторѣчьи называется воинской доблестью? Мнѣ кажется, что слова «храбрость», «трусость» въ приложеніи къ нему были пустыя слова... Онъ равнодушенъ былъ къ мармиткамъ и пулямъ, равнодушенъ, какъ человѣкъ, прошедшій на своемъ вѣку сквозь тысячи возможностей смерти, какъ человѣкъ, давнымъ-давно поднявшійся надъ всякимъ страхомъ...

Безъ ненависти пошедшій «частицей живой стѣны» на страшную войну, часто хмурый, суровый, онъ похожъ на нарисованный имъ образъ: «И есть за крѣпкой и мрачной думой неисчерпаемый запасъ любви и нѣжности къ людямъ...»,—настоящей любви къ настоящимъ людямъ, такимъ, какіе они есть, съ ихъ пороками и недостатками.

Черезъ три дня его не стало. Умеръ онъ, сраженный мгновенно одной изъ тѣхъ самыхъ мармитокъ, о которыхъ писалъ его товарищъ. «Лицо хранило спокойное, словно моложавое выраженіе». «Онъ умеръ свѣтлой смертью», писалъ другой волонтеръ. Не стало и его мечтавшаго о конференціи мира соратника... Изъ маленькой группы шести человѣкъ въ суровыхъ Аргоннахъ осталось только трое.

«Очень доволенъ, что состою рядовымъ и живу его жизнью. Всегдашняя моя мечта была попасть въ рядовое положеніе и жить, какъ и всѣ прочіе»...—писалъ Сте-

панъ Николаевичъ вначалѣ изъ краонельскихъ траншей. И не только прожилъ онъ солдатомъ, «какъ всѣ прочіе», но и умеръ общей смертью. Одна и та же шрапнель убила нѣсколькихъ человѣкъ и вмѣстѣ ихъ всѣхъ схоронили...

«Помогавшій намъ въ розыскѣ могилы Степана Николаевича сержантъ нашелъ могилу «14 inconnus». По объясненіямъ санитаровъ, это—14 труповъ, подобранныхъ въ нашихъ траншеяхъ на другой день послѣ той несчастной попытки на атаку, въ которой убитъ Степанъ Николаевичъ. Дальнѣйшими разспросами установили, что «пожилой блондинъ съ маленькой бородкой, въ очкахъ» лежитъ вторымъ отъ опушки лѣса. Безусловной увѣренности, что именно тутъ находится прахъ Степана Николаевича, у меня нѣтъ; но все-таки поставили на этомъ мѣстѣ крестъ съ его именемъ. Это,—если встать лицомъ къ нѣмецкимъ траншеямъ,—влѣво отъ Вокуа, метрахъ въ 800 по дорогѣ на «Баррикады», на опушкѣ лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги на лѣвой сторонѣ...»

По той же дорогѣ и могилы его товарищей, Ноховича и Померанцева...

ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКАГО ФРОНТА И ТЫЛА.

Новое въ войнѣ.

Прошло десять лѣтъ отъ русско-японской борьбы до настоящаго мірового потрясенія, и ликъ войны измѣнился до неузнаваемости. По крайней мѣрѣ участнику маньчжурской эпопеи, волею судебъ перенесенному на «западный фронтъ», онъ является въ совершенно иномъ видѣ. Попытаюсь вкратцѣ намѣтить основныя измѣненія, видимыя простымъ глазомъ рядового офицера.

Во-первыхъ, двѣ стѣны, два ряда безконечныхъ траншей, протянувшихся отъ Сѣвернаго моря до горъ Швейцаріи вмѣсто затерянной въ безкрайной Маньчжуріи сѣти нашихъ и японскихъ окоповъ. Слѣва, справа тогда оставались свободныя пространства, какъ позволявшія практиковать набѣги въ родѣ мищенковскаго, такъ и предопредѣлявшія обходныя японскія движенія. Теперь не то, и чувствуется, что, отодвинься море еще на сотни километровъ лѣвѣе, и фронты обоихъ противниковъ раздадутся, проявятъ тенденцію во что бы то ни стало добѣжать до него, пользуясь безконечными людскими резервами, черпаемыми изъ поднявшихся какъ одинъ человѣкъ націй.

И на фонѣ этого главнаго отличія четко вырисовались три основныхъ черты, перестроившія наново всю технику боя и весь обликъ войны: это—новый способъ развѣдки, новый методъ подхода къ атакѣ и новыя средства передвиженія.

Съ перваго же момента прибытія на фронтъ я рѣзко почувствовалъ разницу въ способахъ развѣдки. Нашъ полкъ попалъ въ Шампань, въ районъ, гдѣ между двумя рядами возвышенностей, принадлежащихъ «имъ» и намъ, по ровной, какъ ладонь, долинѣ вились длинной нитью наши траншеи въ 1.000—1.200 шагахъ отъ нѣмецкихъ. Мы пришли въ В.... и только вечеромъ должны были отправиться на смѣну передовыхъ частей. В... расположено на склонѣ, обращенномъ къ долинѣ съ траншеями, и изъ него открывается роскошный видъ на сбѣгающіе внизъ виноградники, рощицы, хутора и покрытую сжатымъ хлѣбомъ долину. По разбивкѣ людей мы, вооружившись биноклями, съ любопытствомъ начали отыскивать на желтыхъ поляхъ характерную линію траншейныхъ бугорковъ. Однако ничего сколько-нибудь отдѣляющагося отъ земли и представляющаго собою точку прицѣла нельзя было отыскать внизу. Траншеи ушли вглубь, разсыпанная вокругъ земля прикрылась снопами, и только узкія линіи поперечныхъ соединительныхъ ходовъ изрѣдка чертили свой зигзагъ къ покрытой виноградниками подошвѣ холмовъ.

— Однако,—замѣтилъ капитанъ Дюбежъ,—по такимъ окопамъ не очень пристрѣляешься. Есть что разглядывать въ оба артиллеристамъ.

Въ этотъ моментъ на горизонтѣ показалась маленькая точка. Она быстро росла, и черезъ нѣсколько секундъ мы увидѣли гигантскую птицу, легко и красиво летѣвшую на насъ съ характернымъ гудѣніемъ мотора.

— Вотъ тебѣ и разъ, «Таубе»!

По деревушкѣ уже поднялась тревога. Она мгновенно обезлюдѣла. Солдаты забились подъ навѣсы, прилипли къ изгородямъ и стѣнамъ. Обозъ былъ помѣщенъ заранѣе подъ прикрытіе. «Таубе» съ минуту повертѣлся надъ деревней, а затѣмъ, словно ястребъ, сталъ плавно кружить надъ долиной. Вотъ его круги

стали уже, онъ какъ будто на моментъ застылъ, и длинныя свѣтло-дымчатыя ленты протянулись внизъ къ желтому полю.

— Готово! — сказалъ «марсуэнъ», лейтенантъ колоніальной морской пѣхоты, здѣшній старожилъ.

— Что готово?

— Какъ что?! Артиллерійская поливка, чортъ побери.

И дѣйствительно, тамъ, гдѣ тянулись свѣтло-дымчатыя ленты, одно за другимъ рождались и расходились въ синеватомъ воздухѣ маленькія, красивыя бѣлыя облачка. До насъ долетали короткіе, гулкіе удары: то надъ намѣченными траншеями рвалась шрапнель, а затѣмъ надъ ними поднялся густой столбъ чернаго дыма и развороченной земли. Началась бомбардировка «мармитами».

Эта маленькая сценка перваго дня особенно отчетливо подчеркнула коренную перемѣну въ способахъ развѣдки и вызванное ею измѣненіе въ ликѣ войны. Въ походѣ, на привалѣ, на маневрѣ, въ траншеяхъ, въ бою—первая забота обезопасить себя отъ взглядовъ воздушныхъ развѣдчиковъ, которые не только навлекаютъ громъ и молнію скорострѣльной, дальнобойной артиллеріи, но разгадываютъ всѣ секреты, все тайное дѣлаютъ явнымъ. Въ доброе старое время всякіе резервы въ тылу передовыхъ позицій, особенно укрытые складками мѣстности, двигались безъ риска быть обнаруженными. И даже въ непосредственной близости непріятеля, предохраняемые аванъ-и флангъ-гардами, двигаясь по благопріятной мѣстности, они представляли собою секретъ, для раскрытія котораго требовалось и много силъ, и много умѣнья, и много времени. Подойдя оврагами къ лѣсу, къ возвышенности, резервъ могъ оставаться въ тайнѣ до послѣдняго момента.

Нынче все измѣнилось. Со своихъ высотъ летчики легко разбираются въ происходящемъ и съ молніеносной быстротой указываютъ мѣсто и характеръ откры-

тыхъ ими войскъ. И все приспособляется къ тому, чтобы обезопасить себя отъ ихъ взоровъ. Приходится, рискуя обстрѣломъ, сосредоточиваться не за рощей, а въ ней, подъ деревьями, подъ навѣсами построекъ; возвышенности перестали быть абсолютнымъ прикрытіемъ; марши предпочтительнѣе производить вечеромъ, ночью и передъ разсвѣтомъ, а ежели днемъ,—то съ большой скоростью, не позволяющей разгадать мѣста назначенія. Траншеи дѣлать по возможности на опушкѣ лѣсовъ и другихъ прикрытій, пренебрегая легкостью прицѣлки по нимъ и дорожа, главнымъ образомъ, защитой отъ взгляда аэронавта. Подвозъ продуктовъ, снаряженія, снарядовъ, эвакуированіе раненыхъ въ сферѣ возможнаго артиллерійскаго огня приходится приспособлять къ возможности авіаціонной развѣдки.

Артиллерія, можно сказать, попала на привязь къ авіаціи. Эта послѣдняя нащупываетъ, намѣчаетъ для нея особо важныя цѣли, поправляетъ стрѣльбу, извѣщаетъ объ успѣхѣ. Это она и опредѣляетъ мѣстоположеніе артиллеріи, и заставляетъ ее обязательно ночью мѣнять позицію. Рѣдко досягаемая для выстрѣловъ, эта воздушная кавалерія, несущаяся со скоростью сотни километровъ въ часъ,—очень невыгодная конкурентка земной, которой не угоняться за своей молніеносной соперницей. Въ ясную сравнительно погоду развѣдку почти всецѣло дѣлаетъ аэропланъ.

Такъ же рѣзко для глаза измѣненіе способа подхода къ атакѣ. Уже въ русско-японскую войну мѣткость скорострѣльной артиллеріи и вліяніе только-что введеннаго пулемета дали себя чувствовать и значительно свели прежнюю концепцію боя въ открытомъ полѣ къ траншейному сидѣнію. Но сравнивать «западный фронтъ» съ фронтомъ маньчжурскимъ нѣтъ никакой возможности. Артиллерія возросла до предѣловъ возможнаго, а пулеметъ,—новичокъ на зарѣ XX вѣка,—сталъ одной изъ

основъ современнаго боя. Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что приблизительно на каждые 100—150 метровъ фронта нѣмцы выставили здѣсь одно орудіе и отъ одного до двухъ пулеметовъ. Я думаю, что расчетъ мой грѣшитъ преуменьшеніемъ. И вотъ я вспоминаю прошлыя наши атаки на сжатыхъ гаоляновыхъ поляхъ. Сначала отправляясь ускореннымъ шагомъ, потомъ перебѣжками отъ 100 до 50 шаговъ величиной, атака не имѣла надобности для окончательнаго удара въ штыки закапываться на разстояніи 60-ти шаговъ отъ непріятеля глубоко въ землю. Какъ ни свирѣпъ былъ огонь, но все же такой методъ былъ бы преувеличенъ и не далъ бы результатовъ.

Нынче дѣло обстоитъ иначе. Страшный огонь многочисленной и разнокалиберной артиллеріи заставилъ «срыть» брустверъ у окоповъ, представлявшій собой хорошую прицѣльную линію. Онъ загналъ траншею начисто въ землю. Пулеметъ же въ связи съ артиллерійской поддержкой развилъ неудержимую тенденцію къ почти полному сліянію вражескихъ окоповъ.

— И это война!—кипитъ, бывало, какой-нибудь изъ офицеровъ, особенно побывавшихъ въ Марокко.—Вмѣсто удара въ штыки—добровольное гніеніе въ проклятыхъ ямахъ. Такой способъ не по намъ, французамъ.

— Подождите,—обыкновенно отвѣчаютъ «старики»,—какъ попадете подъ пулеметы, такъ поймете траншейную войну.

И дѣйствительно, пулеметы «косятъ», какъ траву, наступающія цѣпи. Подъ ихъ свинцовымъ градомъ, сопровождаемымъ мѣткой шрапнелью, не пройдешь, какъ раньше, большого разстоянія. И вотъ фронты траншей на манеръ гигантскихъ амебъ начинаютъ движеніе навстрѣчу другъ другу. Выпустятъ, словно щупальца, впередъ «коммуникаціонныя кишки» и подтягиваются всѣмъ своимъ безконечнымъ корпусомъ, пока не сой-

дутся на 100, а то и на 50 шаговъ промежутка. Противники перекликаются, переговариваются, изучаютъ привычки другъ друга и подводятъ одинъ подъ другого тихой сапой цѣлые... динамитные погреба, чтобы послѣ взрыва, затягивающаго густой пеленой все пространство, быстро перебѣжать въ образовавшуюся во вражескихъ окопахъ воронку и снова... окопаться. Таково логическое развитіе атаки, послѣ того какъ противники, схватившись на Энѣ и не нанеся одинъ другому рѣшительнаго удара, врылись въ землю. И если, не дождавшись момента, когда, накопивъ стратегическіе резервы и пробивъ брешь для того, чтобы влиться въ нее неумолимой волной, можно будетъ двинуться рѣшительно впередъ, одинъ изъ противниковъ предпринимаетъ частную атаку даже съ ближняго разстоянія, передъ траншеями образуются тѣ страшныя мертвыя горы человѣческихъ тѣлъ, которыми такъ богата настоящая война.

Огонь, и особенно пулеметный, начисто измѣнилъ не только подходъ къ атакѣ во время накопленія силъ, но и положеніе кавалеріи. Ей нечего дѣлать до послѣдняго момента тамъ, гдѣ, сойдясь на короткое разстояніе и заполнивъ его проволочными сѣтями, волчьими ямами и т. п., противники остаются въ траншеяхъ цѣлые мѣсяцы. Кавалерія, въ свою очередь, спѣшилась, засѣла въ окопъ, отошла въ резервъ и ждетъ рѣшительнаго натиска, послѣ котораго ей очистится мѣсто и явится возможность развернуть свое стратегическое значеніе какъ при наступленіи, такъ и во время отхода. Ея функціи,—развѣдки,—на это время цѣликомъ перешли къ авіаціи и пѣхотѣ, функціи связи въ большей части—къ автомобилю и мотоциклету.

И, наконецъ, послѣднее мощное измѣненіе принесъ съ собою войнѣ автомобиль. Старая картина безконечнаго движенія всевозможныхъ обозовъ, ихъ черепашья

медленность въ значительной степени замѣнилась стройной системой быстро несущихся автомобильныхъ секцій. Громадная, въ десятки тысячъ повозокъ съ 40 тыс. шофферовъ, автомобильная армія съ неслыханной раньше быстротой обслуживаетъ дерущіяся войска. Она мчитъ почту, провіантъ, отчасти снаряды. Она эвакуируетъ раненыхъ, позволяя госпиталямъ отодвинуться въ дальній тылъ, гдѣ больше удобствъ. Она разгружаетъ желѣзныя дороги и при параллельномъ шоссе въ нужный моментъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить ихъ, оставляя ихъ подъ чисто-боевыя нужды.

Въ непосредственномъ боевомъ значеніи всемогущій моторъ внесъ много новаго. Осѣдланный пушкой и пулеметомъ, онъ далъ въ руки начальника грозный таранъ при наступленіи и мощное прикрытіе при отходѣ. Вооруженный прожекторомъ, онъ сталъ ночными очами войскъ. Заблиндированный, превратился въ прекрасное рекогносцировочное средство.

Служба связи въ ея широкомъ смыслѣ слова пріобрѣла безцѣннаго помощника въ автомобилѣ, и передъ нею открылись широчайшія перспективы, особенно при умѣломъ комбинированіи автомобиля съ аэропланомъ. Благодаря ему полководецъ сталъ подвижнымъ. Онъ не вынужденъ больше обязательно быть прикрѣпленнымъ къ своему кабинету. Его штабъ сумѣетъ по телеграфу ли безъ проволоки, по телефону ли, или иначе держать его въ курсѣ прибывающихъ извѣстій, а онъ самъ на быстрой машинѣ можетъ нестись туда, гдѣ нужно его личное присутствіе, безъ риска оторваться отъ своей главной квартиры.

Въ шоссированныхъ европейскихъ государствахъ благодаря автомобилю появилось новое средство перебрасыванія резервовъ. Помню, какъ въ одно прекрасное утро нашъ полкъ получилъ приказъ выстроиться вдоль дороги, группами по 25 человѣкъ, въ 20-ти шагахъ раз-

стоянія другъ отъ друга. Плавно и легко подкатили громадныя машины, и черезъ четверть часа мы неслись по живописной Шампани. Мимо насъ летѣли села и города, промелькнулъ полуразрушенный Реймсскій соборъ, и вотъ мы уже въ 45-ти верстахъ отъ утреннихъ позицій, свѣжіе и готовые къ атакѣ. Возможно ли что-либо подобное въ прошломъ?

И когда видишь кавалерію, снабженную автомобильнымъ обозомъ, невольно спрашиваешь себя: что бы вышло изъ мищенковскаго рейда подъ Инькоу, если бы вмѣсто безумно-тормозившаго вьючнаго обоза и таковогo же обоза для раненыхъ отрядъ располагалъ современными стальными конями? И врядъ ли бы смогла разыграться мукденская обозная паника при замѣнѣ значительной части неуклюжаго войскового обоза легкими машинами.

Во всякомъ случаѣ, при наличности прекрасныхъ шоссе въ Западной Европѣ съ трудомъ представляешь себѣ блужданіе «форсированнымъ» маршемъ резервовъ, столько разъ послужившее къ пораженію большихъ армій и, между прочимъ, значительно способствовавшее нашимъ неудачамъ при Ляоянѣ и Мукденѣ. Теперь не то. Во время марнскаго боя большая часть арміи генерала Манури была переброшена парижскими автомобильными секціями въ Уркъ, и въ общихъ причинахъ блестящей побѣды скромный шофферъ игралъ немалую роль. Автомобиль создаетъ въ своемъ развитіи новыя стратегическія линіи.

Вотъ эти три, основанныхъ главнымъ образомъ на принципѣ быстроты, фактора,—аэропланъ, пулеметъ и автомобиль,—мнѣ кажется, провели на грозномъ ликѣ войны самыя рѣзкія, измѣняющія черты. Конечно, долженъ оговориться снова: рѣчь идетъ о «западномъ фронтѣ», хотя это не мѣняетъ общей сути дѣла въ смыслѣ новыхъ выводовъ, обязательныхъ въ будущемъ для всѣхъ.

въ будущемъ!.. Логическое развитіе этихъ трехъ страшныхъ силъ въ связи съ возможностью черпанья огромныхъ вооруженныхъ массъ изъ неизсякаемаго источника націй приведетъ человѣчество въ будущемъ къ совершенно необычайнымъ и мало доступнымъ самому смѣлому воображенію картинамъ подземной, земной и надземной войны.

Развѣ что оно во-время остановится...

Западный фронтъ.

Въ предыдущей статьѣ я пытался показать то «новое въ войнѣ», что съ особенной силой проявляется на западнюмъ фронтѣ. Прибавлю еще нѣсколько штриховъ. «Западный фронтъ» представляетъ собой два непрерывныхъ ряда,—французскій и нѣмецкій,—почти долговременныхъ полевыхъ укрѣпленій. Эти полевыя укрѣпленія состоятъ изъ глубоко ушедшихъ въ землю нѣсколькихъ рядовъ траншей, въ зависимости отъ мѣстности соединенныхъ между собой зачастую на протяженіи 3—4-хъ километровъ вырытыми въ землѣ ходами сообщеніями,—«кишками»,—какъ они зовутся у французовъ. У нѣмцевъ траншеи бываютъ бетонированы. Подземные казематы для защитниковъ окоповъ, иногда цѣлыя подземныя галлереи, особенно между подвалами находящихся на фронтѣ городковъ и деревень,—естественныхъ опорныхъ пунктовъ обѣихъ линій. Оба фронта обслуживаются прекрасной и густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ и знаменитыхъ «національныхъ» французскихъ шоссе. Эти пути сообщенія въ связи съ богатствомъ средствъ передвиженія, т.-е. поѣздовъ, автомобилей и т. д., въ связи съ близостью парковъ, складовъ и резервовъ позволяютъ съ громадной быстротой перебрасывать на какіе угодно пункты войска, ихъ снаряженіе и ихъ питаніе. Самыя траншеи раздѣлены

другъ отъ друга разстояніемъ очень близкимъ и въ большинствѣ случаевъ колеблющимся отъ 400 метровъ и до 15! Есть траншеи, раздѣленныя только перегородкой изъ «саковъ»,—изъ мѣшковъ съ землей. Разстояніе между «ними» и «нами» заполнено рвами, волчьими ямами, засѣками, густыми проволочными сѣтями, всякими капканами. Самыя траншеи защищены, во-первыхъ, ружьями стрѣлковъ, невѣроятнымъ количествомъ пулеметовъ, орудіями всѣхъ калибровъ, рогатками и луками, метающими бомбы, ручными гранатами, «пушками-револьверами», старыми орудіями, приспособленными къ метанію воздушныхъ торпедъ, фугасами, минами, приборами для обливанія горящей жидкостью, удушливыми и ядовитыми газами. Въ послѣднее время появились воспламеняющіеся газы. Позади, на укрѣпленныхъ позиціяхъ,—несмѣтная артиллерія, знающая, какъ свои пять пальцевъ, всѣ разстоянія и цѣли...

Въ такихъ условіяхъ всякое наступленіе въ большихъ размѣрахъ кажется невозможной и безполезной гекатомбой собственныхъ войскъ. Попробуйте пробѣжать подъ концентрированнымъ огнемъ всѣхъ этихъ средствъ истребленія небольшой, но заполненный преградами участокъ земли. А главное—попробуйте вылѣзть изъ собственныхъ траншей въ началѣ наступленія!..

Вотъ почему быстрыя, какъ ударъ молніи, атаки французовъ на отдѣльныхъ пунктахъ западнаго фронта могутъ каждая считаться не только героическимъ, но и *классическимъ* военнымъ примѣромъ.

Возможность всеобщей фронтовой атаки, такимъ образомъ, исключена. Очевидно, что тотъ изъ противниковъ, который броситъ въ подобное предпріятіе на 450-тикилометровую крѣпость свою армію, понесетъ колоссальныя потери и не достигнетъ цѣли. Движенія обходныя невозможны: фронтъ упирается съ одной стороны въ море, съ другой—въ швейцарскую границу.

Кромѣ того, невозможно представить себѣ запасовъ артиллерійскаго снаряженія, потребнаго для начала и развитія всеобщей или очень широкой фронтовой атаки. Тутъ нехватило бы и никакихъ человѣческихъ резервовъ, такъ какъ опытомъ установлено, что *только для сохраненія* нерушимости фронта въ настоящихъ условіяхъ западнаго театра войны необходимо имѣть 2.500 человѣкъ на 1 милю, или 1.200.000 человѣкъ на всемъ его протяженіи.

Изъ всего вышесказаннаго сама собой вырисовывается стратегія, единственно доступная обоимъ противникамъ: это—пробитіе бреши въ наиболѣе уязвимой или наиболѣе важной по своимъ тактическимъ и стратегическимъ особенностямъ области непріятельскаго фронта и немедленный ударъ въ открывшіеся фланги противника. Въ случаѣ успѣха—отходъ врага съ укрѣпленной линіи,—съ линіи почти долговременныхъ укрѣпленій,—и обрѣтеніе, такимъ образомъ, свободы стратегическихъ операцій для обѣихъ сторонъ,—больше для атакующаго, чѣмъ для отступающаго,—ранѣе скованной этой непрерывной, гигантской траншеей.

Однако для того, чтобы брешь не сыграла роли захлопнувшейся мышеловки, она должна быть относительно широка,—настолько широка, чтобы не позволить перекрестнаго огня противника съ открывшихся фланговъ и чтобы дать возможность влиться широкой лавиной сосредоточеннымъ резервамъ. Врядъ ли я ошибусь, если опредѣлю размѣры подобной бреши не менѣе чѣмъ въ 15—18 километровъ.

Такъ ли, иначе ли, для начала маневра неизбѣжна фронтовая атака значительнаго участка непріятельской позиціи, превращенной за десять мѣсяцевъ, съ битвы на Энъ, въ почти неприступную крѣпость,—атака, которая на первый взглядъ кажется невозможной или слишкомъ рискованной. Тѣмъ не менѣе мы видѣли въ

послѣднее время нѣсколько изолированныхъ и удачныхъ атакъ со стороны французовъ въ Вогезахъ, цѣлью которыхъ было пріобрѣтеніе доминирующихъ надъ Эльзасскими долинами и ихъ желѣзными дорогами высотъ: взятіе Эпаржа, высящагося надъ Вевромъ и его путями, взятіе высотъ у Ланъ и др. Мы даже видѣли попытку пробитія настоящей бреши у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, около Арраса, принесшую въ конечномъ счетѣ только пріобрѣтеніе нѣсколькихъ километровъ и серьезную угрозу для непріятельскаго желѣзнодорожнаго узла подъ Ланомъ. Въ самые послѣдніе дни армія кронпринца навалилась на войска генерала Саррая съ цѣлью прорыва къ Вердену. Эта попытка окончилась для нѣмцевъ, понесшихъ громадныя потери и атаковавшихъ съ во много разъ превосходящими силами, захватомъ участка позиціи въ четыреста метровъ глубиной, къ тому же въ большей своей части уже отбитаго.

Какъ производились эти на первый взглядъ немыслимыя атаки? Конечно, артиллерійскимъ огнемъ, изверженіемъ потока металла на обреченныя позиціи. Только доведенный до послѣднихъ предѣловъ напряженія артиллерійскій огонь можетъ контръ-балансировать преимущества ожидающаго въ своихъ современныхъ окопахъ противника. «75», «90», «120», длинныя и короткія «римайо» «155», «220», а у нѣмцевъ всѣ калибры, вплоть до «305» австрійской модели, засыпаютъ обстрѣливаемую площадь грудами стали. Съ лица земли сносится все,—укрѣпленія, сѣти проволоки,—переворачиваются вверхъ дномъ траншеи. Чтобы не дать возможности подойти резервамъ, устраивается «tir de barrage»,—загораживающій огонь, огневая завѣса. Снаряды ложатся, если можно такъ выразиться, сплошной стѣной въ тылу непріятельской позиціи. Содержащіеся въ нихъ удушающіе и ядовитые газы дѣлаютъ эту полосу не-

проходимой. И, когда, послѣ длительнаго обстрѣла, пѣхота кидается въ атаку на полуотравленные, полуоглушенные остатки противника, засыпая его ручными гранатами, ей все же приходится еще выдерживать страшный бой, въ которомъ лучшимъ оружіемъ служатъ уже не ружья, а складные, выданные нарочито, ножи. Въ узкой «кишкѣ Эйленбурга» рукопашная борьба длилась трое сутокъ! Для того, чтобы овладѣть этой траншеей, французы выкопали параллельный окопъ и, пробѣжавъ въ три минуты раздѣляющее поле ярко-красныхъ маковъ, сошлись грудь съ грудью. Эти трое сутокъ враги дрались въ нестерпимо душной и пыльной (известка) атмосферѣ узкой канавы съ непокрытой головой и въ однѣхъ рубашкахъ.

Бой подъ Аррасомъ длился около трехъ недѣль. Каждый шагъ покупался дорогой цѣной. И все это время безъ перерыва артиллерія, чтобы дать возможность пѣхотѣ продвигаться впередъ, должна была изрыгать лаву снарядовъ. На небольшое мѣстечко Каренси ихъ было брошено въ четыре часа 20.000, на другой участокъ ихъ упало 300.000 и т. д., и т. д. «Этихъ битвъ нельзя описать,—говорить офиціозное донесеніе,—ихъ надо видѣть»...

Наступленіе подъ Аррасомъ, во главѣ котораго шли *наши волонтеры*, достигшіе, согласно сообщенію главной квартиры, «*успѣховъ, ни разу еще не полученныхъ за послѣдніе семь мѣсяцевъ ни нами, ни германцами*», было широко задумано. Французы воспользовались сосредоточеніемъ массы австро-германскихъ силъ въ Галиціи и начали пробивать брешь. Вслѣдъ за пѣхотой въ нее должны были врѣзаться кавалерійскія дивизіи, въ томъ числѣ и мой полкъ. Къ этой бреши нѣмцы стянули 11 дивизій. Попытка не удалась, но зато она съ несомнѣнной ясностью подчеркнула не только неизбѣжность ея повторенія въ будущемъ, но и *категорическую*

необходимость обладанія несмѣтными запасами снаряженія для атакующаго. Безъ этого, какъ бы ни былъ высокъ духъ войскъ и страстенъ ихъ энтузіазмъ, какъ бы ни были велики таланты полководцевъ и благопріятны политическіе и стратегическіе моменты, наступленіе на располагающаго такими средствами защиты врага обречено на неудачу или,—какъ въ данномъ случаѣ,—лишь на частичный, хотя и крупный успѣхъ.

И въ числѣ отвѣтовъ, даваемыхъ на тревожный вопросъ, «почему мы не вылѣзаемъ изъ нашихъ траншей, въ то время, какъ силы Австро-Германіи удерживаются отступающей русской арміей», самымъ логическимъ мнѣ представляется отвѣтъ, выраженный приблизительно въ слѣдующей формѣ: «Выборъ момента наступленія зависитъ не столько отъ политическихъ условій и военной обстановки на другихъ фронтахъ войны, сколько отъ богатства артиллерійскихъ запасовъ. У насъ ихъ имѣется болѣе чѣмъ достаточно для защиты, но для движенія впередъ надо гораздо больше».

Къ этому идеалу необходимаго количества военнаго снаряженія Франція съ Англіей и приближаются съ каждымъ днемъ.

Не надо забывать, что, кромѣ всего прочаго, Франціи еще потому предпочтительнѣе ждать момента окончательнаго накопленія снарядовъ, что она при своей относительной малочисленности населенія не можетъ и не должна рисковать не вполнѣ подготовленнымъ наступленіемъ.

Такова настоящая война,—«война заводовъ», «guerre d'usine». Недавно мнѣ пришлось быть въ обществѣ полковника, завѣдующаго однимъ изъ самыхъ значительныхъ округовъ по приготовленію снарядовъ. Онъ слушалъ всѣ наши соображенія, улыбался и повторялъ: «А въ конечномъ счетѣ вы всегда придете къ заводу; это—«guerre d'usine». Каковы ни были рессурсы Фран-

ціи въ этомъ отношеніи, они оказались недостаточными для гигантскаго размаха данной войны, и Франціи пришлось слѣдовать, согласно словамъ того же полковника, слѣдующему принципу: «На голомъ мѣстѣ творить нѣчто, а затѣмъ умножать это нѣчто». Франція раньше насъ поняла невозможность удовольствоваться только существующими спеціальными заводами и произвела общественную и государственную мобилизацію.

— У васъ—небольшая металлургическая мастерская? Отлично. Сколько вы можете доставлять снарядовъ въ день по такой-то цѣнѣ?

— Сто? Прекрасно. У васъ нѣтъ рабочихъ? Мы вамъ пришлемъ изъ рядовъ арміи; нѣтъ денегъ,—ссудимъ, мало помѣщеніе,—выстроимъ...

Такимъ образомъ получается, что иной маленькій городишко поставляетъ ежедневно пять тысячъ «мармитокъ», что въ нашемъ эскадронѣ есть до сихъ поръ небывалая графа «металлуржистовъ», которые и отсылаются на заводы, какъ другіе ихъ товарищи—въ траншеи, что со всѣхъ концовъ страны небольшими ручейками стекаются громадныя количества «munitions» и что во главѣ всего этого дѣла стоитъ въ независимости отъ его принадлежности къ соціалистической партіи дѣльный работникъ Альбертъ Тома́, такъ же какъ въ Англіи— самый блестящій ея организаторъ Ллойдъ-Джорджъ.

Будь у Франціи наши всеземская и всегородская организаціи, какихъ изумительныхъ результатовъ достигла бы она уже давно! Но какъ бы тамъ ни было, недостатокъ заранѣе, задолго подготовленной организаціи снаряженія, необходимаго для нынѣшней войны, теперь можетъ быть пополненъ только общественно-государственной импровизаціей, требующей прежде всего иниціативы, порыва и—увы!—времени, времени и еще времени. C'est la guerre d'usine, — тяжелая и длительная, предъявляющая огромные запросы къ нервамъ.

Стратегія будущаго.

Нынѣшняя война—собраніе парадоксовъ. Само собой разумѣется, по сравненію съ существовавшими раньше представленіями о ней. Въ самой же себѣ она ничего парадоксальнаго не таитъ и развивается строго - логически, исходя, какъ уже мнѣ пришлось замѣтить однажды, изъ принципа быстроты. Ибо на этомъ принципѣ построены всѣ техническія усовершенствованія современныхъ орудій разрушенія.

Конечно, по первоначалу кажется немного странной простая истина о томъ, что быстрота стрѣльбы пулемета или орудія вызываетъ черепашій ходъ наступленія, что благодаря ей война не протекаетъ, какъ намъ думалось раньше, съ сумасшедшей быстротой, а, наоборотъ, затягивается на безконечный срокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните наши представленія о войнѣ. Изумительные инструменты уничтожаютъ человѣческія массы на большихъ разстояніяхъ, войско гибнетъ, не видя противника, резервы таютъ, и война кончается съ быстротой, пропорціональной быстротѣ дѣйствія орудій разрушенія.

На практикѣ происходитъ какъ разъ обратное явленіе. Мощь разрушительнаго на поверхности земли дѣйствія загоняетъ сражающихся въ землю. Медленно и мучительно пробиваясь подъ земной корой, ползутъ на-

встрѣчу другъ другу колоссальныя арміи и, доползши на близкое до смѣшного разстояніе, застреваютъ на неопредѣленно долгій срокъ, не рѣшаясь, не смѣя вылѣзть на свѣтъ Божій подъ дулами тысячъ и тысячъ въ упоръ наставленныхъ смертоносныхъ инструментовъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ ходѣ войны вмѣсто боя на разстояніи между невидящими другъ друга противниками враги не только дерутся грудь на грудь, но живутъ мѣсяцами въ 100, 50, 20 и даже 5-ти метрахъ разстоянія. Вотъ вамъ первый кажущійся парадоксъ.

Передъ началомъ протекающей нынѣ міровой войны не было сомнѣній въ томъ, что современныя грозныя крѣпости составятъ очень серьезное препятствіе и что, когда онѣ падутъ, непріятельскую силу удержать будетъ трудно.

Мы же видимъ, что грозныя крѣпости рухнули, какъ карточные домики, что ихъ несокрушимый бетонъ разлетѣлся въ воздухѣ, словно брызги разбитаго стекла. Но, взявшія, казалось, непреоборимый барьеръ 42-сантиметровыя чудовища въ безсиліи остановились передъ неглубокими, узкими канавами, наспѣхъ вырытыми въ открытомъ полѣ.

И не только остановились въ безсиліи, но смиренно уступили мѣсто маленькому, ехидному «крапуйо», устроенному изъ оболочки всего-навсего 75-тимиллиметроваго снаряда, съ проворностью швыряющему на небольшое разстояніе ручныя, съ хорошую грушу, гранаты.

А люди, годъ тому назадъ молившіеся на чудовищныя, дорого стоящія крѣпости, сегодня совершенно серьезно спрашиваютъ себя: не было ли бы и не будетъ ли болѣе разумнымъ вмѣсто дорого стоящихъ и разлетающихся въ крошки бетонныхъ мастодонтовъ окружить свою родину на всѣхъ границахъ поясомъ нѣсколькихъ рядовъ траншей? Траншей слишкомъ незначительныхъ какъ цѣль для тяжелыхъ орудій, бы-

стро исправляемыхъ и, въ случаѣ надобности, ускользающихъ отъ непріятеля. Въ нихъ можно долго,—очень долго,—защищаться и ихъ можно бросить съ легкимъ сердцемъ, чтобы въ моментъ настроить позади новыя. Въ результатѣ этого кажущагося парадокса мы возвращаемся къ нашей старой знакомой, къ «Великой Китайской стѣнѣ», только ушедшей въ землю вмѣсто того, чтобы лѣзть къ небесамъ...

И такъ до безконечности... Загнанные подъ землю берутъ реваншъ въ облакахъ, броненосцы подвергаются участи ихъ земныхъ коллегъ, крѣпостей, съ тою только разницей, что ихъ нечѣмъ замѣнить. Они нужны какъ пловучія батареи противъ прибрежныхъ крѣпостей. Ослѣпительная быстрота автомобилей и желѣзныхъ дорогъ обслуживаетъ черепашій ходъ пѣхоты...

Но все это кажущееся противорѣчіе составляетъ парадоксъ временный. Просто принципу быстроты въ наступленіи человѣкъ не сумѣлъ противопоставить равно быстрой силы въ оборонѣ. И поэтому мы присутствуемъ при попыткѣ углубленіемъ въ землю оттянуть отвѣтъ на поставленный стратегіей вопросъ. Вотъ почему мы видимъ людей, одѣтыхъ въ каски, со стальными нагрудниками, бьющихся въ узкихъ «буайо» (ходы сообщенія) финскими ножами, ручными гранатами, револьверами и всѣми первобытными способами борьбы, вплоть до зубовъ, хотя тѣ же люди обладаютъ коллекціей самыхъ изумительныхъ усовершенствованій въ дѣлѣ разрушенія...

Я не стану множить примѣровъ этого двойственнаго положенія вещей, но постараюсь изъ имѣющихся уже намѣтившихся попытокъ представить логическое развитіе стратегіи, такъ постыдно попавшей на узду къ техникѣ. Понятно, всѣ данныя черпаются мною изъ опыта «западнаго фронта».

Быстрота вызвала медленность, свела къ траншейной,

къ кротовой войнѣ всю борьбу. Быстрота бомбардировки, видимо, сдрейфила передъ углубленіемъ окоповъ. Бѣду пробуютъ восполнить интенсивностью обстрѣла тяжелой артиллеріей, ураганомъ стали и чугуна, переворачивающаго все вверхъ дномъ. Но... траншея уходитъ глубже... Прежній скромный «буайо», открытый сверху, узкій и неудобный, замѣняется просторной подземной галлереей, по которой могутъ катиться,—слышите ли вы?—могутъ катиться автомобили!.. И, когда послѣ страшной канонады во время послѣдней попытки наступленія въ Шампани французскіе солдаты пробѣжали первый рядъ траншей и кинулись ко второму, во многихъ мѣстахъ нѣмецкіе солдаты вылѣзли изъ глубокихъ подземныхъ логовищъ и принялись разстрѣливать въ спину нашихъ «пуалю». Пришлось повторить атаку въ обратномъ направленіи, а потомъ возобновить прерванную, какъ говорятъ на фронтѣ, «работу». И чѣмъ сильнѣе и быстрѣе будетъ огонь, тѣмъ глубже уйдетъ въ землю траншея, вооружась вентиляторами, подъемными машинами, предохранительными фугасами и я не знаю еще чѣмъ. Очевидно, надо искать иное средство,—средство, опять-таки основанное на быстротѣ,—и въ этомъ направленіи работаютъ теперь, безъ сомнѣнія, ученые всѣхъ странъ.

И средство это—не что иное, какъ моментальный взрывъ очень большой площади поверхности,—взрывъ, который могъ бы перевернуть цѣлые километры въ длину и глубину...

Теперешніе взрывы—только слабая тѣнь идеала, къ которому стремится минное искусство, но и они баснословны, но и они ужасны. Въ моментъ открываются колоссальныя воронки, и громадныя количества земли изрыгаются изъ чрева непріятельской позиціи. Какое-то изверженіе...

Но и это средство кажется недостаточнымъ и слиш-

комъ сложнымъ. Человѣчество въ погонѣ за рѣшительнымъ и быстрымъ, какъ молнія, средствомъ не призадумалось перешагнуть роковую черту мыслимаго. Съ легкой руки нѣмцевъ въ военное искусство введены страшные зачатки самаго послѣдняго и рѣшительнаго средства,—удушающіе газы...

Не надо обманывать себя, не надо заблуждаться. Не то главное, что газы эти въ настоящій моментъ технически не представляютъ дѣйствительнаго оружія. Это обстоятельство, быть можетъ, очень важно для данной фазы нынѣшней войны, но эпизодично въ общемъ ходѣ исторіи. Тогда какъ самый принципъ, заложенный и уже отчасти осуществленный, поставилъ человѣчество передъ пропастью...

Логическимъ завершеніемъ новой чисто-истребительной стратегіи,—стратегіи, основанной на техникѣ,—является стремленіе безъ потерь для себя уничтожить однимъ ударомъ какъ можно больше вражьихъ силъ,—цѣлыя арміи, всю армію непріятеля, если возможно.

И удушающіе, отравляющіе газы являются первыми шагами, пусть слабыми, пусть неувѣренными, но влекущими за собой логическое продолженіе и логическое завершеніе на томъ наклонномъ къ безднѣ пути, на который толкнула весь міръ Германія... Важенъ принципъ, важна возможность,—дѣло знанія и техники осуществить остальное.

А сколько возможностей таятъ въ себѣ электрическія и всякія прочія силы!

Дѣтскими и невинными передъ этой реальностью, глядящей на насъ въ упоръ, кажутся недавнія запугиванья ужасами войны нашихъ пасифистовъ. Никакая самая бѣшеная фантазія не могла придумать того, что уже начала воплощать дѣйствительность.

И врядъ ли теперь въ подлунной найдется человѣкъ,—настоящій солдатъ и настоящій человѣкъ,—ко-

торый съ полной искренностью могъ бы сказать,—какъ зачастую это говорилось передъ войной,—что она неизбѣжна, а подчасъ и желательна. По крайней мѣрѣ, сколько я ни видѣлъ,—а видѣлъ я много,—людей, побывавшихъ въ современномъ огнѣ,—всѣ они говорятъ то, что только-что сказалъ мнѣ генералъ, командующій нашимъ отрядомъ,—бравый, старый вояка, всю жизнь готовившійся къ войнѣ и дерущійся беззавѣтно за свою Францію:

«Единственное утѣшеніе—это то, что мы участвуемъ въ послѣдней войнѣ. Иначе ужасно было бы остаться въ живыхъ»...

Такъ говорятъ не пасифисты, а люди ремесла, люди, посвятившіе всю свою жизнь военному дѣлу.

Поистинѣ нужны для того большія причины. Эти причины лежатъ въ стратегіи будущаго, нѣкоторыя изъ основныхъ чертъ которой мы уже видимъ теперь, и которой ничто не помѣшаетъ осуществиться, если человѣчество не возстановитъ, не разовьетъ потеряннаго имъ моральнаго чутья и простого чувства самосохраненія...

„Цвѣтное“.

«Западный фронтъ» — подлинно какой-то лоскутный фронтъ. Онъ амальгамировалъ всѣ націи, всѣ расы міра и въ отличіе отъ вавилонскаго столпотворенія повелъ ихъ разноязычную массу сомкнутымъ строемъ на хитро возведенную башню нѣмецкаго военнаго могущества.

Кого только нѣтъ на фронтѣ, нѣсколькими рядами траншей бѣгущемъ отъ Сѣвернаго моря по узкой полосѣ разбитой Бельгіи, круто заворачивающемъ къ Артуа и черезъ Аргонны подходящемъ къ Шампани, пересѣкающемъ ее, проходящемъ мимо знаменитаго ряда крѣпостей Туль—Верденъ—Эпиналь и неожиданно сворачивающемъ въ Эльзасъ, чтобы упереться въ горы нейтральной Швейцаріи. Около милліона англо-саксонцевъ во всѣхъ образцахъ: тутъ есть представители всѣхъ областей Англіи въ ихъ своеобразныхъ костюмахъ, канадскія и австралійскія дивизіи, скоро пріѣдутъ бурскія войска ген. Бота. Тысячъ 200 бельгійцевъ, позабывшихъ свое дѣленіе на фламандцевъ и валлоновъ; горделивые поляки, масляноглазые греки, мрачноватые испанцы, проворные португальцы, вспыхивающіе итальянцы, есть шведы, аргентинцы, датчане, американцы, сербы, болгары, армяне, грузины, татары и т. д., и т. д. И даже Германія дала своихъ добровольцевъ не только

въ лицѣ эльзасцевъ и поляковъ, но и подлинныхъ нѣмцевъ, отрекшихся отъ стараго насильническаго отечества. Отъ Австріи есть представители: чехи, поляки, кроаты; отъ Турціи: армяне, евреи и сами турки... Эта пряность сочетанія не такъ давно еще усилилась отъ подбавки нѣсколькихъ тысячъ суфражистокъ и японскихъ лазаретовъ.

А дальше,—дальше мы видимъ важныхъ и очаровательныхъ индусовъ, пріѣхавшихъ со своими стадами козъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, гномообразныхъ гурковъ, потомковъ вольной конницы Массиниссы, матовыхъ спаговъ, бронзовыхъ алжирскихъ стрѣлковъ-арабовъ и черныхъ, какъ агатъ, сенегальцевъ. Изъ горъ Пенджаба, изъ далекаго Индо-Китая, Мадагаскара, Гвіаны, Конго, Алжира и Туниса, изъ Канады, Сѣверной и Южной Америки, Австраліи и Новой Зеландіи,—со всѣхъ концовъ міра, словно на какой-то феерическій смотръ націй, собрались лучшіе по возрасту и здоровью ихъ представители. Соблюдена вся гамма цвѣтовъ, отъ бѣлаго до ослѣпительно чернаго. Фономъ же служатъ французы,—армія французской республики.

Исторія въ недоумѣніи остановится передъ этимъ фантастическимъ фактомъ, передъ этой стоязычной, колоссальной арміей, предводительствуемой скромнымъ, добродушнымъ старикомъ, «дѣдушкой Жоффромъ»,—передъ арміей, гдѣ между двумя полюсами высшей цивилизаціи и первобытной жизни умѣстилось все современное общество во всѣхъ его мыслимыхъ соціальныхъ оттѣнкахъ и гдѣ бокъ-о-бокъ идутъ дикій сенегальскій негръ и восторженный мечтатель соціалистъ...

* * *

Какимъ страннымъ и неожиданнымъ было наше первое траншейное впечатлѣніе! Мы вышли глубокимъ вечеромъ изъ Верси, расположенной на вершинѣ воз-

вышенности, и извилистой дорогой спускались къ невидимой и, казалось, роковой долинѣ. Синеватыя звѣзды на темнюмъ небѣ и мракъ со всѣхъ сторонъ... Батальонъ двигался, насторожившись, готовый каждую минуту припасть къ землѣ, слиться съ ней, стать незамѣтнымъ для гигантскихъ полосъ свѣта, прорѣзывающихъ ночь, тихую ночь ласковой Шампани, и какимъ-то чудомъ не добѣгающихъ до насъ. Мы шли, затаивъ дыханіе, серьезные, взволнованные, съ чѣмъ-то большимъ въ груди, растущимъ, ширящемся и захватывающимъ все существо. Мы шли навстрѣчу неизвѣстнюму, навстрѣчу смерти... И никогда потомъ не повторялось это торжественное, проникновенное настроеніе первой ночи. Даже забубенные легіонеры подпали подъ власть непередаваемаго очарованія, а о волонтерахъ и говорить нечего.

— Ахъ, до чего хорошо, лейтенантъ,—шепнулъ правофланговый секціи Померанцевъ.—Такъ бы и шелъ, и шелъ всю ночь напролетъ.

— На душѣ хорошо, — добавилъ покойникъ Крикунъ. И снова все замолклю, лишь осторожный топотъ тысячи ногъ сливался въ одинъ неясный гулъ съ шопотомъ листьевъ умирающей осени и съ какими-то невѣдомыми намъ шорохами надвигающейся долины.

Вотъ мы перешли темный каналъ, постояли во дворѣ таинственной постройки, нынче уже не существующей мельницы Силлери. Офицеры поднялись въ сопровожденіи высокаго статнаго негра во второй этажъ, прошли какими-то узкими, неосвѣщенными переходами и лѣстничками и попали въ большую на глухо закрытую комнату. За столомъ передъ картой, чуть-чуть озаряемой блѣднымъ свѣтомъ ночника, сидѣлъ комманданъ «марсуэнъ», офицеръ колоніальной пѣхоты. И этотъ сенегалецъ, и изрубленное лицо спокойнаго «марсуэна», и заброшенная таинственная мельница надъ темнымъ

каналомъ, и эта тихая, жуткая ночь, и уже ощущаемая близость невидимаго врага сливались во что-то одно своеобразное, почти фантастическое цѣлое.

Командиръ кратко показалъ намъ на картѣ расположеніе окоповъ.

— Впрочемъ, днемъ сами увидите все, что надо. Эй, Амаду, проведи батальонъ въ траншеи.

Безконечной змѣей, по одному, вытянулись роты вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Впереди, словно гигантская ящерица, скользилъ Амаду между всякими изгородями, проволоками и ямами. Перешли полотно,—маленькая рощица, а изъ нея—узкая, длинная соединительная «кишка», и вотъ мы въ открытомъ полѣ, въ неглубокихъ траншеяхъ. Насъ ждутъ. Ночь стала свѣтлѣе, какія-то странныя фигуры сбились на невысокомъ брустверѣ. Напрасно унтеры сгоняютъ ихъ съ опаснаго мѣста, онѣ не сходятъ, оставляя для скорости смѣны траншеи свободными для нашего передвиженія. Приглядываемся... Сенегальцы! Такъ вотъ чѣмъ объясняется непостижимое присутствіе Амаду на силлерійской мельницѣ...

Ихъ феерическіе костюмы слиняли, головы закутаны тряпками, они жмутся и мерзнутъ, бѣдные дѣти Сенегала. Легіонъ—ихъ старый африканскій знакомый, случайно повстрѣчавшійся въ траншеяхъ Шампани.

— Э, камрадъ, балэсъ? Какъ дѣла, товарищъ?—на африканскомъ волапюкѣ освѣдомляется Дамсенъ у великолѣпнаго негра. Тотъ скалитъ зубы.

— Па бонъ безефъ, камрадъ, па шо. Немного хорошю, товарищъ, не тепло.

— Что вы, черти, съ ума сошли,—разговаривать!—вмѣшивается сержантъ. Сенегальцы торопливо прыгаютъ черезъ окопы, моментально выстраиваются и смутнымъ, извивающимся силуэтомъ ускользаютъ въ «кишку», и вотъ ужъ ихъ нѣтъ, и мы одни смотримъ поверхъ бруствера въ грозную невѣдомую даль.

Днемъ я брожу по рощицѣ, что́ позади, у желѣзной дороги. Она вся выбита зловѣщими воронками, запружена наваленнымъ лѣсомъ и разбитыми «гурби» (шалашами) изъ дорожныхъ шпалъ. Повсюду одинокія могилки. На крестахъ повѣшены кэпи, на одномъ деревянный обводъ барабана,—здѣсь мѣсто упокоенія «тамбура», на многихъ какіе-то странные пояса изъ кожаныхъ амулетовъ.

— Что это такое?

— Гри-гри, мой лейтенантъ,—отвѣчаетъ капралъ Перрашъ, уже распоровшій одинъ изъ амулетовъ.

А, «гри-гри»... чудодѣйственный сенегальскій талисманъ, съ которымъ нѣтъ ни смерти, ни несчастья. Его можно получить у колдуна тамъ, далеко, далеко, въ жаркой Сенегаліи.—А если что случится, такъ это значитъ, что колдунъ далъ плохой «гри-гри».

И на «гри-гри» химическимъ карандашомъ выведено, очевидно, рукой европейскаго товарища: «тирайеръ Берика». Почему Берика, носившій «гри-гри» вокругъ тѣла, подписалъ его? Боялся кражи? Такъ ли, или иначе,— талисманъ не спасъ бѣднаго стрѣлка... И много ихъ валяется по рощѣ...

Я смотрю на выпотрошенную внутренность амулета. Черные, жесткіе волосы, кусокъ кожи, сухая земля родины и еще какія-то нераспознаваемыя вещи.

— Гри-гри—важная штука,—повѣствуетъ Перрашъ.— Съ нимъ сенегалецъ ничего на свѣтѣ не боится и на самого дьявола въ атаку пойдетъ.

Особенно много погибло ихъ въ первыхъ бояхъ. Непривыкшіе въ марокканскихъ войнахъ къ современнымъ методамъ войны, чернокожіе неслись впередъ, безпечные какъ дѣти, безъ всякихъ приспособленій къ косящему огню. Но если ихъ яростная атака доносилась до нѣмецкихъ траншей, врагу приходилось жутко. Недавно еще во взятой сенегальцами траншеѣ ея защитни-

ки, объятые ужасомъ и безсильные, плакали въ нервномъ потрясеніи. Они сначала плохо приспособлялись къ траншейному сидѣнію, къ минной и артиллерійской войнѣ, къ зимнимъ холодамъ, но потомъ привыкли ко всему. Ихъ безудержная атака сдѣлала ихъ однимъ изъ мощныхъ врановъ, и марокканскія дивизіи постоянно перебрасываются на автомобиляхъ въ пункты, откуда начинается французское наступленіе. Передъ зарей, снявъ обувь, съ ножами въ рукахъ, они ползутъ, словно змѣи, до непріятельской линіи, а потомъ съ дикимъ крикомъ несутся сметающимъ ураганомъ на окопы.

«Цвѣтныя» войска оказали колоссальную услугу Франціи своими десятками тысячъ прекрасно выдрессированныхъ и сильныхъ солдатъ. Ихъ перевезли въ самомъ началѣ войны, когда еще не успѣла сорганизоваться нынѣшняя безчисленная армія, хотя главная масса «цвѣтныхъ», а въ особенности англійскихъ цвѣтныхъ, пришла зимой. Странную картину представлялъ собою во время боевъ на Изерѣ Ипръ, служившій средоточіемъ колоніальныхъ войскъ. У его готическихъ церквей и рынка собирались спаги, арабы, индусы, негры, зуавы, шотландскіе стрѣлки, альпійцы и бельгійскіе лансье...

«Цвѣтныя войска»—гордость и слабость французовъ. Для нихъ экзотическіе молодцы—родъ сладкаго недуга. Когда въ началѣ войны черезъ Парижъ безконечнымъ потокомъ лились черные, какъ смоль, въ фескахъ, въ расшитыхъ курткахъ и разноцвѣтныхъ широкихъ шароварахъ, высокіе, гибкіе сенегальцы, быстро маршировали сбитые изъ бронзовыхъ мускуловъ, проходящіе до 80-ти километровъ въ день, арабы и гордо ѣхали, закутанные въ бѣлые бурнусы и тюрбаны, спаги, парижане были въ какомъ-то бреду. Имъ швыряли цвѣты, кричали привѣтствія, и цѣловали, зацѣловывали...

По своей культурѣ колоніальная армія очень разнородна. Спаги или арабы стоятъ по сравненію съ сенегальцами на высокой степени развитія. Особенно арабы, пользующіеся въ Алжирѣ многими благами культуры и свободнаго политическаго режима.

Въ госпиталѣ, гдѣ мнѣ пришлось залѣчивать рану, находился спагъ, кумиръ мѣстныхъ дамъ, «de bonne volonté» обслуживавшихъ лазаретъ. Мусса Али Бенъ Синуси—старый красавецъ, африканскій кавалеристъ par excellence. Прибылъ онъ изъ-подъ Ипра. Скромный, добрый, ухаживающій за ранеными товарищами, необычайно правдивый и по-восточному любезный, Мусса завоевалъ общія симпатіи. Старикъ Бертье приносилъ ему подарки, докторъ Ляви одобрительно хлопалъ «beau gars» по плечу, и даже аббатъ Тиссандье тратилъ на магометанина свое драгоцѣнное время, отрывая его отъ приносимыхъ имъ «религіозныхъ заботъ», большей частью состоявшихъ въ игрѣ въ шашки и въ маниль съ ранеными солдатами. Казалось невозможнымъ, чтобы этотъ добрый человѣкъ могъ кого-нибудь обидѣть. Но вотъ въ одинъ прекрасный день, уступая общимъ просьбамъ, Мусса разсказалъ о своихъ подвигахъ. Подобравшись, какъ хищный звѣрь, спагъ короткими, сѣкущими жестами показывалъ, какъ онъ «рѣзалъ нѣмецкія кабешъ» (головы). А отрубилъ онъ ихъ... четырнадцать. Глаза его горѣли, онъ прыгалъ во всѣ стороны, издавая гортанные звуки и ловко разсѣкая воздухъ правой рукой. Окружающіе и не рады были. А потомъ стихъ, улыбнулся и превратился въ добраго, важно-наивнаго ребенка.

Теперь Мусса снова гдѣ-то на сѣверѣ, шлетъ писанныя каракулями благодарственныя письма и въ каждомъ изъ нихъ проситъ поклониться «мадамъ-капитанъ»,—русской медичкѣ, завѣдывавшей госпиталемъ.

Интересно видѣть этихъ простодушныхъ дѣтей пу-

стыни среди блеска благотворительнаго спектакля въ залитой огнями Opéra Comique. Жадно устремленные на сцену глаза, горящія щеки... Что думаютъ о такомъ великолѣпіи ихъ бѣдныя головы и какъ кружатся онѣ отъ предупредительнаго отношенія бѣлыхъ?

Я видѣлъ одного изъ нихъ, изслѣдуемаго радіоскопомъ. Онъ со страхомъ и любопытствомъ смотрѣлъ на таинственныя приготовленія, старательно вытянувъ раненую руку. Но когда быстро завертѣлся загорѣвшійся зеленоватымъ огнемъ шаръ и послышался трескъ искръ, негръ забился въ нервной лихорадкѣ и, зажмуривъ глаза, ни за что не хотѣлъ взглянуть на экранъ. Колдовство привело его въ ужасъ.

Простодушіе чернокожихъ нѣмцы пробовали использовать, предлагая плѣннымъ сражаться противъ французовъ. Негры не только отказались, но жестоко оскорбились подобнымъ предложеніемъ. Такая же неудача постигла германцевъ и съ плѣнными мусульманами-арабами. Никакія ссылки на союзъ съ Турціей и «священную войну» не помогли. Не подвинули дѣла и привозимыя изъ Турціи духовныя лица. Арабы остались вѣрны. И немало ихъ двинули въ Дарданеллы противъ турокъ. Единственнымъ результатомъ вывѣсокъ о «священной войнѣ», выставлявшихся нѣмцами противъ траншей, занятыхъ алжирскими стрѣлками, явилось непрестанное лазанье послѣднихъ за этими аншлагами въ цѣляхъ полученія военнаго отличія.

Да еще поднятіе температуры... Приходилось размѣщать отдѣльно раненыхъ сенегальцевъ и нѣмцевъ, потому что у негровъ отъ присутствія враговъ... поднималась температура!

— Нѣмцы,—увѣрялъ меня не одинъ обезьяноподобный сенегалецъ,—«шовасъ» (sauvages—дикіе). Надо «бошамъ» рубить «кабешъ»...

Такъ неожиданно преломилось въ ихъ мозгу поня-

тіе о своемъ европейскомъ противникѣ, выступающемъ противъ нихъ во всеоружіи современной культуры вплоть до воспламеняющейся жидкости и удушливыхъ газовъ.

Въ свой роковой споръ Европа вмѣшала, втянула народы, для которыхъ весь сложный комплексъ причинъ міровой войны—пустой звукъ. Что говоритъ имъ великая хартія европейской демократіи, вставшей противъ военной Германіи? Они о ней и не слыхали... Идеологія ихъ проста. Франція (я говорю о низшей по развитію части войскъ,—о сенегальцахъ) *освободила ихъ отъ рабства.* О, да, одну эксплоатацію она при этомъ замѣнила другой, но *для нихъ, для солдатъ*, она явилась доброй матерью. Она, эта далекая Франція, одѣла ихъ въ блестящія одежды, оплатила ихъ военный трудъ. Она содержитъ ихъ женъ и дѣтей, и въ Африкѣ рядомъ съ лагеремъ солдатъ всегда на средства Франціи содержится лагерь ихъ семей. И даже въ Марокко и Алжирѣ они перевозятся съ ними же на пароходѣ. И когда въ неясной, фантастической легендѣ до глухихъ поселковъ Сенегала долетѣла вѣсть о войнѣ и о томъ, что Франціи нужны «тирайеры», со всѣхъ сторонъ къ «администратору» потянулись бывшіе солдаты, вплоть до сѣдыхъ стариковъ. Только они сначала не могли повѣрить, что имъ придется воевать не съ цвѣтнымъ врагомъ, какъ въ Марокко, а съ настоящими бѣлыми европейцами.

Франція имъ платитъ хорошо, кормитъ прекрасно, женамъ выдаетъ въ день по 35 сантимовъ, а это—большія деньги въ ихъ деревняхъ, да еще на дѣтей добавляетъ. Въ случаѣ же раненія или смерти—пенсія. Перспектива производства въ капралы или сержанты и неизбѣжной, послѣ извѣстнаго ряда лѣтъ службы, пенсіи.

Какъ же не любить имъ, наемникамъ, послѣ этого Францію? Я не забуду, какъ на брюссельской выставкѣ

передъ французскимъ колоніальнымъ отдѣломъ бельгійская толпа постоянно глазѣла на персоналъ, состоявшій изъ сержантовъ-негровъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день въ «Soir» появилось ихъ возмущенное открытое письмо къ брюссельцамъ съ протестомъ противъ подобнаго третированія «гражданъ Французской республики». Глазѣютъ на нихъ, конечно, и во Франціи, но глазѣютъ съ своеобразной гордостью и любовью, выраженной по-моему лучше всего въ самой модной пѣсенкѣ, сложенной по поводу лонгшанскихъ парадовъ, гдѣ экзотическое войско являлось одной изъ главныхъ достопримѣчательностей, и съ концомъ, пріуроченнымъ къ текущему моменту. Въ ней разсказывается о прекрасномъ сенегальцѣ, съ зубами, какъ изъ слоновой кости, пришедшемъ вмѣстѣ со своимъ полкомъ изъ Африки на парадъ 14-го іюля. Этотъ бравый молодецъ, Бу-ду-ба-да-бу, очаровалъ парижанку-блондинку. Но—увы!—недѣля быстро прошла, и полкъ снова ушелъ въ Африку. Съ горя блондинка пишетъ письмо «мосье Пуанкарэ» съ просьбой сказать, гдѣ ея милый, для того, чтобы, «если государство заплатитъ за мой билетъ», самой ѣхать въ глубину Африки разыскивать Бу-ду-ба-да-бу. Но вотъ однажды къ ней входитъ легіонеръ: «Мадемуазель, я вамъ привезъ новости объ одномъ изъ моихъ друзей, которому я обѣщалъ сказать вамъ то, что я скажу!.. Его звали Бу-ду-ба-да-бу. Онъ исполнилъ свою обязанность до конца. И онъ умеръ въ одномъ бою, тамъ, далеко. Да, но умирая, онъ снялъ со своей груди свой прекрасный крестъ чести (военная медаль). Мадемуазель, это—для васъ. Это была единственная драгоцѣнность бѣднаго Бу-ду-ба-да-бу».

Французы опоэтизировали свое цвѣтное войско. Но употребили его, конечно, внѣ всякой поэзіи, какъ страшное оружіе противъ страшнаго врага. Такъ же, не мудрствуя лукаво, далекіе отъ всякихъ обоснованій прокля-

той войны, пошли вѣрные Франціи и контракту бронзовые и чернокожіе солдаты. Частью сами пошли, большей частью обязаны были пойти, ибо на то и нанимались. И единственно правильнымъ на мой взглядъ будетъ красивое сравненіе, приведенное Пьеромъ Миллемъ въ его разсказахъ о легіонѣ... Однажды Барнаво запротестовалъ. Длинный рядъ лѣтъ, проведенный въ бояхъ въ Африкѣ и не принесшій ему ничего, показался Барнаво безплоднымъ. И вотъ собесѣдникъ разсказалъ старому легіонеру то, что было давно, на зарѣ цивилизаціи. Въ трюмѣ триремы гребутъ рабы. Надсмотрщикъ Геродіонъ хлещетъ ихъ кнутомъ, плечи и руки ноютъ отъ работы, въ трюмѣ жарко и темно. Долго такъ плыла трирема въ ряду другихъ. И вотъ гребцы услышали сверху шумъ и стоны раненыхъ. Начиналась великая битва. Столкнулись вражьи триремы, и весла сломались въ рукахъ, и много рабовъ пало убитыми и ранеными. Но ихъ замѣнили другими. Съ еще большей силой свисталъ кнутъ, и еще тяжелѣе была работа. И такъ длилось семь дней. И когда на седьмой день они вошли въ Александрію, толпы народа встрѣтили ихъ на залитой солнцемъ пристани. Что-то мягкое падало на палубу, въ воду, ударялось о стѣны, проникало въ трюмъ, падало на ихъ плечи. То были розы, розы, розы. Народъ Александріи осыпалъ ихъ розами. И несчастные изъ глубины трюма спросили всѣ разомъ:

— Геродіонъ, Геродіонъ, почему народъ Александріи кидаетъ намъ розы?

Тогда Геродіонъ громко закричалъ:

— Дурачье! Это за побѣду, которую *мы одержали* при Акціумѣ.

— А,—сообразилъ Барнаво,—мы спасаемъ цивилизацію, сами того не зная, какъ эти рабы въ глубинѣ трюма.

Врядъ ли сенегальцы безпокоятся о судьбахъ этой цивилизаціи. Но ихъ роль тѣмъ не менѣе такова.

Великое дѣло.

«Ну, завтра мы поѣдемъ съ вами въ Ліонъ смотрѣть школу раненыхъ», сказалъ мнѣ докторъ нашего полка m-r Вейжеръ. Вейжеръ—ліонецъ, знаетъ тамъ всѣхъ и вся, и я уже давно просилъ его познакомить меня съ инициаторомъ дѣла, мэромъ города и сенаторомъ Эрріо (Herriot).

Вотъ мы и въ Ліонѣ. Передъ нами—безсмертное созданіе Мопена: чудесное зданіе городской Думы, возведенное въ половинѣ семнадцатаго вѣка. Проходимъ подъ сводами ажурной галлереи, попадаемъ въ самое зданіе и сквозь анфиладу залъ подходимъ къ кабинету мэра. Насъ уже ждутъ. M-r Марсо, завѣдующій рядомъ соціальныхъ работъ муниципалитета, усаживаетъ насъ въ городской автомобиль, и черезъ мгновеніе мы несемся по шумнымъ улицамъ «второго города Франціи», мимо знаменитаго фонтана эльзасца - скульптора Бартольди на площади Терро, пересѣкаемъ Сону и узкими улочками выносимся къ подъему Сенъ-Жюстъ. Сверху—волшебный видъ на громадный городъ, разсѣченный двумя красавицами рѣками, Соной и Роной, сливающимися на его окраинѣ. Автомобиль несется дальше, къ Point-du-Jour. Вотъ и Турвіэль,—цѣль нашего путешествія.

Однако, прежде чѣмъ войти въ нее, я попробую въ

нѣсколькихъ словахъ дать предварительное понятіе о томъ, что̀ выше было названо «школой раненыхъ».

Кому изъ васъ не знакома печальная фигура калѣки, протягивающаго руку на улицахъ городовъ? Калѣки, зачастую украшеннаго медалью... Жертва войны... Прохожій суетъ въ руку подаяніе и спѣшитъ по своимъ дѣламъ, а старый солдатъ продолжаетъ невеселое занятіе, стучитъ по тротуару самодѣльной деревяжкой-ногой и проситъ милостыню.

Во Франціи этого давно уже нѣтъ. До 1670 года раненый, «перевязанный хирургомъ и излѣченный Богомъ», выбрасывался на улицу. Но уже Генрихъ IV и Людовикъ XIII начали сосредоточивать раненыхъ въ различныхъ убѣжищахъ. Въ 1668 г. Людовикъ XIV издаетъ статутъ относительно ихъ призрѣнія. Всѣ аббатства, имѣющія больше 1.000 ливровъ дохода, обязаны вносить извѣстную сумму для содержанія особаго дома для раненыхъ. Къ этой суммѣ присоединяются процентныя отчисленія съ экстраординарныхъ военныхъ расходовъ. Черезъ шесть лѣтъ воздвигается изумительное зданіе «Инвалидовъ». Судьба калѣкъ обезпечена. Однако уже Вольтеръ потребовалъ измѣненія системы. «Раненый,—писалъ онъ,—можетъ быть полезнымъ работникомъ; онъ можетъ дать, кромѣ того, отечеству дѣтей». Полковникъ Арданъ де-Пикъ, самъ павшій на полѣ битвы, подошелъ къ вопросу съ исключительной суровостью. «Первоначальная идея была идеей справедливости, христіанской идеей; но результаты получились ужасающей безнравственности. Это собраніе бездѣльниковъ представляетъ собою школу растлѣнія, гдѣ инвалидъ-солдатъ теряетъ, погрязши въ порокѣ, право на уваженіе».

«Дворецъ Инвалидовъ» существуетъ и по сю пору. Но существуетъ и многое другое. Государство не ставитъ нынче солдата-калѣку передъ перспективой зато-

ченія на всю жизнь или нищетой. Оно даетъ теперь каждому потерявшему ногу, руку или зрѣніе около 1.000 франковъ пенсіи, включая туда же и пенсію на военную медаль, какъ правило выдаваемую въ нынѣшнюю войну всѣмъ тяжело раненымъ. Словомъ, оно въ значительной степени обезпечиваетъ «*инвалида*». Кромѣ того, государство же оставляетъ для него рядъ мелкихъ чиновничьихъ мѣстъ. «Но всего этого недостаточно,—говоритъ Эррiо,—намъ больше *не надо инвалидовъ*. Невозможно, чтобы искалѣченный современной войной двадцатилѣтній солдатъ былъ обреченъ всю свою жизнь на бездѣятельность, хотя бы и самую славную. Съ этимъ не мирится разумъ! Надо возвратить солдата къ *полной и нормальной* жизни. Нельзя позволить искалѣченному вернуться къ себѣ домой, не вооружившись ремесломъ. И нельзя поддерживать въ немъ иллюзіи, что онъ можетъ жить на пенсію плюсъ жалованье мелкаго чиновника, являющееся плохо организованной государственной милостыней. Не довольно ли уже намъ несчастныхъ, благодаря этой иллюзіи? Мы должны подумать объ участи искалѣченнаго, лишеннаго своего ремесла. Сначала его будутъ чествовать; вы знаете, какимъ образомъ. Но время идетъ, и настанетъ, можетъ быть, день, когда онъ не пойдетъ въ кабакъ своихъ друзей... Вотъ почему надо дѣйствовать на него теперь же, и не принужденіемъ, но убѣжденіемъ. Надо ему дать понять, что для него существуютъ «профессіональныя школы раненыхъ», гдѣ онъ будетъ принятъ на безплатный пансіонъ *съ сохраненіемъ его пенсіи и прибыли съ работы*, какъ только онъ сможетъ работать. Опытъ показалъ, что есть двадцать ремеслъ, чтобы не сказать больше, которымъ наши раненые герои могутъ научиться. И только одна работа, только одна она можетъ дать человѣку ту тройную,—моральную, интеллектуальную и профессіональную,—автономію, которая

обезпечитъ его достоинство и поможетъ ему основать семью».

Итакъ, не надо намъ больше инвалидовъ. Но взамѣнъ ихъ создадимъ во всѣхъ провинціяхъ Франціи *«профессіональныя школы раненыхъ»*.

Великая идея уничтоженія инвалида и возвращенія калѣки къ полной, *интегральной* жизни была брошена Эррiо въ газетѣ «Journal» 23-го ноября 1914 г. Черезъ семь дней городъ Ліонъ рѣшилъ поддержать своего мэра и создать первую школу. Черезъ мѣсяцъ она функціонировала. А вскорѣ изъ разныхъ городовъ Франціи посыпались въ мэрію запросы и просьбы совѣтовъ. Мечта Эррiо стала осуществляться въ широкихъ размѣрахъ. На-дняхъ былъ первый выпускъ перерожденныхъ калѣкъ,—*инвалидъересталъ существовать!* Въ Парижѣ разомъ открывается нѣсколько школъ, и дѣло принимаетъ характеръ національный. И уже образовался національный комитетъ перевоспитанія инвалидовъ.

Теперь войдемъ въ Турвіэль.

Это—прекрасное имѣніе, раньше принадлежавшее конгрегаціи, теперь же городу. Уютный домъ, окруженный громаднымъ садомъ-огородомъ. Воздухъ чистъ и благоуханенъ. Навстрѣчу намъ выходитъ молодой человѣкъ, m-r Гиршфельдъ, временно завѣдующій учрежденіемъ. Противъ входныхъ дверей—маленькій павильонъ; заглядываемъ въ него. Это—ванная, но какая! Прекрасный душъ, нѣсколько ваннъ и,—я бы сказалъ,—голландская чистота...

— Наши «увѣчные» любятъ мыться.

Входимъ въ домъ, поднимаемся въ первый этажъ. Всюду—та же образцовая чистота. Стѣны начисто выбѣлены, до трети выкрашены масляной краской; комнаты полны солнца и воздуха.

— Муниципалитетъ, — объясняетъ намъ хозяинъ,—

прежде чѣмъ переселить сюда раненыхъ, произвелъ много передѣлокъ, а главное—пробилъ новыя окна въ стѣнахъ.

Вотъ мы и въ «классахъ». «Ученики», одѣтые въ форму школы, очень сходную съ формой альпійскихъ стрѣлковъ, но съ гербомъ города,—золотымъ львомъ,—вмѣсто номера части, сидятъ, поджавъ ноги, на длинномъ столѣ и шьютъ. Посрединѣ «класса»—черная доска. «Профессоръ», — невысокій, симпатичный старичокъ,— знакомится съ нами и съ мѣста въ карьеръ начинаетъ расхваливать своихъ воспитанниковъ.

— О, г-нъ лейтенантъ, они очень трудолюбивы и вкладываютъ въ дѣло много доброй воли.

Однако я ничего не понимаю. Передо мной, какъ на подборъ одинъ къ одному,—веселые, краснощекіе здоровяки. И невольно спрашиваю:

— Но гдѣ же ампутированные?

— Да это они и есть!—подхватываетъ профессоръ.— У нихъ у всѣхъ отнято по ногѣ, только сразу незамѣтно въ сидячемъ положеніи.

Я смотрю и не вѣрю. Меня окружаетъ атмосфера физическаго и, чувствуется, моральнаго здоровья. Дѣлюсь впечатлѣніемъ съ завѣдующимъ. Онъ улыбается.

— Видѣли бы вы ихъ раньше,—говоритъ онъ,—ну, хотя бы, когда нѣкоторые изъ нихъ вернулись изъ плѣна. Худые, блѣдные, робкіе, неувѣренные въ себѣ и будущемъ. Черезъ двадцать дней ихъ невозможно узнать. Здоровая, трудовая жизнь въ идеальныхъ условіяхъ, надежда,—больше того: полная вѣра,—въ возможность возвращенія домой полезнымъ членомъ общества ихъ *перерождаютъ* совершенно.

Ампутированные шьютъ,—кто жилеты, кто пиджаки, кто брюки. Присматриваюсь,—работа отчетливая и хорошая.

— Только шестой мѣсяцъ,—съ гордостью заявляетъ

профессоръ,—а какъ они будутъ шить къ концу года! Настоящими мастерами сдѣлаю!

Онъ подходитъ къ одному изъ солдатъ, поворачиваетъ его головой къ намъ.

— Оглохъ, бѣдняга, приходится, объясняя, кричать изо всѣхъ силъ; кромѣ того, нѣтъ большого пальца на рукѣ и отнята нога. Такъ онъ шьетъ лѣвой рукой, да какъ! Я вотъ не могу, а онъ шьетъ.

На доскѣ профессоръ даетъ урокъ кройки. Мы выходимъ.

Я разспрашиваю завѣдующаго о методѣ занятій и учительскомъ персоналѣ.

— Наши профессора нами выбраны среди хозяевъ лучшихъ ліонскихъ мастерскихъ. Они получаютъ столъ и 300 франковъ ежемѣсячно. Порядокъ дня слѣдующій: въ 6 часовъ встаютъ, пьютъ утренній кофе. Отъ 8-ми до 12-ти—занятія съ маленькимъ перерывомъ въ 10 часовъ для завтрака. Отъ полудня до 2-хъ—отдыхъ. Отъ 2-хъ до 6-ти—снова занятія. Въ $6^1/_2$—обѣдъ. Послѣ обѣда по четвергамъ и все воскресенье свободны,—могутъ итти въ отпускъ.

— Мы, т.-е. школа, выдаемъ каждому ученику *ежедневно* 1 фр. 25 сант. (около 50-ти копѣекъ) карманныхъ денегъ. Кромѣ того, вы видите, они уже недурно работаютъ, и много магазиновъ даютъ школѣ заказы. *Вся* прибыль дѣлится *поровну* между всѣми учениками одного и того же класса, что дастъ возможность собрать кое-какія деньги къ окончанію курса. Курсъ же—годичный.

— На какія средства содержится школа?

— Зданіе даетъ городъ. Онъ сдѣлалъ на свой счетъ всѣ передѣлки. Онъ же управляетъ дѣломъ и въ случаѣ недостатка средствъ придетъ на помощь деньгами. На каждаго раненаго военное министерство отпускаетъ *высшую степень* содержанія, а именно 3 фр. 25 сан-

тимовъ (около 1 руб. 20 коп.) ежедневно. Но главный источникъ доходовъ—частныя пожертвованія, притекшія съ особенной силой послѣ горячихъ статей Эрріо и Барреса. Одинъ только генеральный совѣтъ Ронской провинціи пожертвовалъ 30.000 франковъ.

— Какова будущность вашихъ воспитанниковъ?

— Это зависитъ отъ ремесла. По большей части наши увѣчные—крестьяне и рабочіе. Первые мечтаютъ вернуться въ свои деревни. Какъ вы знаете, около тысячи франковъ имъ обезпечено пенсіей. Портные и сапожники смогутъ открыть свои маленькія мастерскія. Кто останется въ городѣ, тому особое бюро по пріисканію мѣстъ всегда найдетъ заработокъ. Да, мы уже завалены просьбами ліонскихъ хозяевъ, и нашему выпуску будущность обезпечена впередъ. Столяры останутся въ городѣ или въ деревенскихъ уже существующихъ столярныхъ. Переплетчики—въ городѣ. Самой же многочисленной категоріи нашей школы,—садоводамъ,—прямой путь къ себѣ въ деревню, гдѣ они явятся разсадниками знанія. Но этотъ выпускъ будетъ цѣликомъ удержанъ городомъ для обслуживанія городскихъ садовъ. Наша вторая школа, на улицѣ Раше, подготовляетъ счетоводовъ, бухгалтеровъ, стенографистовъ, дактилографовъ, комми-вояжеровъ. Съ одной вѣдь рукой такъ же легко ѣздить, какъ и съ двумя. Поступившіе въ нее уже имѣютъ предложенія отъ своихъ прежнихъ хозяевъ поступить къ нимъ же, но уже въ качествѣ счетоводовъ и т. д. Многіе изъ воспитанниковъ будутъ держать экзамены на полученіе почтовыхъ и административныхъ должностей. Школа дѣлится на три группы: низшую, среднюю и,—наиболѣе многочисленную,—высшую. Первая группа подготовляетъ мелкихъ служащихъ. Во второй преподаются исторія, географія, ариѳметика въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Третья занимается счетоводствомъ и стенодактилографіей. Нѣкото-

рые же—языками: англійскимъ и даже русскимъ. Это—будущіе комми-вояжеры. Нашъ первый выпускъ былъ весь *расхватанъ*, и результаты онъ далъ прекрасные. Кромѣ того, у насъ имѣется классъ игрушекъ. Это—въ родѣ вашего кустарнаго ремесла. И мы надѣемся, что раненые положатъ первый камень въ дѣлѣ созданія національной игрушки взамѣнъ нюренбергскихъ издѣлій.

— На какихъ условіяхъ вы берете учениковъ?

— Мы идемъ въ госпитали, въ депо выздоравливающихъ, въ поѣзда возвращающихся ампутированными изъ плѣна, объясняемъ цѣль нашей школы и то, что въ ней они будутъ *долго и по-настоящему работать*. Изъ желающихъ мы беремъ только тѣхъ, *кто твердо рѣшилъ работать и учиться*. Условія: раненый свободенъ какъ вступить, такъ и выйти изъ школы. Школа, въ свою очередь, свободна отослать неудовлетворительнаго ученика. «Ваше содержаніе госпитальное не будетъ измѣнено. Ваше жалованье останется тѣмъ же плюсъ небольшая сумма на табакъ и вся прибыль съ работы, когда вы достаточно подучитесь». Вотъ и все.

— Вотъ и все! Да вѣдь это—великое дѣло, вѣдь это прекрасно!...

Мы вошли въ классъ сапожниковъ. Та же чистота, то же здоровье, трудолюбіе и веселье. Въ столярной мастерской раненые стоятъ на аппаратахъ, тогда какъ въ первыхъ двухъ классахъ они ихъ снимаютъ.

— Вся мебель нашей школы сдѣлана нами,—съ гордостью говоритъ столярный профессоръ.

Я смотрю на хорошо сработанные ночные столики, на столы, стулья и съ трудомъ вѣрю, что это—дѣло рукъ людей, которыхъ принято считать калѣками. Великое, святое дѣло...

Мнѣ подносится подарокъ,—кольцо для салфетки со змѣей,—произведеніе одного изъ увѣчныхъ.

— А вотъ дортуары.

Изъ оконъ, выходящихъ въ садъ,—чудный видъ. Въ спальнѣ—море свѣта и воздуха. Все чисто и уютно. Спускаемся внизъ по лѣстницѣ. Насъ обгоняютъ безногіе и безрукіе. Они спѣшатъ къ умвальникамъ въ большой комнатѣ внизу, моются и разсаживаются въ столовой. Передъ каждымъ приборомъ—четверть бутылки вина.

— Однако они бѣгаютъ не хуже нашего,—замѣчаю я.

— Такъ ли еще,—говоритъ завѣдующій.—Разъ въ часы отдыха я услышалъ страшный шумъ. Что же вы думаете? Это одноногіе играли въ войну. Они взяли костыли «на руку» и кинулись въ атаку съ такой быстротой, что я глазамъ не вѣрилъ. Вотъ только садоводамъ нѣсколько неудобно,—ихъ деревяжки уходятъ немного въ гряды. Впрочемъ, мы вносимъ улучшенія.

Изъ столовой доносится вкусный запахъ. Дамы-добоволицы разносятъ блюда съ мяснымъ.

— У насъ ѣда хорошая, а чтобы быть увѣреннымъ, что она—хорошая, мы завели порядокъ обѣдать вмѣстѣ съ нашими питомцами.

Дѣйствительно, я вижу администрацію и «профессоровъ», сидящихъ вперемежку съ ранеными. Въ залѣ стоитъ веселый, семейный шумъ.

— Фрукты у насъ свои, овощи свои,—дѣло рукъ нашихъ садоводовъ.

Мы прощаемся и садимся въ автомобиль. Спускается вечеръ. Автомобиль несется къ Ліону. Чувство сожалѣнія о покинутой Турвіэль и чувство восхищенія передъ хорошимъ дѣломъ и его иниціаторами охватываетъ насъ. Въ первый разъ за годъ проклятой войны я вижу дѣло, направленное не къ истребленію, а къ возрожденію человѣка,—къ его счастью.

* * *

Загораются огни въ Ліонѣ, отражаются въ обѣихъ сестрахъ рѣкахъ; автомобиль мчится внизъ. Мелькаютъ

улицы, Сона, и вотъ мы вновь во дворцѣ мэріи. Этотъ дворецъ стиля Людовика XIII и итальянскаго Возрожденія кажется еще красивѣе и стройнѣе вечеромъ. Насъ проводятъ въ кабинетъ Эррію.

Я передаю ему свое восхищеніе, свои впечатлѣнія, свою надежду, что его примѣръ вызоветъ подражаніе и въ Россіи. Эрріо вспоминаетъ пріѣздъ петроградскаго городского головы гр. И. Толстого, говоритъ о Россіи, о русскихъ газетахъ. Его сужденія оригинальны, интересны и вѣрны. Сильная фигура, характерное, чрезвычайно энергичное и умное лицо этого бывшаго профессора литературы какъ нельзя лучше гармонируютъ съ дѣловой и художественной обстановкой чудесной комнаты, служащей ему кабинетомъ. Онъ еще молодъ. И въ моментъ своего избранія въ сенатъ только на 8 дней переступилъ минимумъ сенаторскаго возраста,—сорокъ лѣтъ. За четыре года работы въ сенатѣ зарекомендовалъ себя однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и талантливѣйшихъ членовъ высокаго собранія. Объ его дѣятельности въ Ліонѣ говорятъ многочисленныя и прекрасныя соціальныя учрежденія.

Съ Россіи мы снова переходимъ на «школы раненыхъ».

— О, да,—говоритъ онъ,—мы кое-что сдѣлали, но еще многое впереди. Между прочимъ, мы устраиваемъ теперь третью, самую интересную и нужную школу,—школу протеза. Вы не понимаете? Дѣло въ томъ, что, какъ вы замѣтили, мы беремъ нашихъ учениковъ изъ депо и госпиталей, не дожидаясь, когда государство выдастъ имъ обязательный аппаратъ. И они у насъ начинаютъ работу безъ него. Такъ вотъ, въ ходѣ занятій ампутированнымъ самимъ становится понятнымъ, какого рода приборы нужны *для данной работы*. Нѣкоторымъ изъ нихъ уже сдѣланы спеціальные приборы для спеціальныхъ занятій. Намъ пришла мысль поставить дѣло на широкую ногу и не только обезпечить

раненымъ заработокъ, но съ ихъ помощью открыть новый періодъ ортопедіи. Вы понимаете?.. Тысячи, сотни тысячъ молодыхъ людей вплоть до своей смерти будутъ нуждаться въ аппаратахъ. Слѣдовательно, рынокъ громаденъ. Съ другой стороны, при развивающихся «школахъ раненыхъ» эти бывшіе инвалиды будутъ нуждаться *въ аппаратахъ трудовыхъ* и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Кому же, какъ не ампутированнымъ, подъ руководствомъ лучшихъ ортопедистовъ и хирурговъ приступить къ этому дѣлу? Оно у насъ уже на мази...

Я въ краткихъ словахъ передалъ суть прекраснаго и великаго дѣла замѣны инвалида полнымъ человѣкомъ,— дѣла, начатаго и поддерживаемаго Эрріо и докторомъ Карль. Оно, какъ я уже говорилъ, становится національнымъ, и почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ открыты или открываются новыя школы. Есть школы слѣпыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безрукихъ, безногихъ. Человѣчество все же подвинулось впередъ не только въ дѣлѣ истребленія...

Плѣнные.

Странные люди русскіе плѣнные! Что бы имъ сидѣть спокойно въ плѣну по примѣру прочихъ воюющихъ... Такъ нѣтъ же,—бѣгутъ и бѣгутъ во всѣхъ направленіяхъ, словно вода сквозь плотину просачивается. Въ Данію, въ Голландію, въ Швейцарію, во Францію и даже въ Италію умудряются попасть наши солдатики. Какъ? Непостижимая загадка, разрѣшеніе которой возможно только для русскаго человѣка, проникшагося мудрымъ правиломъ «смѣлость города беретъ» или «авось кривая вывезетъ».

На-дняхъ около десяти такихъ бѣглецовъ умудрились пройти въ *разныхъ* пунктахъ глубокіе нѣмецкій и французскій фронты, *не будучи при этомъ замѣченными.* Одна группа къ концу своего путешествія разглядѣла изъ лѣска, въ который она къ утру запряталась, солдатъ въ красныхъ штанахъ, мирно ловившихъ... въ рѣчонкѣ рыбу.

— Э, братцы, да это наши, французы!

Другіе двое въ своемъ устремленіи къ югу,—путеводителемъ ихъ была полярная звѣзда,—переплыли нѣсколько рѣкъ. Одинъ, въ концѣ-концовъ, утонулъ, оставшійся въ живыхъ добрался до французскаго фронта.

— Такъ мы и шли по ночамъ,—пояснялъ онъ,—что-

бы сѣверная звѣзда позади оставалась. Народу-то и днемъ на поляхъ нѣтъ, а ночью и подавно.

Трое путь свой держали по небеснымъ примѣтамъ въ Швейцарію. Вошли въ нее, почти прорѣзали весь сѣверъ Федераціи и готовились проникнуть въ... Австро-Венгрію, когда, по счастью, были задержаны.

— Идемъ мы, да идемъ. Только замѣтили насъ. Мы бѣжать, они за нами. Одинъ отсталъ,—его забрали. Потомъ сгребли другого. Остался я одинъ. Все иду, да иду по дорогѣ. Вижу гонитъ на меня на велосипедѣ штатскій. Я было бѣжать, а потомъ рѣшилъ: будь что будетъ. Доѣхалъ онъ до меня, спрашиваетъ что-то, лопочетъ по-своему.

— Я—швицъ,—говорю ему,—а чтобы понятнѣе было пальцемъ на себя показываю. Лопочетъ цивильный, ничего разобрать невозможно.

— А ты,—спрашиваю,—тоже швицъ? А земля,—показываю ему на землю,—вокругъ тоже швицъ? Разсмѣялся цивильный и покатилъ прочь. А я въ лѣсокъ, на всякій случай. Смотрю: черезъ десятокъ минутъ несутся на велосипедахъ человѣкъ двадцать. Я бѣжать; ну, они меня сгребли. Оказалось,—дѣйствительно Швейцарія! Вымыли, накормили, спать уложили. Хорошій народъ. Тутъ я и съ товарищами сошелся.

Рекордъ побилъ поручикъ Р.... Онъ прорылъ въ своемъ лагерѣ длинный подкопъ, спасся чрезъ него и въ продолженіе 11-ти сутокъ, вѣрнѣе—ночей, промаршировалъ *двѣсти пятьдесятъ* километровъ. Шелъ по запасенной заранѣе картѣ, питался, главнымъ образомъ, рѣпой на поляхъ. Наконецъ, дошелъ до Швейцаріи. Переплылъ пограничное озеро, вошелъ въ первое мѣстечко, въ гостиницу, заявилъ, кто онъ такой, и попросилъ комнату. Смертельная усталость свалила Р.... на кровать, но не прошло и часа, какъ хозяинъ гостиницы разбудилъ его. Въ чемъ дѣло?

— Внизу,—объяснилъ онъ,—собрались граждане нашего городка, чтобы выразить вамъ свое уваженіе и почтить васъ банкетомъ.

Однако Р.... совершенно не въ силахъ былъ принять приглашеніе. Черезъ часъ его снова разбудили.

— Быть можетъ, вы сможете сойти? Граждане не хотятъ уйти, не повидавъ васъ.

Дѣлать нечего: пришлось сойти. Въ залѣ за накрытыми столами поручика ждали именитые представители мѣстечка. Чествованіе, тосты, вино,—и все это происходило въ нѣмецкой Швейцаріи...

Бѣглецы въ одинъ голосъ говорятъ о плохомъ обращеніи нѣмцевъ спеціально съ русскими плѣнными и совершенно невозможной пищѣ, достаточной, чтобы не умереть съ голоду, но недостаточной для предотвращенія полнаго изнеможенія.

Впрочемъ, то же самое разсказываютъ французскіе «grands blessés» и вернувшійся съ ними медицинскій персоналъ, удержанный нѣмцами до сихъ поръ вопреки международнымъ соглашеніямъ.

— Въ лагерѣ плѣнныхъ, гдѣ мы провели нѣсколько мѣсяцевъ,—говорятъ доктора,—русскихъ держали отдѣльно отъ французовъ. Обращеніе съ ними было отвратительное, доходящее порой до кулачной расправы. Съ нами, съ французами, дѣло обстояло иначе. Нашъ солдатъ, по природѣ независимый и веселый, очень скоро взялъ моральный перевѣсъ надъ своими стражами. Кромѣ того, мы не были отрѣзаны отъ міра, какъ большинство вашихъ соотечественниковъ. Въ концѣ-концовъ дѣло наладилось такъ, что мы стали получать парижскія новости черезъ три—четыре дня по ихъ появленіи въ газетахъ Франціи. Какъ? Тутъ доктора описали цѣлую серію нелегальныхъ способовъ, и не снившихся даже нашимъ профессіоналамъ-революціонерамъ,—способовъ, породившихъ новую отрасль промышленности...

— Чтобы охарактеризовать французскій юморъ и независимость, съ которой они держатся въ плѣну, я разскажу вамъ слѣдующій случай. Вообще наши плѣнные выполняютъ всякіе наряды и работы безъ всякаго пыла и какъ можно хуже: работать на «бошей» имъ вовсе не улыбается. Но вотъ въ одинъ прекрасный день вызываютъ добровольцевъ на посадку картофеля. Всѣ бараки, какъ одинъ человѣкъ, записываются на работу. «Боши» въ восторгѣ отъ неожиданнаго прилива французскаго усердія. Наши «пуалю» въ количествѣ трехсотъ отправились съ утра въ огороды, вернулись къ вечеру. Раздобыли откуда-то сала, и закипѣла стряпня. Во всѣхъ углахъ жарилась... картошка. Прошелъ мѣсяцъ—другой,—ростковъ нѣтъ какъ нѣтъ. Спохватились «боши»: разрыли гряды, а тамъ ничего, пусто... Тутъ только поняли они причину необычайнаго добровольчества французовъ. По правдѣ сказать, мы не очень страдали отъ пищи, потому что почти не ѣли ея. Отвратительную жижу, даваемую по утрамъ, теплую водицу, картошку и прочія прелести въ обѣдъ и ужинъ мы часто замѣняли посылками, присылаемыми изъ Франціи. Нельзя сказать, чтобы такимъ образомъ получалось изобиліе, но жить было можно. Въ дни полученія посылокъ наши «пуалю» отдавали свой казенный паекъ русскимъ плѣннымъ. Надо было видѣть, съ какой жадностью несчастные русскіе солдаты выскребываютъ котлы, въ которыхъ варилась пища, какъ они набрасываются на добавокъ, уступаемый имъ нашими «пуалю». Мы вообще не совсѣмъ беззащитны. Такъ, послѣ битвы подъ Марной комендантъ въ отместку прекратилъ выдачу пива. Мы нашли способы извѣстить объ этомъ «Matin». И немедленно же пиво было возстановлено.

Вотъ объ этой-то помощи французскимъ плѣннымъ, рикошетомъ, въ видѣ уступки части пайка, отзываю-

щейся на нашихъ солдатикахъ, я вспомнилъ въ зданіи ліонской мэріи передъ посѣщеніемъ «школы раненыхъ».

Мы стояли подъ аркадами ея ажурной галлереи, когда мой спутникъ сказалъ:

— А вотъ m-me Эрріо, я представлю васъ ей.

M-me Эрріо, очаровательная дама, супруга городского головы и сенатора, предложила намъ проводить ее въ ея «oeuvre». Мы съ поспѣшностью согласились. Вошли въ партеръ мимо бронзовыхъ фигуръ Роны и Соны и поднялись по лѣстницѣ, украшенной стѣнной живописью Бланше. Вотъ мы и въ «большой праздничной залѣ». Ея громадныя золоченыя люстры свѣсились не надъ совсѣмъ привычной картиной. Роскошная зала, убранная гобеленами, полотнами извѣстныхъ мастеровъ, нарядная и блещущая, наполнена рядомъ длинныхъ столовъ, заваленныхъ массой всякихъ вещей. У столовъ молодыя дѣвушки и пожилыя женщины дѣлаютъ какіе-то пакеты, снуютъ во всѣхъ направленіяхъ. Тихая, но энергичная работа кипитъ въ этой залѣ, предназначенной для блестящихъ пріемовъ и празднествъ.

Однако пора сказать, что «oeuvre» m-me Эрріо есть не что иное, какъ оказаніе помощи военноплѣннымъ. Возникло это большое дѣло по ея инициативѣ. Ліонскій муниципалитетъ предоставилъ въ ея распоряженіе помѣщеніе и далъ свой патронатъ; частныя пожертвованія (около 165-ти тысячъ франковъ за шесть мѣсяцевъ) поставили «oeuvre» на ноги. Недавній визитъ президента республики, сопровождавшійся оставленіемъ нѣкоей суммы, безъ всякаго сомнѣнія, усилитъ притокъ пожертвованій и разовьетъ это хорошее дѣло. Но уже и теперь въ своихъ сравнительно небольшихъ размѣрахъ оно можетъ служить моделью подобнаго рода начинаній, которыхъ разсѣяно по всей Франціи великое множество, чѣмъ и объясняется благополучіе французскихъ плѣнныхъ.

— Посмотрите, что мы кладемъ въ пакеты,—говоритъ m-me Эррiо и вытаскиваетъ изъ незашитаго мѣшка его содержимое:—во-первыхъ,—хлѣбъ. Мы его посылаемъ или въ видѣ спецiальнаго хлѣба, не черствѣющаго и не портящагося, или, какъ видите, бисквитами.

Я вижу прекрасные солдатскiе сухари-бисквиты.

— Сухарей,—продолжаетъ она,—посылается каждый разъ отъ 2-хъ до 3-хъ кило ($5—7^1/_2$ фунтовъ), затѣмъ мы вкладываемъ туда же полфунта шоколада, консервы съ мясомъ или овощами, кусокъ мыла. Фабриканты продаютъ намъ все со скидкой.

Она демонстрируетъ передо мной называемые предметы, и я убѣждаюсь въ томъ, что консервы—отъ лучшихъ фирмъ. Среди нихъ попадаются даже «деликатесы».

— Наша посылка вѣситъ ровно пять кило ($12^1/_2$ фунтовъ). И такъ какъ мы посылаемъ нашимъ постояннымъ питомцамъ три раза въ мѣсяцъ, то это представляетъ въ день и на человѣка ливръ ($1^1/_4$ фунта) хорошей ѣды, что, конечно, помогаетъ ему сносно переносить условiя жизни въ плѣну.

— Какъ же вы посылаете эти посылки, откуда у васъ адреса, и доходятъ ли онѣ по назначенiю?

— О, что касается послѣдняго, то почта дѣйствуетъ очень аккуратно. Посылки направляются непосредственно въ Германiю, via Швейцарiя. Какъ видите, мы сначала завертываемъ все въ гибкiй картонъ, придаемъ однообразную, правильную форму, завязываемъ, вкладываемъ въ мѣшокъ изъ прочной бѣлой матерiи,—она пригодится въ обиходѣ плѣнныхъ,—наглухо зашиваемъ и надписываемъ на мѣшкѣ: «Военноплѣнному»; затѣмъ имя, фамилiю, чинъ, номеръ барака, палатки, роты и т. д. Названiе лагеря надписывается красными чернилами, съ указанiемъ провинцiи. Посылки идутъ безплатно. Въ то же время мы посылаемъ плѣнному,—опять-таки безъ оплаты марками,—открытку съ отвѣтомъ. Въ ней увѣ-

домляемъ его о посылкѣ и просимъ по полученіи ея извѣстить насъ. На отрывномъ отвѣтѣ напечатаны какъ нашъ адресъ, такъ и вся формула отвѣта, такъ что плѣннику остается только подписать свою фамилію. Всѣ посылки доходятъ по назначенію. Однѣ — быстро, другія,—особенно тѣхъ, кто взятъ на разныя работы,— съ опозданіемъ, но *всѣ доходятъ*. Откуда мы беремъ адреса? Это очень просто. Мы обслуживаемъ главнымъ образомъ Ліонъ и его провинцію. Прежде всего въ газетахъ помѣщается обращеніе къ несостоятельнымъ родственникамъ плѣнныхъ съ предложеніемъ сообщить точные адреса послѣднихъ. Затѣмъ просимъ мэровъ коммунъ дать листы плѣнныхъ ихъ коммунъ и т. д. Какъ только мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о плѣнномъ, они заносятся на спеціальныя для каждаго плѣнника карточки, помѣщаемыя въ алфавитномъ порядкѣ и раздѣленныя на двѣ графы: первая—отправки, вторая—получки. Каждый разъ, какъ посылка отправляется, въ соотвѣтствующей графѣ дѣлается помѣтка; когда приходитъ расписка въ полученіи, это заносится въ другой графѣ. Такимъ образомъ, мы ведемъ не только статистику отправленій и полученій для каждаго плѣнника, но и времени, нужнаго для путешествія посылки. Теперь у насъ много адресовъ. Во-первыхъ, посылаютъ товарищи тѣхъ плѣнныхъ, которымъ попадаютъ наши посылки. А затѣмъ дѣло стало широко извѣстнымъ, и теперь у насъ нужда уже не въ адресахъ, а въ средствахъ. Ахъ, вотъ кстати переведите мнѣ письмо, пришедшее, по всей видимости, отъ русскаго плѣннаго.

Я взялъ открытку у m-me Эрріо. На ней съ нѣмецкой аккуратностью были отпечатаны на русскомъ языкѣ не только мѣсто нахожденія, но и всѣ правила переписки военноплѣнныхъ. А затѣмъ шелъ текстъ письма:

«Прошу извинить Общество помощи плѣннымъ го-

рода Ліона, что я обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой во французскій комитетъ, хотя я самъ—русскій. Только такъ, что сношенія съ Россіей очень затруднительны и еще неизвѣстно намъ, есть ли тамъ подобныя Общества. Я бы не осмѣлился затруднить васъ, но у меня мать померши, а у отца ноги отнявшись, и кромѣ того, остались малые братья и сестры. Очень прошу ліонское Общество помочь мнѣ ѣдой, а то плохо приходится и помощи ждать неоткуда»...

Я перевелъ m-me Эррію посланіе моего несчастнаго соотечественника, и въ этотъ моментъ его надежды, навѣрное, оправдались.

— Что же, всѣ эти дамы и дѣвицы, навѣрное, добровольцы?

— О, нѣтъ. Онѣ всѣ получаютъ по $2^1/_2$ франка въ день (1 рубль) за ихъ работу. Наше дѣло въ тѣсной связи съ другимъ муниципальнымъ начинаніемъ,—доставленіемъ работы безработнымъ. Вотъ, напримѣръ, одежда для плѣнныхъ. Въ первый разъ мы посылаемъ обыкновенно пару чулокъ, рубашку, кальсоны, два платка и несессеръ для починки. Затѣмъ, если плѣнный проситъ,—одежду. Но съ одеждой пришлось пуститься на хитрость. Дѣло въ томъ, что германское правительство не разрѣшаетъ передачу штатскаго платья, облегчающаго побѣгъ, наше же—не даетъ военнаго. Мы рѣшили посылать бархатные брюки и пиджаки военнаго покроя съ придуманными лацканами и лампасами. И не военное, и не штатское. Вся эта бѣльевая и одежная часть требуетъ много труда по изготовленію, передѣлкѣ, починкѣ и т. д. Впрочемъ, вотъ m-r Марсо, онъ вамъ это лучше разскажетъ.

M-r Марсо провелъ насъ въ слѣдующую комнату, въ салонъ Louis XIII, гдѣ между кучами бѣлья сидѣли работницы. Это такъ называемый «увруаръ».

Я попросилъ его объяснить мнѣ систему «увруаровъ».

— Дѣло вотъ въ чемъ. «Увруары» основаны городомъ задолго до войны. Но, когда вспыхнула послѣдняя, мы рѣшили перенести центръ тяжести работы изъ нихъ на домъ. Руководствовались мы слѣдующими четырьмя принципами: разгрузить «увруары» отъ работницъ, научившихся изготовлять безъ присмотра военную форму, и тѣмъ самымъ дать возможность занять ихъ мѣста обученія новымъ силамъ; прекратить эксплоатацію женскаго труда безсовѣстными антрепренерами; позволить женамъ мобилизованныхъ или бѣженцевъ увеличить ихъ пособіе (50 копеекъ+20 копеекъ въ день на каждаго ребенка) заработной платой и, наконецъ, оставить возможность матерямъ, работая у себя, присматривать за ихъ дѣтьми. Часть работы намъ была доставлена «Обществомъ помощи плѣннымъ», громадную помощь оказало военное вѣдомство, давшее намъ заказы. Въ этой и слѣдующей залахъ мы открыли школу шитья, закройщицкую и магазинъ для складки и выдачи матеріаловъ. Женщины, умѣющія шить, подучаются въ продолженіе нѣкотораго времени изготовленію военной одежды. Чрезъ наши руки ихъ прошло около 3.000 человѣкъ. Затѣмъ онѣ получаютъ работу на домъ...

— Слѣдовательно, вы даете работу и матеріалъ всѣмъ желающимъ?

— О, нѣтъ. Онѣ должны удовлетворять нѣсколькимъ требованіямъ. Удостовѣреніе въ добропорядочности, требуемое военной властью, квитанція уплаты за квартиру и семейная книжка. Въ расчетной книжкѣ каждой работницы вписывается нумеръ по порядку, онъ же ставится на матеріалѣ, даваемомъ ей на домъ, для того, чтобы знать въ случаѣ плохого исполненія работы, кто виновникъ. Расчетная книжка регулируется каждую субботу. Работница можетъ забирать съ собой матеріалъ на всю недѣлю, но съ тѣмъ расчетомъ, чтобы дневной заработокъ не превышалъ 3—3 1/2 франковъ

(1 руб. 20 к.—1 руб. 40 к.), что нами признано вполнѣ достаточнымъ для прожитія и что исключаетъ всякое антрепренерство и эксплоатацію вторыхъ рукъ. Таковы въ краткихъ чертахъ принципы дѣла, руководимаго инспектрисой ліонскихъ «увруаровъ» m-me Жоссеранъ.

Къ этой картинѣ можно прибавить, что въ Ліонѣ такихъ «увруаровъ» было въ началѣ войны 31, что работу получаютъ около 10-ти тысячъ женщинъ, изготовляющихъ военную одежду, бѣлье, бѣлье и одежду для дѣтей, женщинъ и мужчинъ, заказываемыя частными магазинами, и т. д., и т. д.

Въ длинной цѣпи прекрасныхъ соціальныхъ учрежденій города Ліона не малое мѣсто занимаютъ рестораны для кормящихъ матерей, основанные по иниціативѣ мэра m-r Эрріо до войны. Въ нихъ каждой женщинѣ, пришедшей съ груднымъ ребенкомъ и имѣющей въ груди молоко, дается безъ всякихъ опросовъ имени и національности ѣда, состоящая изъ мяса, овощей, десерта, хлѣба, молока или вина. Интересно отмѣтить, что за три мѣсяца до войны число обѣдовъ, выданныхъ матерямъ, равнялось 32-мъ тысячамъ, въ три же мѣсяца, послѣдовавшіе за началомъ военныхъ дѣйствій, ихъ было отпущено 73 тысячи. Комментаріи излишни. То же самое можно сказать и о безплатныхъ «коммунальныхъ супахъ», которыхъ было отпущено со 2-го августа по 15-е ноября 589 тысячъ!..

Впрочемъ, я черезчуръ отклонился отъ своей первоначальной темы. Надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на меня за это. Вѣдь такъ рѣдко приходится писать и говорить во время войны о вещахъ, истинно полезныхъ человѣчеству и прекрасныхъ въ самихъ себѣ.

„Спасительный незнакомецъ“.

Въ самомъ началѣ войны, когда свирѣпой волной *громадная* германская армія покатилась по неожидавшей, несмотря на всѣ предвидѣнія, *такой* «колоссальности» Франціи, инстинктивно взоры французовъ устремились на одно и только одно свойство Россіи,—именно на ея человѣческіе резервы. Въ Россіи нашли друга, могущаго противопоставить «бошамъ» еще болѣе многочисленныя войска.

И такъ какъ во Франціи о русскихъ дѣлахъ царили самыя фантастическія представленія, то легко можно себѣ вообразить, въ какой формѣ они вылились на ходкіе газетные листы и во что претворились въ головахъ, и такъ уже предрасположенныхъ къ россійской фантастикѣ читателей.

— Это было въ началѣ войны,—какъ-то говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ начальниковъ,—когда мы были увѣрены, что ваши казаки черезъ нѣсколько дней ворвутся въ Берлинъ. Казаки съѣдаютъ по пути всю провизію, ихъ лошади уничтожаютъ жатву...—И онъ самъ засмѣялся ироническому способу выраженія своихъ тогдашнихъ представленій о казакахъ, иначе говоря—о *Россіи.* Ибо Россія и казаки, это—почти синонимы, такъ же какъ казакъ въ представленіи иностранца неотдѣлимъ отъ понятія «knout»,—кнутъ,—«nagaika»...

Бывало пристаютъ ко мнѣ офицеры:

— Не правда ли, генералъ NN прекрасный генералъ? Oh, c'est un chic type...

Дался имъ этотъ генералъ!.. И газеты, и стоустая молва возвели его ни болѣе ни менѣе, какъ въ національные россійскіе герои. Безъ него не мыслилась побѣда, это онъ олицетворялъ казачество, Россію, русскую армію.

Напрасно я старался убѣдить вопрошавшихъ, что между бравымъ генераломъ и тремя вышеупомянутыми элементами весьма мало связи, и совѣтовалъ имъ почитать отзывы объ его военныхъ талантахъ въ рапортахъ иностранныхъ военныхъ атташе въ русско-японскую войну и отчетѣ Куропаткина. Французы твердо забили себѣ въ голову, что русскія массы вѣрятъ въ NN, этого было достаточно. Вплоть до того дня, пока NN не исчезъ съ горизонта. Но и до сихъ поръ вы нерѣдко можете услышать:

— Это все же странно. Кажется, вѣдь онъ былъ очень популяренъ въ народѣ...

Словомъ, тотъ полезный и необходимый «миѳъ», о которомъ говорилъ Сорель. Бравый генералъ впереди, на огнедышащемъ конѣ, а позади него—орды, увлекаемыя его храбростью и популярностью; направленіе—Берлинъ...

Тутъ мы подошли къ самой сути дѣла. Я часто слышалъ, какъ мои соотечественники отъ души смѣялись надъ всѣми этими нелѣпыми вымыслами фантазіи, надъ пресловутыми «rouleau à vapeur», «rouleau compresseur», казаками, уничтожающими въ нѣсколько дней все на своемъ пути, и т. д., и т. д., надъ тѣми сапогами-скороходами, что неожиданно были надѣты на ноги нашихъ полководцевъ пылкимъ французскимъ воображеніемъ. Но не смѣха заслуживаютъ всѣ эти наивныя нелѣпости. Внимательно приглядываясь къ происходящему,

отчетливо видишь громадный вредъ подобнаго представленія о Россіи не только для русскаго, но и для всего общаго дѣла.

Анализируя такія,—а ихъ было раньше безчисленное множество, — росказни, вы наткнетесь всегда на два элемента: *массы и популярности*. Я позволю себѣ выявить психологію, которая способствовала возникновенію легендъ, и позволю себѣ сказать простыми словами, безъ всякихъ подходовъ, результатъ моихъ долгихъ на этотъ счетъ наблюденій.

Французъ (я говорю, конечно, не объ исключеніяхъ, а о рядовомъ обывателѣ) разсуждаетъ такъ: во вспыхнувшей благодаря германскому нападенію войнѣ я бьюсь за существованіе моей родины и за дѣло цивилизаціи, въ данномъ случаѣ неразрывно съ нею связанной. Гдѣ-то, далеко на Востокѣ,—наполовину въ Европѣ, наполовину въ Азіи,—живетъ очень многочисленный и храбрый народъ, который можетъ противопоставить нѣмцамъ то, что у насъ мало,—человѣческія массы. Этотъ спасительный незнакомецъ,—русскій народъ,—необходимый союзникъ для спасенія Франціи и защиты цивилизаціи. Народъ этотъ совсѣмъ особенный,—мистическій, слѣпо вѣрящій во всѣ земныя и небесныя власти. Словомъ, хотя и благородный, но очень патріархальный народъ. Такъ какъ дѣло цивилизаціи должно быть спасено и такъ какъ мистическій народъ безъ колебаній идетъ за популярными и любимыми вождями, повинуясь съ закрытыми глазами приказу сверху, воображеніе, не имѣющее иной канвы, рисуетъ на ней самые затѣйливые узоры.

И вы слышите не гдѣ-нибудь, а въ самомъ центрѣ страны, не когда-нибудь, а въ концѣ 1915 года, такія приблизительно строфы «Гимна союзниковъ» о Россіи: «И изъ глубины своихъ степей, повинуясь благородному приказу, встаетъ безчисленный народъ»... Въ словахъ

о другихъ «alliés» слово приказъ не упоминалось. Тамъ говорилось о порывахъ этихъ націй, объ ихъ преданности дѣлу прогресса и т. д., и т. д. Какъ только рѣчь зашла о Россіи, на сцену вмѣстѣ съ неизбѣжною «степью» вынырнулъ пускай и благородный, но приказъ. Солнце—въ каплѣ воды...

Всѣ эти легенды, гимны, газетныя фантастическія мнѣнія—не пустой звукъ, а громадная сила. Общественное мнѣніе формировалось не на реальныхъ фактахъ, а на средневѣковой сказкѣ. Въ статьяхъ, обосновавшихъ войну противъ Германіи, какъ дѣло защиты прогресса, роль русскаго народа обычно стыдливо замалчивалась. Потому что о чаяніяхъ и развитіи этого народа, объ его культурѣ въ Западной Европѣ не знаютъ. Тамъ знаютъ на его счетъ нелѣпыя легенды да тѣ неоспоримые факты, что онъ многочисленъ, храбръ и можетъ выручить своей массой хорошее дѣло, *если это ему прикажутъ.* Вотъ почему съ такой жадностью до войны и въ началѣ войны французское общественное мнѣніе отыскивало среди русской terra incognita твердыя точки опоры. И находила ихъ въ тѣхъ, у кого въ рукахъ была дирижерская, а то и просто капральская палка, въ тѣхъ, кто знаетъ всесильное «mot», кто можетъ приказать благородному, но наивному народу встать на защиту цивилизаціи. А разъ народъ всталъ, то это—все, что́ нужно. Въ дальнѣйшемъ онъ просто голымъ тѣломъ задавитъ врага.

Потому, можетъ быть, наивно смѣшивая капраловъ съ народомъ, зачастую миссію Россіи за границей видѣли не въ защитѣ общаго дѣла, а въ овладѣніи, напримѣръ, Константинополемъ и т. д. Врядъ ли это способствовало увеличенію симпатій... Поэтому, напримѣръ, союзное общественное мнѣніе съ изумительной довѣрчивостью вѣрило въ тѣ «популярныя» лица, которыя въ это самое время мечтали о сепаратномъ мирѣ. И потому такъ вели-

ко было удивленіе французовъ, когда мало-по-малу стало выясняться, что въ Россіи есть народъ, который не только отлично знаетъ безъ всякихъ приказовъ, кому надо отдать свои симпатіи, но который, кромѣ того, ведетъ эту борьбу на точно такихъ же основаніяхъ, какъ и западные союзники, несмотря на противоположные «приказы» нѣкоторыхъ капраловъ. Словомъ, настоящій другъ оказался не тамъ, гдѣ думали.

И такъ какъ послѣ галиційскихъ неудачъ стало ясно, что голымъ тѣломъ нѣмца не задавишь, то даже такія газеты, какъ пресловутое «Echo de Paris», привѣтствовали съ искренностью начало «новой весны» въ Россіи.

Словомъ, одинъ народъ проглядѣлъ другой. И одна изъ громадныхъ хорошихъ сторонъ войны—въ томъ, что она разбила много предвзятыхъ идей, заставила внимательнѣе взглянуть на вещи, выйти изъ узкаго заколдованнаго круга легендарныхъ понятій.

Видя «нигилистовъ», записывающихся въ волонтеры и дающихъ примѣръ геройства въ бою, читая, несмотря на цензуру, болѣе строгую къ русскимъ дѣламъ, чѣмъ сама русская цензура въ Россіи, скудныя сообщенія, изъ которыхъ видно, кто съ цивилизаціей, а кто противъ, заграница открыла Америку... Вы скажете, что это обидно для насъ: можетъ быть, отчасти; но что печально,—это несомнѣнно. И изъ жестокаго урока русскіе должны вынести хорошій опытъ.

Я не виню французовъ. Особенно рядового обывателя, одураченнаго неразборчивой подчасъ прессой, стремящейся къ немедленному политическому результату, къ восхваленію всякаго хозяина положенія. На самомъ дѣлѣ Россія—гдѣ-то тамъ, очень далеко; школьныя географическія и историческія познанія не только быстро забываются, но и ничего не говорятъ. Легенда о казакѣ, ѣдящемъ сальныя свѣчи, слышанная отъ бабушки, сильнѣе этихъ познаній. Въ жизни французъ

сталкивается съ фактами, показывающими ему главнымъ образомъ отрицательныя русскія стороны. Онъ знаетъ, что, помѣщая свои капиталы въ русскія предпріятія, онъ заработаетъ, какъ въ колоніи. Предприниматели, возвращающіеся изъ Россіи, разсказываютъ о легкости и примитивности, съ которой можно эксплоатировать народныя массы. Онъ слышалъ о способѣ обращенія «капраловъ» съ этимъ народомъ. Онъ видитъ у себя въ Парижѣ, съ одной стороны, грязныя, забитыя толпы экономической и еврейской эмиграціи, которую консьержи быстро окрещиваютъ мало лестнымъ именемъ «sales russes», съ другой—политическую эмиграцію, повѣствующую ему главнымъ образомъ о неудобствахъ режима, и поверхъ всего—великолѣпныхъ представителей «капральства» и золотой молодежи, швыряющихъ деньги со щедростью индійскихъ магараджъ и аргентинскихъ плантаторовъ. Это все—отрицательныя стороны. Въ кафэ-концертахъ онъ видитъ нелѣпую балалайку и дикій «казачокъ», исполняемый такимъ «русскимъ», какъ онъ—китаецъ. Въ кинемо ему преподносятъ невозможныя сцены, скомпанованныя «русскими» съ Монмартра, гдѣ неизбѣжно фигурируютъ «нигилисты», «бомбы», «русскія печи» и «тройки» съ кучерами, одѣтыми въ «тулупы» изъ вывороченныхъ наружу шофферскихъ пальто...

Есть, правда, Толстой, есть Горькій, но первый всеміренъ, а второй—тоже «нигилистъ». Французъ оперируетъ въ своемъ сужденіи о насъ чортъ знаетъ съ чѣмъ. Другихъ элементовъ у него нѣтъ. И врядъ ли я ошибусь, если скажу, что поѣздки русской оперы, русскаго балета передъ войной были колоссальнѣйшимъ открытіемъ для заграницы. Мы вышли передъ ними во всеоружіи одной изъ своихъ культурныхъ особенностей. Французъ это отмѣтилъ и въ ряду русскихъ чудачествъ запомнилъ, что мы не такъ - то ужъ прими-

тивны и что «это очень курьезно: они сильны въ музыкѣ и балетѣ».

Конечно, были и Леруа-Болье, и Мельхіоръ-де-Вогюэ, есть и теперь немало французовъ, которые отлично знаютъ, что въ обширной Россіи существуютъ не только «попъ, самоваръ, казакъ, кнутъ, нигилистъ» и прочіе россійскіе атрибуты, но масса-то этого не знаетъ, и общественному мнѣнію всѣ наши хорошія стороны *только начинаютъ становиться извѣстными.*

И я спрашиваю себя: если обстоятельства политическія и историческія, разность культуръ, языковъ и пространство сдѣлали изъ насъ terra incognita для націи самой благородной, одушевленной идеалами, для насъ самыми близкими и завѣтными, не наша ли обязанность—познакомить эту націю съ нами? Почему могла быть вывезена музыка Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, танцы балета, наша опера, наше декоративное искусство и почему не можетъ быть показана заграницѣ вся полнота нашей культуры и тѣхъ нашихъ особенностей, которыя однѣ,—и только онѣ однѣ,—заставятъ исчезнуть заграничныя сказки о казакѣ и «популярныхъ» капралахъ? Надо, чтобы своими собственными чувствами и не только представитель заграничныхъ общественныхъ сливокъ, а рядовой обыватель ощутилъ, какъ онъ видѣлъ балетъ, многое, о чемъ онъ даже не подозрѣваетъ. Если гора не идетъ къ Магомету, надо, чтобы Магометъ шелъ къ ней. Какимъ путемъ? Путь, навѣрное, найдется. Популярная книжка о Россіи Алексинскаго въ незначительный срокъ выдержала нѣсколько изданій, несмотря на варварскій переводъ, и, несомнѣнно, сдѣлала больше для дѣйствительнаго сближенія двухъ народовъ, чѣмъ долгая служба иного дипломата.

Русская литература, переведенная не безграмотными эксплоататорами русскаго представительства за грани-

цей, а настоящими знатоками, откроетъ быстрый доступъ въ сердца и умы французовъ, особенно послѣ теперешней войны, нарушившей идиллію буржуазной жизни и пріучившей къ постановкѣ проклятыхъ вопросовъ.

Эмансипація русской женщины, чуждая до сихъ поръ домовитой французской хозяйкѣ, найдетъ сочувственный откликъ въ душѣ вышедшей благодаря войнѣ за обычныя семейныя рамки новой женщины.

Трагедія русскаго народа, ищущаго до сихъ поръ въ отличіе отъ другихъ народовъ правду - истину, не покажется странной послѣ того, какъ онъ сумѣлъ согласовать эти поиски не только съ сектантствомъ, съ устремленіями въ мистическія дебри, но и съ защитой общаго дѣла цивилизаціи.

И такъ безъ конца... Для того, чтобы быть понятымъ, надо умѣть показать не только свои отрицательныя стороны, но и хорошія, а не сѣтовать, что «насъ не знаютъ, не хотятъ знать». Всегда такъ было, что «подъ лежачій камень вода не течетъ» и что народы наперебой стремились демонстрировать другъ передъ другомъ свои достоинства, свое искусство, свою силу, свою науку.

Роль робкаго ученика—и только ученика—пагубна.

— Я не могу себѣ простить,—сказалъ мнѣ послѣ долгой бесѣды на эту тему одинъ изъ очень видныхъ знатоковъ Россіи, призванный теперь на службу офицеромъ,—что до войны я писалъ слишкомъ спеціальныя брошюры о части русской литературы, доступныя небольшому кругу читателей, вмѣсто того, чтобы знакомить моихъ соотечественниковъ съ тѣмъ прекраснымъ, что́ составляетъ вашу, русскую, сущность и чего у насъ, французовъ, нѣтъ,—со свободой вашего духа, съ вашими культурными запросами, съ вашими исканіями, высоко поднимающимися надъ установившимся

укладомъ европейской жизни,—и что я по мѣрѣ силъ своихъ не знакомилъ французовъ съ *народомъ* русскимъ. Только теперь я вижу, какъ это нужно и какъ это безконечно важно.

Почва для настоящаго, реальнаго, а не военнаго и дипломатическаго только, алліанса между народами была. Война связала, сплотила ихъ еще сильнѣе. Она показала общность пониманія историческаго прогресса *обоими народами.* Вѣдь тѣ лозунги, которые, быть можетъ, были приняты извѣстными классами противъ воли и лицемѣрно, для народовъ явились точнымъ выраженіемъ ихъ чувствъ, ихъ желаній.

И простымъ глазомъ видишь, какъ, не зная ничего, попрежнему питаясь главнымъ образомъ легендами о Россіи, французъ уже не вѣритъ имъ и ищетъ и ждетъ болѣе точныхъ элементовъ въ своемъ распоряженіи, чтобы понять страну, которую онъ уже полюбилъ и въ которой онъ угадываетъ сквозь завѣсу нелѣпыхъ вымысловъ великую красоту народной души. И общими усиліями надо сдѣлать такъ, чтобы «Спасительный Незнакомецъ» превратился въ близкаго друга, чтобы точки опоры въ критическія минуты отыскивались не среди случайныхъ политическихъ «капраловъ», а въ надежномъ, извѣстномъ и понятномъ общественномъ мнѣніи извѣстнаго, а не легендарно-мистическаго народа.

ВЪ МАКЕДОНІИ.

Въ Македонію...

I.

Въ Македонію!.. Словно въ средневѣковье, какіе-то новые крестовые походы... Именно крестовые.

Что же тянетъ людей въ далекую, суровую, смертоносную Македонію?

Любовь къ далекому, таинственному? О, быть можетъ, да, но въ самой незначительной мѣрѣ. Хотя, надо признаться, пятнадцать мѣсяцевъ войны во многомъ переродили психологію человѣческихъ массъ. Страхъ смерти, страхъ неудобствъ, страхъ передъ новизной положенія исчезъ. Человѣкъ сталъ смѣлъ, и его тянетъ ко всему новому и яркому, особенно послѣ годового сидѣнія въ траншеяхъ.

Но не эта жажда новизны играетъ главную роль въ настроеніи людей, идущихъ въ Македонію, а нѣчто другое,—возвышенное и свѣтлое.

Есть два магическихъ слова во Франціи, это—Бельгія и Сербія... Французъ гордъ, французъ любитъ все гордое, все смѣлое. Красивый жестъ онъ обожаетъ. Геройскій подвигъ—его идеалъ, его культъ... И безконечная красота самопожертвованія маленькой Сербіи, которая предпочла погибнуть, но не согнуться передъ могущественными полчищами австро-германо-турко-болгаръ, подняла во французской душѣ отвѣтный ураганъ восхищенія и самопожертвованія...

Да, самопожертвованія. Тотъ, кто знаетъ француза съ его привязанностью къ *родной* землѣ, къ *своему* очагу, къ *своей* прекрасной Франціи, только тотъ можетъ оцѣнить радость, съ которой французы идутъ на помощь Сербіи.

Пусть отрядъ этотъ можетъ не вернуться, но Сербія не покинута, но то, что выше жизни,—честь,—спасено!.. И съ этимъ сознаніемъ французскій солдатъ легко и бодро, больше того: радостно, шелъ въ чуждую и далекую ему страну. Чуждую и далекую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близкую, потому, что это—Сербія, маленькая, геройская страна, которая останется въ исторіи человѣческой доблести...

Въ Македонію... Завтра зашумитъ поѣздъ и понесетъ насъ къ теплому южному морю. Загудитъ пароходъ, и мы пойдемъ волшебными путями въ страну печали и смерти, въ страну новыхъ крестовыхъ походовъ.

И передо мной рядомъ съ изнемогающей Сербіей встаетъ Болгарія. Не одна, а двѣ Болгаріи.

Я ихъ видѣлъ обѣ, здѣсь во Франціи. Мнѣ кажется, что я ихъ видѣлъ.

На меня смотритъ круглое, мужественное, типичное болгарское лицо. Полное отваги и огня. Спокойная храбрость въ глазахъ. Непреклонная воля. Онъ молодъ, но уже успѣлъ многое пережить. Учился въ Россіи въ кадетскомъ корпусѣ. Потомъ—въ Софіи, въ военномъ училищѣ. Потомъ дрался въ македонскихъ четахъ за освобожденіе Македоніи. А потомъ... сидѣлъ въ русской тюрьмѣ вмѣстѣ съ товарищами-русскими. Война застала его въ Бельгіи.

«Посмотрѣлъ я на себя,—молодой, здоровый, сильный, и стыдно мнѣ стало». Онъ собираетъ группу добровольцевъ, ускользаетъ съ ней изъ Брюсселя и въ Парижѣ вступаетъ въ русскій эмигрантскій отрядъ. Бьет-

ся храбро. Начальство въ восторгѣ, отличаетъ и производитъ его. И все мечтаетъ, что его страна, его Болгарія, встанетъ за правое дѣло противъ Германіи.

Не знаю, живъ ли этотъ доблестный юноша, гдѣ онъ, что съ нимъ и какъ страдаетъ, какъ болитъ его мужественное сердце, если онъ живъ, отъ стыда и обиды за свой народъ...

Видѣлъ я и вторую Болгарію. Перевели русскихъ волонтеровъ изъ легіона во французскіе полки, и остался нашъ болгаринъ одинъ. Просилъ, чтобы помочь и ему перебраться къ русскимъ товарищамъ. И вотъ, будучи въ Парижѣ въ отпуску, я стучался во всѣ двери въ надеждѣ устроить ему переводъ. Постучался и въ дверь болгарскаго военнаго атташе...

Было это въ моментъ, когда самая мысль о возможности болгарскаго нападенія не могла притти въ голову даже какъ дурной сонъ. Когда невозможнымъ казался ея нейтралитетъ и съ минуты на минуту ожидалось, что Болгарія рука объ руку пойдетъ съ нами... Такъ давно это было!

Засуетились въ посольствѣ. Быть можетъ, по телефону вызвать атташе? Онъ сейчасъ же придетъ. Море вѣжливости и предупредительности. Пришелъ, наконецъ, атташе. Высокій, стройный болгаринъ. Усадилъ въ кресло. И застылъ въ ожиданіи.

О, да какъ же злобно зажглись его маленькіе, узкіе глаза! Какая торжествующая улыбка заиграла на мгновеніе на его лицѣ и быстро ускользнула въ углы тонко очерченныхъ змѣиныхъ губъ.

— Есть законъ, есть и его послѣдствія. Я ничего не сдѣлаю для него. Онъ не спрашивался у меня передъ поступленіемъ, нечего теперь ко мнѣ обращаться.

Такъ приблизительно на отвратительномъ французскомъ языкѣ говорилъ команданъ.

И сколько разъ въ моменты моей самой глубокой

вѣры въ Болгарію на ряду съ милымъ лицомъ легіонера Тодорова передо мной вырисовывалась ехидная физіономія атташе...

Пока побѣдилъ второй... Но такая ли это уже утопія, что нашъ крестовый походъ разобьетъ цѣпи, окутавшія народную Болгарію, и вырветъ братоубійственный мечъ изъ ея подневольныхъ рукъ?..

Въ Македонію!.. Въ страну печали и смерти, въ страну, куда зоветъ всѣхъ, въ комъ живо сердце, мученичество небольшого, стойкаго народа!

II.

Нашъ поѣздъ подходилъ къ Марсели. И вдругъ остановился. Вы знаете эти непредвидѣнныя остановки воинскихъ поѣздовъ... Стали допытываться: почему, зачѣмъ? Оказалось, должны пропустить какіе-то экспрессы. Солдатики повылѣзли изъ вагоновъ; появилась вода; кто принялся за умываніе, кто просто разминалъ затекшія отъ сидѣнья ноги.

Шипя подошелъ новый поѣздъ и построился вровень съ нами на третьемъ пути, оставивъ пару рельсовъ посрединѣ для привилегированныхъ экспрессовъ.

Изъ оконъ, изъ теплушекъ, повысунулись его пассажиры,—солдаты арміи Китченера.

— Вы куда?—на якобы французскомъ языкѣ прокричалъ высокій, красивый «Томми» одному изъ нашихъ конныхъ «африканскихъ егерей».

— Въ Сербію; а вы?

— Въ Сербію тоже...

Изо всѣхъ оконъ полетѣли по нашему направленію пачки папиросъ, табаку, бисквиты и даже банки съ вареньемъ. «Томми» спѣшилъ подѣлиться съ «пуалю» всѣмъ избыткомъ своего несравненно поставленнаго продовольствія.

По свободному пути, оставленному для экспрессовъ, изъ обоихъ поѣздовъ засновали солдаты. Настоящее братанье.

Дежурный офицеръ разрывался, загоняя солдатъ въ вагоны. Напрасныя усилія. Изъ противоположнаго нашему купэ окошка высунулась физіономія рыжаго англійскаго офицера. Онъ чистилъ щеткой зубы и безстрастно взиралъ на картину.

Я объяснилъ ему, что сейчасъ пронесутся экспрессы. Англичанинъ вынулъ щетку изо рта и прокричалъ что-то въ обѣ стороны. Черезъ минуту на пути не осталось ни одного «Томми», и только наши «пуалю» неохотно и медленно влѣзали въ вагоны.

Однако у этихъ волонтеровъ дисциплина!

Съ громомъ и свистомъ промелькнули экспрессы. Медленно тронулся англійскій поѣздъ. Изъ теплушекъ полилась пѣсня: «Томми» съ аккомпанементомъ мандолинъ стройно пѣли «Марсельезу».

— Типерари, Типерари!—кричали французы.

Заиграла гармоника, и понеслись медленныя строфы: «Дологъ путь до Типерари»...

Разомъ подхватилъ пѣсню французскій поѣздъ, замелькали платки, каскетки и каски. Оба поѣзда пѣли.

— До свиданья, въ Сербіи увидимся!

Вотъ мы и на перекресткѣ. Какъ иначе назвать шумную, веселую, блестящую на южномъ солнцѣ Марсель? Во всѣ вѣка она была перекресткомъ для народовъ, шедшихъ моремъ въ Европу или пускавшихся изъ нея по бѣлу свѣту искать счастья.

Теперь же это—не просто перекрестокъ, а военный перекрестокъ. Сколько армейскихъ волнъ пронеслось черезъ него. Сначала шли на «западный фронтъ» войска Африки. Спаисы, сенегальцы, «африканскіе егеря», арабскіе стрѣлки, зуавы, марокканцы... Потомъ набѣжала англійская цвѣтная волна: индусы, гурка, египетскія

войска, канадцы. Затѣмъ начался отливъ. Сперва въ Дарданеллы, а теперь въ Македонію. День и ночь безконечнымъ потокомъ льется человѣческое море.

Англичане, французы, всѣ роды оружія, всѣ формы... Громадные транспорты, конвоируемые миноносцами, переносятъ ихъ въ Салоники. И Марсель гремитъ, шумитъ, работаетъ, дѣлаетъ золотыя дѣла.

Съ фантастической быстротой возникаютъ состоянія. На всѣхъ языкахъ міра льется по улицамъ рѣчь. Снуютъ интернаціональные типы, сумасшедшимъ богатствомъ блещутъ магазины, и отъ веселой толпы ломятся кафэ, мюзикъ-холлы и рестораны...

Война повернулась къ Марсели счастливой стороной. Фронтъ далеко, солнце свѣтитъ, море плещетъ, и золото само бѣжитъ въ руки. Только раскрывай шире карманы... Только не зѣвай.

Въ порту—работа. Оборванные негры, испанцы, румыны, итальянцы, алжирцы, тунисцы въ фескахъ и еще не знаю кто,—голь, собравшаяся со всего міра,—грузитъ пароходы, гомонитъ на какомъ-то странномъ международномъ нарѣчіи. Громыхаютъ тяжелыя телѣги, автобусы; куда-то ведутъ лошадей индусы въ тюрбанахъ цвѣта... хаки; ревутъ мулы, свистятъ пароходы, ругается небольшой сержантъ, цѣлуется матросъ съ черноглазой красоткой, и звонко-презвонко выкрикиваетъ свои газеты уличный мальчишка. Ну, и жизнь...

А съ Notre Dame de la Garde смотришь и не насмотришься на громадный городъ. Широкой подковой охватили его цѣпи Эстерель и уперлись въ море. Словно два часовыхъ передъ гаванью стали острова Фріуль, а между ними и городомъ—Chateau d'If, гдѣ когда-то томилась таинственная Желѣзная Маска и гдѣ засѣдалъ грозный революціонный трибуналъ...

Между подковообразной цѣпью и синимъ безграничнымъ моремъ раскинулась шумная Марсель. И, кажет-

ся, тѣсно ей въ этой естественной колыбели, какъ молодому богатырю въ люлькѣ.

Заснуло море подъ жаркими лучами ноябрьскаго солнца. И странно, что гдѣ-то падаетъ снѣгъ, льются дожди, гремятъ пушки и народы всѣхъ частей свѣта сшибаются въ кровавой схваткѣ.

Странно, но однако нашъ транспортъ ждетъ насъ. Ждетъ и напоминаетъ, что сейчасъ мы тронемся волшебнымъ моремъ въ страну, въ которой схватка эта достигла своего апогея.

До свиданья, прекрасная Францiя, гдѣ такъ много было изжито за пятнадцать мѣсяцевъ боя, гдѣ осталось такъ много дорогого...

— Умереть за Сербiю—лучшая смерть для солдата... — мурлычетъ кто-то изъ военныхъ нескладную импровизацiю.

Ржутъ на палубѣ кони, поднимаются по трапу мои «африканцы». Еще полчаса, и мы пойдемъ мимо острововъ-часовыхъ.

Итакъ, до свиданья, а, можетъ быть, и прощай...

На палубѣ.

I.

Вотъ мы и въ пути. Погода намъ улыбается. Солнце, тепло; по морю бѣгутъ невысокіе барашки. Впереди снуетъ проворный контръ-миноносецъ. Онъ, какъ сторожевой песъ, рыщетъ, обыскиваетъ море, потому что въ его синихъ волнахъ плаваютъ, поджидая, подстерегая добычу, крупныя,—охъ, какія крупныя!—нѣмецкія акулы. Противъ нихъ у насъ на палубѣ установлены пулеметы и легкія орудія. Пусть только сунутся...

Тутъ же стоятъ наши кони. Они дружно жуютъ овесъ, не подозрѣвая, что̀ находится позади ихъ круповъ. Мой «Сюркуфъ» суетъ мнѣ въ грудь свою умную морду и настойчиво требуетъ ласки. Его сосѣдъ косится зоркимъ глазомъ и вѣрно думаетъ про себя: Ну, братъ, и нѣженка же ты!..

Ночью вдалекѣ мелькнули островные огни. Побѣжали широкія полосы ослѣпительнаго свѣта, загорѣлись невѣдомыя скалы и исчезли. Снова прожекторъ швырнулъ снопъ лучей во всѣ стороны, освѣтилъ темную ночь и исчезъ въ ней...

На палубѣ собрались солдаты; они веселы, оживленны, шумятъ и любуются волшебною далью.

Я смотрю на нихъ, и мнѣ хочется сказать о нихъ нѣсколько словъ,—нѣсколько словъ объ ихъ отличи-

тельныхъ чертахъ, подмѣченныхъ мною за пятнадцать мѣсяцевъ пребыванія во французской арміи.

Они всегда веселы. Французъ постоянно балагуритъ. Французъ — «благёръ». «Blague» сопутствуетъ ему во всѣ моменты его жизни, даже наиболѣе трудные. Онъ подмѣчаетъ всѣ смѣшныя стороны явленія, изъ всего старается извлечь предлогъ для бодраго, веселаго смѣха. Въ плѣну хохочетъ,—и широкая физіономія тяжеловѣснаго надсмотрщика расплывается въ улыбку, зараженная шипучей непосредственностью «der Franzosen». Рвется рядомъ «чемоданъ»,—онъ и здѣсь отъискиваетъ что-то смѣшное и веселое. Въ результатѣ легко и просто принимаются и переносятся всѣ самыя трудныя положенія современной войны.

Французскій солдатъ гордъ и независимъ. Онъ и слыхомъ не слыхалъ, что военнослужащаго можно ударить, какъ въ германской, напримѣръ, арміи. Равенство, царящее въ жизни Франціи, проникаетъ собой и армейскія отношенія. Въ цивильномъ мірѣ всѣ для всѣхъ messieurs et mesdames, въ военномъ всѣ именуются просто и коротко по ихъ чинамъ, лишь съ прибавленіемъ ласковаго «мой»: «мой лейтенантъ», «мой полковникъ», «мой генералъ». Всякій солдатъ говоритъ Жоффру: «мой генералъ», и, увѣряю васъ, въ этомъ ласково-почтительномъ обращеніи содержится больше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ. Штатскій военный министръ именуется просто— господинъ министръ. Права солдата ограждены не только установившимся бытомъ, но и уставами. Онъ можетъ обратиться къ кому угодно, вплоть до министра,—никто не смѣетъ помѣшать ему въ этомъ, никто не можетъ потребовать отъ него изложенія причинъ такого обращенія.

Онъ независимъ и гордъ, потому что знаетъ, что служитъ Франціи, что защищаетъ самую свободную и независимую страну міра, потому что независимость проникаетъ собою всю жизнь его родины.

Равенство въ отношеніи проистекаетъ и отъ общаго уровня развитія солдатъ. Всѣ французы грамотны, всѣ читаютъ газеты. Наша садовница, старая, забитая работой женщина, зачастую разсказывала мнѣ самыя послѣднія новости и съ удивительной ясностью судила о запутанномъ положеніи на Балканахъ. Солдаты не только грамотны, но масса среди нихъ—со среднимъ и высшимъ образованіемъ, очень много богатыхъ. Всѣ они служатъ одинаковое количество лѣтъ и не пользуются никакими привилегіями. Въ моемъ взводѣ были и студенты, и заводчики, и даже священникъ. И они ничѣмъ не выдѣлялись изъ общаго ряда. И никто ихъ ничѣмъ не выдѣлялъ...

Но ихъ присутствіе въ солдатскихъ рядахъ накладываетъ сильную печать на общія отношенія.

Солдаты и офицеры уважаютъ взаимно другъ друга. Да и какъ же иначе? Сегодняшній солдатъ—завтра самъ офицеръ, и какой офицеръ! Сколько ихъ уже дошло до чина подполковника за нѣсколько мѣсяцевъ войны... Минимумъ половина низшаго офицерскаго состава состоитъ изъ вчерашнихъ солдатъ, и въ большинствѣ случаевъ вы никогда не догадаетесь объ этомъ.

Французскій солдатъ—критиканъ и «grognard» еще со временъ незапамятныхъ. Онъ настолько развитъ, что отчетливо видитъ всѣ ошибки командира; ему кажется, что всякое дѣло можно сдѣлать гораздо лучше, и онъ всегда ворчитъ на начальство. Командовать имъ—нелегкая штука. Галунъ въ его глазахъ—ничто. если онъ не сопровождается дѣйствительными знаніями и превосходствомъ. Слѣпого, безразсуднаго повиновенія отъ него не жди. И офицеръ обязанъ, принужденъ этой вѣчно ощущаемой критикой подчиненныхъ, работать и быть на высотѣ положенія.

Офицеръ долженъ быть примѣромъ для солдата; онъ долженъ во всѣхъ случаяхъ брать вѣрную линію по-

веденія, и только тогда солдатъ вполнѣ довѣрится ему. Солдатъ ворчитъ; но когда рѣшеніе принято, когда слушный часъ пробилъ, онъ кидается впередъ съ веселостью и беззаботностью, присущей французу. Но только тогда, когда пробилъ *дѣйствительный* грозный часъ.

Ибо онъ цѣнитъ и любитъ жизнь. Въ прекрасной Франціи не услышишь поговорки, что жизнь—копейка. Здѣсь жизнь—огромное достояніе, и разстаются съ ней добровольно только ради *реальнаго*, большого дѣла, а не изъ-за безразсудной удали, молодецкой выходки. Но зато, когда дѣло вырисовывается во всю свою величину, французъ твердо рѣшаетъ, что умирать-то всего одинъ разъ,—и идетъ до конца.

Война разрушила много ложныхъ представленій, а въ томъ числѣ и представленіе о французѣ, какъ восторженномъ, невыдержанномъ типѣ, крикунѣ и немного фанфаронѣ. Наоборотъ, въ немъ масса настоящаго, природнаго такта, удерживающаго отъ ненужной крикливости. Ему, страстному патріоту, чужды всякія патріотическія шумливыя манифестаціи, всякое публичное проявленіе глубокихъ чувствъ. И игривую пѣсенку онъ предпочтетъ патріотическому гимну. Но сколько же въ немъ непосредственной красоты въ проявленіи настоящихъ чувствъ и въ настоящую минуту!

Только во Франціи могъ родиться легендарный крикъ: «Debout les morts»—Мертвые, вставай,—простого раненаго солдата при видѣ подходящихъ къ полной труповъ траншеѣ враговъ, и только въ ней лежащіе вперемежку съ мертвецами тяжело раненые могли воспрянуть при этомъ высшемъ призывѣ и, истекая кровью, отбить непріятеля... Возьмите безчисленные приказы по полкамъ и арміи, и вы увидите, съ какой красотой умираютъ рядовые, офицеры и генералы, объединенные народомъ въ одномъ общемъ названіи: «petits soldats de

France»... И то, что намъ подчасъ кажется прямо позой,—до того необычна эта красота въ устахъ простого солдата,—во французской арміи—обычное явленіе. Капитанъ Руссъ-ля-Кордеръ, увлекшій свою роту призывомъ: «Впередъ, пусть наши жены оплакиваютъ героевъ!» и сраженный пулей—одинъ изъ тысячи подобныхъ примѣровъ.

Ихъ предсмертныя посланія поражаютъ рѣдкой возвышенностью чувства, и послѣднее письмо скромнаго парижскаго повара, пѣхотнаго солдата, къ своей женѣ уже вошло безсмертнымъ образцомъ въ классическую литературу Франціи. А недавній жестъ трубача, игравшаго атаку, которому осколкомъ снаряда оторвало правую руку? Онъ разжалъ лѣвой скорченные пальцы сжимающей трубу и валяющейся на землѣ руки, высвободилъ инструментъ и вновь затрубилъ атаку...

Обычная фраза умирающаго солдата: «Я исполнилъ свой долгъ». Сознаніемъ необходимости исполнить «свой долгъ» французъ полонъ всегда...

Въ немъ нѣтъ сильно развитаго коллективнаго чувства. Дисциплина его своеобразна. Не потому онъ повинуется, что его заставляютъ повиноваться, а потому что это *необходимо*. Но въ душѣ онъ—индивидуалистъ. И если вы его послали въ какое-нибудь отдѣльное предпріятіе, будьте спокойны, онъ тысячу разъ спроситъ себя по совѣту генерала Фоша: «Въ чемъ состоитъ моя миссія, что я долженъ сдѣлать?»,—и сдѣлаетъ какъ нельзя лучше. Только не надоѣдайте ему глупостями, только не дурите ему лишними словами голову.

Французъ знаетъ, за что онъ идетъ умирать. Не ради завоеваній и скверныхъ авантюръ, а ради защиты отечества. Вѣрно или нѣтъ, но таково сознаніе солдатской и офицерской среды, включающей въ себѣ безъ остатка весь цвѣтъ мужского населенія Франціи въ возрастѣ отъ 18-ти до 48-ми лѣтъ. И это сознаніе «борца

за права своего народа и народовъ міра» придаетъ ему необычайную крѣпость. Оттого съ такимъ спокойствіемъ ѣдутъ солдаты въ далекую Сербію, въ невѣдомую страну. Вѣдь они тамъ будутъ продолжать то же дѣло справедливости; вѣдь Сербія—страна героизма, отказавшаяся, какъ и Бельгія, согнуться подъ тяжелой нѣмецкой пятой.

Именно тяжелой. Какъ тяжеловѣсно все, основанное только на силѣ и повиновеніи.

А французъ легокъ, увлекателенъ и изященъ. Когда церемоніальнымъ маршемъ быстро, быстро и свободно, идутъ французскіе полки, — особенно полки пѣшихъ егерей или альпійскихъ стрѣлковъ,—чувствуешь, что это та самая нація, которая могла, въ данномъ ей исторіей порывѣ, пробѣжать весь міръ. Развернулась война, размахнулась размахомъ необычайнымъ... Торжественныя вступленія въ чужія столицы,—сначала нѣмцевъ, а потомъ наступитъ пора и союзниковъ. Но изъ всѣхъ вступленій я хотѣлъ бы видѣть одно, участвовать въ одномъ... Въ тріумфальномъ маршѣ французской арміи подъ Arc de Triomphe въ Парижѣ... Арміи, не искавшей завоеваній, арміи - націи, арміи, полной высокихъ традицій и благородныхъ грезъ, арміи мира. Подъ захватывающіе звуки марша Самбры и Мёзы, торжественнаго и глубокаго, легкимъ, почти воздушнымъ шагомъ пройдутъ эти чудныя войска среди ликующаго народа... И это будетъ единственное, дѣйствительно тріумфальное вступленіе въ столицу страны, всегда шедшей во главѣ человѣчества...

А пока... пока мелькнула вдалекѣ Корсика, гдѣ недавно еще умеръ дорогой намъ соотечественникъ Блекловъ.

Корсика—страна мелкихъ чиновниковъ, парижскихъ городовыхъ, наивныхъ фантазеровъ и честныхъ разбойниковъ. Помню, какъ съ благоговѣніемъ показалъ мнѣ

Сантини въ одной изъ траншей Шампани фотографію красиваго старика.

— Что это? Вашъ отецъ?

— О, нѣтъ, мой лейтенантъ, это—разбойникъ... Ужъ не помню его имени.

И когда я разсказалъ объ этомъ случаѣ капитану Бенекки, тоже корсиканцу, онъ безъ колебанія отвѣтилъ:

— Что же, это хорошо, что онъ хранитъ его карточку, N.—добрый, честный разбойникъ...

На палубѣ кричатъ солдаты. Подъ лучами солнца, по спокойной глади моря бѣжитъ вровень съ нами нашъ ангелъ-хранитель—миноносецъ. Онъ съ минуту держится въ этомъ направленіи, потомъ круто поворачиваетъ въ сторону, выносится впередъ, кружится и ищетъ, ищетъ въ подводныхъ глубинахъ страшнаго нѣмецкаго разбойника. Этотъ-то не такъ честенъ... Я сталкиваюсь съ докторомъ Карпантье. Ему подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ самъ попросился въ кавалерійскій полкъ и ѣдетъ въ Сербію. Хоть куда, молодецъ... «Шешія», —феска африканскихъ егерей,—придаетъ доктору восточный оригинальный видъ. Мы говоримъ о Сербіи.

— Ну, конечно, это—крестовый походъ,—поддерживаетъ онъ меня,—парусные корабли замѣнены пароходами, гробъ Господень—независимостью Сербіи, а примитивное оружіе—страшными пушками; но мысль-то, но принципъ-то все тотъ же...

Смѣется море, смѣется солнце, смѣется вѣтеръ. Бѣжитъ нашъ корабль все впередъ и впередъ...

II.

У Мальты нашъ ангель-хранитель сказалъ намъ «прости». Сдѣлалъ нѣсколько легкихъ туровъ по спокойной поверхности моря, зашелъ сзади къ самой кормѣ нашего пакебота, въ мгновеніе перекинулась тонкая

бечева, и по ней быстро скользнулъ мѣшокъ съ нашими письмами.

— До свиданія, добраго пути!—закричалъ командиръ миноносца.

— «Ура!»—понеслось съ пакебота.

На корму выскочилъ эскадронный песъ и залаялъ.

— Кланяйся Марсели!—крикнулъ вслѣдъ поворачивающемуся судну солдатъ, и вся палуба покатилась со смѣха.

А миноносецъ легко и изящно уже бѣжалъ къ французскимъ берегамъ. Ему на смѣну изъ Мальты шелъ солидный, какъ и слѣдуетъ быть, англичанинъ. За нимъ неуклюже плелся еще одинъ транспортъ. Наша армада увеличивалась. Послѣдній взглядъ на Мальту, и мы снова несемся на востокъ, къ синему Эгейскому морю.

Тихо проплыли вдалекѣ девять—десять пустыхъ транспортовъ, возвращающихся изъ Салоникъ за новымъ грузомъ. Въ добрый часъ, друзья...

Волны—синія-синія, цвѣта индиго. До того синія, что вѣрить не хочешь... Наверху идетъ горячій разговоръ. Ругаютъ..., конечно, нашего брата, журналиста. Или, вѣрнѣе, печать.

— Я по пяти мѣсяцевъ не читалъ газетъ и, увѣряю васъ, не былъ оттого несчастнѣе. Что теряешь, не видя этихъ грязныхъ, пачкающихъ руки, листковъ? Подумаешь, какъ интересно: мадамъ Кайо убила Кальметта, министерство шатается и т. д., и т. д.

— Совершенно правильно,—подхватываетъ высокій, крѣпко сбитый парень, ѣдущій въ качествѣ почтоваго офицера,—одинъ изъ моихъ друзей отъ чтенія газетъ съ ума сошелъ...

Передъ такой яростной атакой ничего не подѣлаешь. Я скромно умалчиваю о своемъ родствѣ съ ненавистной прессой. Впрочемъ, всѣ сходятся на томъ, что пер-

вымъ дѣломъ въ Салоникахъ надо купить какъ можно больше различныхъ газетъ...

... Вечеромъ солнце медленно уходило за западный обрѣзъ моря. Его уже не было видно, но половина неба, задернутая въ занавѣсъ стянувшихся къ заходу облаковъ, горѣла алымъ пламенемъ. На востокѣ вытянулась фантастическая узкая рыба-пила голубого цвѣта, вытянулась и застыла. Занавѣсъ сталъ оранжевымъ, потомъ лиловымъ, а потомъ превратился въ разноцвѣтный городъ. Рыба-пила потемнѣла и растаяла. Городъ началъ быстро разваливаться, а вокругъ надъ головой раскинулся темный бархатъ, засверкалъ Сиріусъ, и милліонами звѣздъ отразилось въ волнахъ ласковое небо...

Пароходъ уходилъ отъ Сиріуса. Кто вамъ сказалъ, что пароходъ—не живое существо? Онъ быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжело дышитъ, обдаетъ васъ своимъ горячимъ дыханіемъ и весь дрожитъ отъ могучихъ усилій. Дрожитъ и отъ чего-то убѣгаетъ, къ чему-то несется и рѣжетъ грудью теплыя волны. Горитъ и тянется далеко позади огненная кайма, сверкающими брызгами разлетаются всплески моря, оно все свѣтится, все переливается фосфорическимъ огнемъ.

... Къ утру вѣтеръ крѣпче. Вздымаются волны. Темно-темно-синія... а, разбившись о бортъ, на мгновеніе становятся свѣтло-голубыми, какъ утреннее небо. Со снѣговыхъ ихъ гребней вѣтеръ срываетъ брильянтовую пыль и мечетъ ее по залитому солнцемъ морю. Разомъ загораются въ ней тысячи радугъ... Вылетѣли изъ волнъ три серебряныхъ рыбки съ голубыми спинками и пошли летать вперегонку съ гребня на гребень. Наигрались и нырнули въ глубокое море. Качаются мачты. Почему мачты? Хотя и попутный вѣтеръ, но зачѣмъ онѣ? Къ передней привязана бочка. Въ ней матросъ какимъ-то чудомъ зашиваетъ свою куртку... Ему лѣнь искать

привычными глазами подводныхъ пиратовъ. Да къ тому же, если они появятся, кто-нибудь замѣтитъ. А это—главное... Качается мачта, качается бочка, качается матросъ... Все крѣпче попутный вѣтеръ. Что намъ попутный вѣтеръ,—нашъ пароходъ въ немъ не нуждается,—а все же пусть намъ дуетъ попутный вѣтеръ... Сверкнула въ воздухѣ, въ солнцѣ чайка. Это къ добру. Пищатъ щенята; они еще слѣпые и жмутся къ счастливой матери. Прыгаетъ по палубѣ маленькая приблудная птичка. Ей тутъ раздолье... Изъ всѣхъ стойлъ сыплются овесъ, ячмень. Ѣшь—не хочу... Чирикаетъ птичка, бѣгутъ солдаты, кидаютъ по вѣтру горсти сѣна и хохочутъ. Глядятъ непонимающими глазами кони, выскочилъ, перекувырнулся и спрятался въ волнахъ дельфинъ... А вѣтеръ поетъ, и солнце свѣтитъ, и море улыбается...

Надвинулась солнечная Эллада... Далеко налѣво остался мысъ Матапанъ. Вотъ и островъ Цитеры, а на немъ—невѣдомый городъ. Гдѣ же сирены? Докторъ ищетъ, ищетъ пронзительнымъ взоромъ въ золотой дали...

— Что вы ищете, докторъ?

— Афродиту....

Богиню Эллады!.. И впрямь, кому, какъ не доктору, искать ее. Старый мечтатель стоитъ на мосту, вѣтеръ рветъ съ него феску, но ничего не видно въ золотой дали, въ невѣдомомъ городѣ...

... Снова ночь. Ночь въ Архипелагѣ. Вотъ уже шесть сутокъ мы въ морѣ, и что ни день, что ни ночь, то краше и краше. Впрямь волшебными путями идемъ мы къ своей судьбѣ. Теплой нѣгой охватила насъ ночь, загорѣлись огни на маякахъ выступившихъ изъ моря скалъ - островов, заблестѣли, какъ неподвижныя звѣзды. И пошелъ кружить нашъ корабль межъ загадочныхъ массивовъ. Куда ни глянь,—всюду вокругъ тишь, красота и... измѣна. Вотъ она притаилась за чуть уга-

дываемой вдалекѣ скалой, спряталась у ближняго островка, бѣжитъ намъ навстрѣчу подъ водой. Свѣтятъ предательскимъ свѣтомъ маяки. Ихъ сторожа,—бѣдняка-грека, затеряннаго въ водномъ просторѣ,—можно купить и продать за грошъ мѣдный. А не покорится добромъ,—возьмутъ силой; что онъ подѣлаетъ противъ силы,—онъ, ничтожная песчинка. Это—самое излюбленное мѣсто нѣмецкихъ акулъ; здѣсь онѣ подстерегаютъ свою добычу и кидаются на нее.

А небо высыпало звѣздами, и море не шелохнется, горитъ своими блѣдными огнями, и маяки манятъ, зовутъ, одинъ за другимъ обступаютъ со всѣхъ сторонъ, разбѣгаются и глядятъ немигающимъ окомъ... Бѣжитъ впереди миноносецъ, чертятъ зигзаги транспорты, и вся армада новыхъ аргонавтовъ несется на сѣверо-востокъ...

Сегодня утромъ мы оставили налѣво Пелопоннесъ и изъ сѣти островов вошли въ Салоникскій заливъ. Тремя пальцами вытянулся въ море Халкидскій полуостровъ. На прощанье, острова, затонувшіе въ темно-синихъ волнахъ, пріодѣлись въ зелень. Но была своя жгучая, своеобразная прелесть и въ фіолетовыхъ скалахъ, прорѣзанныхъ, словно сгустками запекшейся крови, красноватыми жилами. Фіолетовые острова на синемъ морѣ...

Здѣсь волны стали зеленыя, сдвинулись съ трехъ сторонъ берега и кипитъ жизнь. Подлетѣлъ миноносецъ, повернулся и понесся прочь. Взметнулись легкими чайками рыбачьи паруса, закачались у пристаней корабли, и побѣжали вдоль моря дома и усадьбы.

Замкнулась вокругъ цѣпь фіолетовыхъ горъ. Смѣшались облака и вершины, и вся гамма нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ засверкала прощальнымъ привѣтомъ ушедшему солнцу. Бѣлый городъ на фіолетовыхъ склонахъ. Минареты. Горятъ зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ бѣлые корабли-госпитали. Свистятъ пароходы. Это—Салоники,—Солунь...

Салоники.

Водоворотъ племенъ, народовъ и армій... И какой красочный! Жжетъ южное солнце, по узкимъ улочкамъ бѣжитъ, шумитъ людская волна. Идутъ стройные, высокіе англичане; они выступаютъ съ такимъ видомъ, будто бы Салоники находятся неподалеку отъ Лондона; ихъ хаки мѣшается съ голубымъ французовъ, съ красными шароварами и фесками зуавовъ, съ чернымъ моряковъ всѣхъ націй, съ хаки греческой арміи. Послѣдняя заполняетъ собою все. Вылощенные греческіе офицеры и оборванные греческіе солдаты—главный военный фонъ картины. Но съ пришельцами они до чрезвычайности вѣжливы и козыряютъ безупречно. Мелькаютъ характерныя сербскія кэпи. Идутъ по улицамъ сѣдые библейскіе евреи, длиннобородые и важные, снуютъ пронырливые греки, хватаютъ васъ за руки и предлагаютъ на всевозможныхъ языкахъ все, что только существуетъ на землѣ. Сидятъ за прилавками турки, молчаливые и благожелательные, семенятъ женщины въ шароварахъ, съ покрываломъ на лицахъ, еврейки въ характерныхъ костюмахъ, дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ, простоволосыя и босоногія дѣвчонки, маленькіе татарчата. Ревутъ ослы, запружаютъ дорогу англійскіе колоссальные автомобили, скользятъ маленькія двуколки греческой арміи, орутъ фургонщики,

ѣдутъ драгуны, гремитъ артиллерія и плетутся на буйволахъ обозы. На ослахъ катитъ греческій вьючный обозъ, тутъ же замѣшались турчанки на мулахъ, въ арбахъ везутъ наше продовольствіе... Пронзительно кричатъ мальчишки и дѣвчонки названія греческихъ, турецкихъ, еврейскихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ и иныхъ газетъ. На всѣхъ языкахъ міра предлагаютъ, спрашиваютъ и ругаются въ Салоникахъ. Колоссальный международный котелъ, въ которомъ кипитъ полнымъ паромъ, бьетъ бѣлымъ ключомъ самая лихорадочная, безумная жизнь. Врядъ ли когда-либо на какомъ-нибудь другомъ пунктѣ нашей планеты происходило что-нибудь подобное.

Синее небо раскинулось надъ городомъ, окружили его фіолетовыя подъ вечеръ и розовыя на разсвѣтѣ горы, бьется, плещетъ о него зеленое море, заливаетъ золотомъ его улицы солнце, и бѣлые минареты стремятся оторваться отъ земли и утонуть въ небѣ. Темно-зелеными свѣчами встали кипарисы, и безмолвно глядятъ съ высотъ бойницы окружающихъ городъ стѣнъ. А на улицахъ бьетъ безумная жизнь. Словно въ фантастическомъ кинематографѣ, въ больномъ бреду, кружится передъ вами весь міръ, и это лихорадочное круженіе, эта безудержная энергія заражаетъ васъ, и хочется бѣжать въ общемъ водоворотѣ и кричать, и я не знаю что дѣлать. Ходишь пьяный-пьяный по шумнымъ улочкамъ, пьяный отъ этого гама, красокъ, солнца, движенія, и широко раскрываются глаза, и кружитъ въ головѣ, и всю бы жизнь, кажется, жилъ этой лихорадкой, этимъ бредомъ, подъ синимъ небомъ у зеленаго моря, среди фіолетовыхъ горъ, гдѣ такъ остро вонзаются въ небо легкіе, бѣлые минареты.

... Гдѣ другъ, гдѣ врагъ,—ничего не разобрать. Турокъ честно продаетъ товаръ, и надуваютъ всѣ остальные. Маленькій турчонокъ, провожатый по лавкамъ,

декламируетъ французское стихотворенiе, это,—чтобы порадовать насъ. Сербскимъ бѣженцамъ прислуживаетъ болгарскiй лакей. Во все мѣшается, во всемъ гадитъ, всюду шпiонитъ нѣмецкiй консулъ. Австрiйцы, итальянцы, сербы, болгары, турки и мы, остальные «союзники», встрѣчаемся на каждомъ шагу и вмѣстѣ катимся въ греко-еврейскомъ потокѣ по улицамъ Солуни,—нѣтъ, не Солуни, а Салоникъ, какого-то современнаго Вавилона...

— «L'Opinion, Opinion», франкофильскiй журналъ!— предлагаетъ черноглазый мальчишка.

— «Салоникскiй Курьеръ»,—журналъ «бошъ»!—кричитъ другой.

— Совсѣмъ не «бошъ», это—израелитскiй журналъ,— вступается третiй:—журналъ «бошъ»—«Новый Вѣкъ». Возьмите, господинъ, «Новый Вѣкъ»...

— Врешь ты, израелитскiй журналъ—все равно, что журналъ «бошъ»...

Начинается драка. Чтобы успокоить страсти, беремъ всѣ газеты. Богъ мой, что за восточная наглость!... И «наши», и «бошскiя», съ позволенья сказать, газеты возвѣщаютъ самые неслыханные успѣхи, огорашиваютъ необычайными цифрами.

Бѣгутъ улочки вверхъ, карабкаются къ старому форту, къ гордымъ башнямъ. Заворачиваютъ во всѣ стороны, переплетаются, разбѣгаются, ускользаютъ подъ слившiеся балконы. Тихо и тепло здѣсь,—такъ тихо и такъ тепло, какъ въ небольшюмъ городкѣ Закавказья, какъ въ далекомъ Ахалцихѣ... Легко идетъ турчанка, смѣется маленькая газель; «Франкъ, франкъ»,—кричатъ черноволосые мальчуганы... Важные сидятъ въ голубыхъ и лиловыхъ кофейняхъ греки и турки, пьютъ изъ маленькихъ чашекъ сладкiй восточный нектаръ и смотрятъ на все, на весь мiръ спокойными, мудрыми очами.

Карабкаются вверхъ наивные разноцвѣтные домики, небольшiя мечети со стрѣльчатыми минаретами, цер-

ковки съ потемнѣвшими крестами, синагоги со скрижалями. Тихо здѣсь послѣ фантасмагоріи европейскаго квартала. Тихо и сладко. Внизу разбросался больной, безумный городъ, зеленѣетъ заливъ, синѣютъ горы, несется аэропланъ, кружитъ орелъ.

Бьетъ копытомъ Сюркуфъ, храпитъ, прядаетъ ушами, косится по сторонамъ. Подозрительны ему эти улочки со скользкими плитами, цвѣтные домики, яркія краски, библейскіе старцы, ослы, арбы, кофейни... Храпитъ и осторожно идетъ по тихому лабиринту. Дошелъ до древней стѣны, проскочилъ въ круглый проломъ и наткнулся на... англичанокъ... Въ сѣрыхъ костюмахъ и съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, онѣ идутъ по предмѣстью, идутъ и ахаютъ.

... Откуда это? Изъ «Тысячи и одной ночи»? Взялись за руки пять гибкихъ, высокихъ парней въ красныхъ курткахъ и темно-каштановыхъ шароварахъ, гетры на ногахъ, барашковые береты на головѣ, синими поясами опоясаны. Бьетъ барабанъ, пищатъ дудки, играетъ зурна. Тихо - тихо покачивается хороводъ, плавная льется мелодія. Быстрѣе играетъ зурна, быстрѣе движутся парни. И понеслось, закружилось... Ихъ уже не пятеро, ихъ семеро, десять, я не знаю сколько... Заржалъ Сюркуфъ, прыгнулъ, какъ безумный, и понесся изъ волшебнаго предмѣстья.

Свиститъ вѣтеръ въ ушахъ, мелькаютъ кладбище, дома, бараки, дорога. Сюркуфъ летитъ по полямъ къ бѣлымъ палаткамъ, что выстроились на далекомъ склонѣ. Мчитъ безудержно. Кончилась все же сладкая погоня. Я соскакиваю наземь, смотрю въ его большіе, черные глаза. Смѣется товарищъ, будто спрашиваетъ: «Ну что, хорошо тебѣ?»

— Хорошо, хорошо,—кричу я ему, обнимая его умную морду.

Хорошо. И тихо. И солнечно.

Въ полѣ лагеремъ.

Послѣ феерическаго салоникскаго столпотворенія спокойно и привольно въ нашемъ лагерѣ. Да, въ нашемъ лагерѣ. «Нашъ лагерь»—это просторная долина между двумя цѣпями высокихъ холмовъ или, если хотите, невысокихъ горъ. Тѣхъ самыхъ холмовъ-горъ, что играютъ, смотря по времени и освѣщенію, всѣми красками. Чаще всего они фіолетовые, на закатѣ розовые, въ пасмурные дни сѣрые, а нынче бѣлые, какъ подвѣнечныя свѣчи. Между ними и по ихъ склонамъ разбѣжались палатки французскихъ, англійскихъ и греческихъ полковъ.

Голо, какъ на ладони, ни куста, ни деревца. Не зря, видно, хозяйничали здѣсь турки нѣсколько вѣковъ. А земля въ салоникской Кампаньѣ чудесная, тучная, почти дѣвственная.

— Эхъ, кабы не семья, переселился бы я послѣ войны сюда,—съ мечтательнымъ видомъ вздыхаетъ Кале, толстый, рыжій резервистъ, кучеръ эскадронной арбы. Таковъ вѣчный припѣвъ пахаря, какого бы роду-племени онъ ни былъ, куда бы ни забросила его ненарокомъ судьба. Такъ же мечтательно охали мои охотники, самарскіе мужички, глядя завистливыми очами въ прошлую кампанію на богатство и приволье манчжурскихъ пашенъ.

Голю, а ужъ красиво,—такъ красиво, что и не разсказать. Особливо по вечерамъ, когда зажгутся всѣ эти безчисленные долинные и горные палаточные города, загорится разноцвѣтнымъ фейерверкомъ портъ, заблестятъ моремъ огня Салоники. Съ нашего холма видно, освѣщенное луной, серебряное море, далеко по другую сторону рѣжетъ Кампанью Вардаръ, несутся неясные и манящіе звуки, и горы становятся больше, ближе и темнѣе, и звѣзды ярче, и лагери-города обширнѣе.

Мы вылѣзли на самую вершинку холма, разбили коновязь, поставили большіе бѣлые шатры—«марабу», натянули походныя палатки, вырыли кухни и успокоились. Потому что почувствовали себя дома. Быстро все это дѣлается. Еще недавно были гдѣ-то тамъ далеко, въ прекрасной Франціи, въ семь дней переплыли Серединное море, попали въ невѣдомое царство-государство, и черезъ два часа уже казалось, что весь свой вѣкъ мы стояли здѣсь, въ Кампаньѣ, и смотрѣли на море, горы и безвѣстныя дали...

Это—мы. А посмотрѣли бы вы на англичанъ. Они уже на пристани, только высадившись изъ шалюпъ, чувствуютъ себя хозяевами положенія. Грудь впередъ, глаза прямо передъ собой, съ иголочки снаряженные, молодецъ къ молодцу, они маршируютъ по улицамъ Салоникъ, какъ гдѣ-нибудь въ зеленомъ Типерари, и, Богъ мой, какими жалкими по сравненію съ ними кажутся греческіе солдаты, одѣтые, какъ и англичане, въ суконныя хаки. Словно смѣшная и жалкая пародія...

Ихъ обозы на ишакахъ, ихъ низкорослая конница, игрушечныя повозки, убогій блескъ офицерства и оборванность солдата,—все это не увеличиваетъ того большого значенія, которое неожиданно придало греческой арміи запутанное политическое состояніе Европы. Она окружила насъ, врѣзалась клиномъ въ наши лагери, но,

надо отдать справедливость, въ минуты самыхъ сильныхъ политическихъ осложненій ея солдаты и офицеры были необычайно предупредительны и любезны съ «союзниками», особенно съ французами.

Англійская метода дѣйствовать твердо и безъ экивоковъ распутала греческую загадку, хотя врядъ ли элладскіе германофилы могли бы произвести серьезную попытку подражанія Болгаріи. Я ужъ и не говорю о стальномъ поясѣ союзныхъ эскадръ и прекрасныхъ войскъ, высаженныхъ въ Салоникахъ: чувства большинства греческой націи—порука противъ авантюры. Но все же мы видѣли за послѣднее время столько невѣроятныхъ безумствъ, что предосторожность англичанъ пришлась кстати.

Два метода дѣйствія, двѣ націи, два характера. Французы высадились и моментально кинулись къ Криволаку. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ они бьются тамъ. Англичане сначала послали корабли, полные автомобилей, палатокъ, всякаго добра. Просто у нихъ сказочное богатство. Ведрами варенье, лучшіе консервы, прекрасныя папиросы, горы дровъ, углей, печи, всякій фуражъ, роскошныя палатки и пр., и пр. Они устраиваются прочно и съ удобствами.

Мы гораздо бѣднѣе, но зато въ первую голову идемъ впередъ. Тѣмъ временемъ, устроившіеся англичане подходятъ на подмогу, и мы устраиваемся въ свою очередь.

Но какая это прекрасная нація—французы. Словно искристое шампанское бьетъ въ ихъ жилахъ вмѣсто крови. Я былъ на концертѣ зуавовъ. Да, на концертѣ, устроенномъ полкомъ на третій или четвертый день по высадкѣ...

Подъ синимъ пологомъ неба, на холмѣ съ видомъ на море, насыпана небольшая земляная эстрада. Позади—фонъ изъ палаточныхъ полотнищъ съ трехцвѣтными флажками. На всѣ стороны горы, долины и лагери.

Оркестръ «зузу» (зуавовъ) и трубачи нашихъ «шасдафовъ» (chasseurs d'Afrique) играютъ маршъ зуавовъ. Ихъ красныя фески, широкія шаровары въ чудесной гармоніи съ моментомъ и окружающей картиной. Видали виды эти «зузу». Пять разъ перемѣнился ихъ составъ; офицеры въ немъ всѣхъ родовъ оружія, всѣ—въ крестахъ. Солдаты,—взглядъ смѣлый, открытый, лицо гордое, осанка граціозная и рѣшительная. Замѣчательный полкъ...

Выскакиваетъ на сцену комикъ,—и какой! Первоклассный... Хохотъ стоитъ надъ всей округой. Потомъ выходитъ шансонетный пѣвецъ, потомъ фокусникъ,—и все это лучшее, все первосортное. Появляется оперный артистъ, пожилой зуавъ, капралъ, заматерѣвшій въ бояхъ, и поетъ «Марсельезу». Какой простотой и грандіозностью дышитъ подъ чуждымъ небомъ великій гимнъ свободы. И какъ онъ кстати здѣсь. А затѣмъ поется гимнъ знамени. Сочинилъ этотъ гимнъ простой «зузу». И знаете ли, что для него знамя? «Знамя, это—символъ и ликъ Франціи на чужой землѣ, Франціи-освободительницы. Знамя, это—символъ свободы и равенства. Это—ликъ Франціи»...

... А нынче мы въ Россіи. Вчера цѣлый день лилъ дождь, рвалъ вѣтеръ. Мы лихорадочно врѣзывались въ землю и мокли. Сегодня же все бѣлымъ-бѣло. И горы, и долины, и не отличишь отъ снѣга палаточныхъ городовъ. Только море вдали голубѣетъ. Холодно. Рветъ палатки злой вѣтеръ, засыпаетъ снѣгъ, морозитъ. А мнѣ любо,—Россія да и только. Бѣло и тихо. Только лошади бѣдныя поникли головами и поджали хвосты.

Въ фіолетовыхъ горахъ.

Наша зима длилась недолго. И снова солнце, и краски, и поздняя весна на дворѣ. Или лучше—поздняя осень. Въ чуть-чуть туманной дали—фіолетовыя горы, а среди нихъ—на склонѣ,—бѣлая церковь, бѣлая деревушка вокругъ. Осѣдлалъ коня и поѣхалъ въ фіолетовыя горы. Чудно. Куда ни глянь,—лагери. Тамъ, справа,—англійскій, здѣсь—французскій, подалѣ—греческій, позади—сербы, что пришли вчера...

Хорошо ѣхать. Цѣлина дѣвственная,—ни полей, ни луговъ. Скачи на полной волѣ.

Вотъ и деревушка... Бѣдное «кафенето», вокругъ—сакли изъ глины и булыжника, прикрытыя заросшей мохомъ древней черепицей. Словно аулъ въ горахъ Кавказа, только почище.

Здѣсь у меня—пріятели. Во-первыхъ, маленькій Петро, потомъ Борисъ, потомъ Георгій и маленькая прелестная Ленка. Въ прошлый разъ дѣтишки кучей сбились вокругъ стола, съ любопытствомъ разглядывая меня и Сюркуфа. Говорили на какомъ-то невѣдомомъ нарѣчіи, смѣялись, толпились вокругъ лошади. Чтобы ихъ позабавить, я сказалъ Сюркуфу:

— Дай ногу.

Лошадь важно протянула ногу. Возгласъ всеобщаго изумленія повисъ въ воздухѣ. Эффектъ получился совершенно необычайный.

Минуту спустя всѣ дѣтишки приставали къ Сюркуфу, настойчиво требуя:

— Дай ногу, дай ногу...

Это меня нѣсколько поразило. И вдругъ Петро выговорилъ сующему во всѣ стороны свою ногу Сюркуфу:

— Добъръ день...

И потомъ, обращаясь ко мнѣ:

— Добъръ конь.

— Ты что, болгаринъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ.

— Сербъ?

— Нѣтъ.

— Грекъ?

— Нѣтъ.

— Кто же ты?

Мальчишка посмотрѣлъ на товарищей, засмѣялся и сказалъ по-гречески:

— Я—македонецъ, я—грекъ.

— А они?—показалъ я на дѣтвору вокругъ.

— Они — тоже македонцы, — и съ хохотомъ добавилъ:—Георгій—болгаринъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричалъ Георгій, — я — македонецъ!

— А ты кто?—задалъ онъ мнѣ въ свою очередь вопросъ.

— Я—русскій...

— Русскій?

Дѣтвора застыла, какъ зачарованная.

Но Петро не вѣритъ.

— Врешь, ты—французъ.

— Нѣтъ, русскій.

Подходитъ молодой чернобородый священникъ въ скуфейкѣ.

— Русскій, русскій!—кричатъ ему дѣтишки и указываютъ на меня.

Священникъ съ интересомъ приглядывается и тоже не хочетъ вѣрить.

Почему бы имъ не вѣрить?

Я стараюсь опредѣлить, къ какому роду-племени принадлежатъ дѣтишки. Увы!—это невозможно. Ихъ языкъ—смѣсь всѣхъ нарѣчій. Личики умныя, глаза быстрые, движенія ловкія. Одѣты они красочно. Шерстяныя куртки всѣхъ цвѣтовъ. Такія же шаровары. Шерстяныя, цвѣтныя же онучи на ногахъ. Маленькія шапки на головѣ. Голубое, коричневое, красное мѣшается въ причудливыхъ узорахъ. У многихъ вытатуированы синіе крестики на переносицѣ.

Начинается урокъ языка. Я ихъ учу французскому. Сперва счету. Вся ватага хоромъ повторяетъ за мной до десяти. Память у нихъ и способности большія.

Переходимъ на имена существительныя.

— Ля мезонъ,—показываю я имъ на домъ.

— Ля мезонъ,—повторяетъ Петро и добавляетъ: Трапези—по-гречески, киша—по-булгарски.

— По-булгарски?—переспрашиваю я.—Ты развѣ булгаринъ?

— Нѣтъ,—хохочетъ Петро,—я же тебѣ сказалъ, что я—грекъ, македонецъ.

— Ля табль,—продолжается урокъ.

— Спити—по-гречески, трапѐза—по-булгарски.

— Столъ—по-русски,—добавляю я.

— Столъ—по-русски,—эхомъ отвѣчаетъ дѣтскій хоръ.

Маленькая Ленка улыбается и тянетъ ручонку за конфеткой.

Женщины, некрасивыя, работаютъ вокругъ русской печи, таскаютъ изъ нея лопатой хлѣбы. Смѣсь украшеній изъ бусъ и изъ вышивокъ: не то востокъ, не то югъ отпечатлѣлъ на ихъ лицахъ странное выраженіе бойкости и застѣнчивости. Бѣдно вокругъ,—такъ бѣдно, что и сказать трудно. Бѣжитъ по долинѣ бѣлое стадо

барановъ. Играетъ пастухъ на свирѣли. Заунывная пѣсня, а повыше, въ скалахъ фіолетовыхъ горъ, протяжно и грустно ржетъ одинокая лошадь. Кружитъ въ вышинѣ стервятникъ...

Затерялась маленькая деревушка съ бѣлой церковью въ салоникской Кампаньѣ. Что за люди въ ней?

... Нынче дѣтишки непривѣтливы, убѣгаютъ во всѣ стороны; женщины ничего продать не хотятъ. Добиваюсь, почему.

Старый - престарый старикъ. Не говоритъ ни по - гречески, ни по - болгарски. Мой спутникъ спрашиваетъ его по-турецки. Оживился старикъ, заговорилъ.

— Нельзя продавать,—греческія власти запретили.

— Да кто же вы?—допытываюсь у старца.

— Мы—христіане, христіане - македонцы.

— Это—дьяволы, черти,—ввертываетъ свое словечко греческій солдатъ.—Сегодня турки придутъ,—они будутъ турки, завтра болгары,—станутъ болгары, сербы,—перевернутся въ сербовъ, нынче они—греки. А по-моему—дьяволы. Живутъ они здѣсь съ незапамятныхъ временъ, говорятъ на неизвѣстномъ языкѣ, никто ихъ не понимаетъ. И сербскія, и греческія, и болгарскія слова, а нѣтъ языка. Сущіе черти.

— Такъ, такъ,—киваетъ головой старикъ,—македонцы, христіане.

Я смотрю въ сторону, въ надеждѣ увидѣть Ленку. Она и впрямь бѣжитъ, только ножонки сверкаютъ, а близко не подходитъ. Этакая дѣвченочка...

Ушелъ старикъ. Уѣзжаемъ и мы.

Есть такія деревушки въ далекой Африкѣ. Съ незапамятныхъ временъ пришли туда чуждые роды и живутъ своей особенной жизнью среди компактной однородной массы населенія. Говорятъ на своемъ особенномъ языкѣ. Когда они пришли туда? Во времена Рима, а, можетъ быть, и раньше.

Здѣсь то же самое. Мощныя волны человѣческихъ потоковъ неслись по этимъ горамъ и долинамъ Македоніи, ихъ осадки образовали новую національность, и живетъ она своей особенной ужасной жизнью. Нынче турокъ, завтра сербъ, грекъ, болгаринъ... И пишутся томы изслѣдованій, льются рѣки крови, ревутъ вокругъ ураганы страстей. И всякъ твердитъ: македонецъ, это—грекъ, македонецъ, это—болгаринъ, македонецъ, это—сербъ.

А старикъ въ фіолетовыхъ горахъ у бѣлой церковки по-турецки отвѣчаетъ:

— Мы—македонцы-христіане.

Правъ ли онъ? А македонцы-мусульмане? Навѣрное, и среди нихъ найдется не одинъ старикъ, который на проклятый вопросъ отвѣтитъ, покорно сгибая голову, на болгарскомъ или сербскомъ языкѣ:

— Мы—македонцы, македонцы-мусульмане.

Вдали—небольшая усадьба. Сакля, огородъ,—ни забора, ни деревца. Два грека ѣдятъ изъ тазика вареную капусту. Черная кошечка, рыженькая собачка вьются, увиваются вокругъ. Отставили свой тазъ, медленно утерлись рукавами, медленно заговорили. А кошечка вѣжливо сунула рыльце въ тазъ. Поѣла, поѣла и уступила собачкѣ. Такъ вся усадьба изъ одной посудины одной пищей живетъ. Два грека, рыжая собачка и черненькая кошечка. Свиститъ свирѣль. Кружитъ орелъ. И тихо кругомъ.

Грекъ осуждаетъ свое правительство.

— Нехорошо, — говоритъ онъ, — бросили серба въ бѣдѣ. Когда два друга въ счастьѣ,—нехорошо измѣнять въ бѣдѣ. Вѣрно я говорю?

— Такъ, такъ,—киваетъ другой.—Нынче пушки слышнѣе, вонъ оттуда. Съ той стороны, съ которой сербы въ томъ году вошли въ Солумъ.

Солумъ, это—Салоники.

Вѣрно, въ двѣнадцатомъ году сербы вошли съ одной стороны, греки—съ другой, болгары—съ третьей. А теперь, черезъ три года всего, снова сошлись въ Солумѣ балканскіе народы. Голодныя толпы сербскихъ бѣглецовъ, греческія мобилизованныя войска, — не разобрать, противъ кого они мобилизованы,—болгарскіе торжествующіе шпіоны и агенты. И кажется мнѣ, усмѣхается чинъ турецкаго консульства, что повстрѣчался вчера въ улицахъ Салоникъ съ оттоманскимъ гербомъ на фескѣ. Правда и то, что маленькій турчонокъ закричалъ по дорогѣ «Vive la France» и привѣтливая скользила улыбка на устахъ важныхъ ханумъ въ узкомъ переулочкѣ подлѣ бѣлой мечети. . . . . .

Разбрелись во всѣ стороны, сшиблись въ кровавой схваткѣ вчерашніе друзья. Погромыхиваютъ пушки. Правѣе блеститъ Вардаръ. Свѣтитъ солнце. А въ деревушкѣ среди фіолетовыхъ горъ старикъ съ тоской, навѣрное, думаетъ:

«И кѣмъ мнѣ придется быть завтра?».

Въ туманѣ.

Греки, сербы, болгары, нѣмцы, французы, турки, англичане, итальянцы, австрійцы,—вся интернаціональная гамма уже бьющихся или готовыхъ примкнуть къ бьющимся народовъ совершенно мирно уживается въ Салоникахъ. Продаетъ и покупаетъ, наводняетъ улицы, магазины, кафэ и кинемо-театры, смѣется, разговариваетъ, словно никогда и нигдѣ не гремѣла канонада, словно въ безумномъ ожесточеніи не дрались между собой ея солдаты.

Правда, это самое мирное сожительство создано войной и войною же держится,—изъ - за войны понаѣхало сюда столько всякаго народа. Тѣмъ не менѣе люди другъ другу въ горло не вгрызаются.

И странно, что какой-то условный законъ нейтралитета, мѣшающій взаимоистребленію здѣсь, безсиленъ въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ.

Ходишь по улицамъ, улочкамъ, переулкамъ, по новымъ и старымъ кварталамъ и все не можешь примириться съ мыслью, что это—наши враги.

Особенно турки.

Они къ вамъ благожелательны и честнѣе всѣхъ прочихъ. Маленькіе турчата нерѣдко бойко говорятъ по-французски,—результатъ пропаганды французскихъ католической и свѣтской миссій,—старые съ видимой ла-

ской привѣтствуютъ васъ. И выгодно отличаются отъ всѣхъ прочихъ вѣжливостью, полной благороднаго достоинства.

Зашелъ въ восточную молочную. Попросилъ каймака. Каймакъ густой, вкусный... А потомъ широколицый, добродушный молодой турокъ спрашиваетъ:

— Франкъ?

— Нѣтъ, русскій.

— А, русскій, очень хорошо, очень пріятно.—И прикладываетъ руку къ сердцу, и широко улыбается, и даетъ лишняго каймаку. Что ему высокая политика, и война, и ненависть?..

Туманнымъ зимнимъ утромъ бросили мы нашъ лагерь у Зейтанлика, что̀ раскинулся на холмѣ, надъ моремъ, и пошли къ сѣверу, гдѣ гремятъ пушки.

Да какая же это бѣдная страна!..

Туманъ холодный, густой и липкій, мокрая дорога и ничего по сторонамъ. Ни полей, ни рощъ, ни деревьевъ. Рѣдко жилье, да и то въ развалинахъ.

Только англійскіе безконечные обозы, батареи и полки нежданно выплываютъ изъ тумана. Выплываютъ и вновь исчезаютъ.

Подошли къ Галико. На немъ—новенькій мостъ, а у моста англичане запрудили рѣку, поставили насосы и качаютъ воду. Строятъ дороги, строятъ дома.

Какъ должно поражать бѣдныхъ крестьянъ этой бѣдной страны несчетное богатство западныхъ народовъ, пославшихъ сюда свои войска. Особенно англійское богатство. Всѣ эти роскошные мулы и лошади, сбруя, экипировка, автомобили, фургоны, продовольствіе.

Свернули вправо отъ рѣки и пошли безотрадной степью. Туманъ опустился настоящей завѣсой, ничего не видно вокругъ. Только узкая не то дорога, не то тропа. Пистъ,—какъ называютъ ее французы. Вьется пистъ сквозь туманъ, ведетъ насъ къ сѣверу. Идутъ кони,

пристально глядимъ мы по сторонамъ, чтобы не сбиться. А карта такая, что довѣриться нельзя. И запутались-таки, но быстро вышли на свой пистъ.

... Разбита деревня, сожжена до тла. Только три—четыре бѣдныхъ сакли уцѣлѣли. Стали въ одной изъ нихъ на ночлегъ. Въ большомъ дворѣ привязали коней, въ амбарѣ помѣстили егерей, а сами устроились въ саклѣ. Черная, закоптѣлая, голыя стѣны, убогій очагъ и двѣ жалкихъ кровати. Хозяинъ—пожилой грекъ. Смотритъ на насъ, предлагаетъ свой домъ. Сидитъ у огня важный, въ каракулевой шапкѣ, въ очкахъ, смотритъ и думаетъ. И кажется, что всю свою жизнь не выходилъ онъ изъ этихъ безотрадныхъ полей.

Какъ бы не такъ! У него сынъ въ Женевѣ учится, онъ живетъ въ собственномъ домѣ въ Салоникахъ, и во всѣхъ балканскихъ столицахъ онъ—свой человѣкъ. На всѣхъ языкахъ балканскихъ говоритъ.

Обрадовался, что говорю я по-русски, что понимаю по-македонски. И заговорилъ, затарахтѣлъ безъ конца. Ему, вишь ты, шестьдесятъ пять лѣтъ. Занимался торговлей и теперь сюда пріѣзжаетъ торговать. А деревня вся ему принадлежитъ.

— Ты пойми,—толкуетъ онъ мнѣ,—я здѣсь генералъ. Твой генералъ набольшій надъ войскомъ, а я генералъ надъ округой.

— Хорошо, а какъ ты попалъ сюда?

— Какъ? А какъ греки деревню пожгли, деревня-то была болгарская, я и пришелъ сюда. Все мнѣ теперь принадлежитъ...

Заходятъ странные люди. Покупаютъ у стараго соль. Крикъ, ругань,—все ему мало.

А потомъ вышелъ на дворъ и затѣялъ перебранку съ молодой.

— Безстыдница,—кричитъ ей,—пошла, пошла отсюда.

— Цыганка,—объясняетъ онъ мнѣ,—здѣсь теперь нѣсколько домовъ цыганъ живетъ. Все мои люди.

— Магометъ, — останавливаетъ онъ молодого, гибкаго турка. — Магометъ, что такъ шляешься безъ дѣла?

Магометъ скалитъ зубы, проситъ у меня папироску.

— Дезертиръ турецкій, — говоритъ старикъ,—хорошій человѣкъ.

Входимъ въ саклю, въ «кучу»—по-македонски. Нашъ поваръ Демуль, служившій въ отелѣ Терминусъ, готовитъ на очагѣ обѣдъ. А помогаетъ ему старый турокъ. Старый, красивый, какъ красива старая картина. Гордый профиль, горящія очи, благородный, важный, молчаливый. Турокъ вертитъ вертелъ; причудливо смѣшались въ полумракѣ надвигающагося вечера надъ очагомъ двѣ фигуры,—молодого Демуля и стараго турка. Смѣшались и ихъ фески. Обѣ одинаковыя, только егерь безъ тюрбана:

— Человѣческая комедія,—вздыхаетъ генералъ, созерцая эту мирную картину.

— Добаръ чёвекъ, не слуга, другъ,—показываетъ на турка грекъ.—Честенъ чёвекъ.

А на утро другъ на данный нами бакшишъ купилъ у грека патроны и пошелъ на охоту. Только долго спорилъ и кричалъ—надулъ его грекъ.

Снова туманъ, еще гуще, еще липче, еще непрогляднѣе. Рѣдко попадется по дорогѣ сожженная деревушка. Тутъ всѣ деревушки спалены. Въ этой округѣ ихъ жгли греки, потому что населеніе было болгарское; въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, то же самое дѣлали болгары съ греческими жителями, въ третьихъ—сербы, въ четвертыхъ—турки... Только и добились македонцы, что всеобщаго разоренія. Запустѣли поля, поросли травой развалины, замерла жизнь...

— Освободительная война, — вздыхаютъ жители.—

Освободительная,—все сожжено, все разбито, все согнано. Подъ туркомъ лучше было...

Вьется тропа безъ конца, узкой грязной лентой. Трудно здѣсь пройти обозу и артиллеріи. Слышнѣе гремятъ пушки.

Догоняютъ насъ въ туманѣ наши два велосипедиста, Кальве и Фернуксъ.

— Гдѣ вы пропадали, друзья?

— Заблудились вчера, лейтенантъ, отстали въ дорогѣ.

— Гдѣ же вы ночевали?

— А у турка одного. Чудной турокъ. На стѣнѣ—три карабина, на самомъ—револьверъ. Но только человѣкъ славный. Накормилъ, уложилъ, а самъ всю ночь у огня сидѣлъ съ ружьемъ въ рукахъ. Видно, насъ оберегалъ.

И не хочется вѣрить, что гдѣ-то тамъ, въ Малой Азіи, такіе же славные, хорошіе люди рѣжутъ, жгутъ беззащитное армянское населеніе, уничтожаютъ цѣлый народъ. Не хочется вѣрить, но знаешь, что это правда. Странно все на бѣломъ свѣтѣ дѣлается...

Тѣ же пустыя долины, окутанныя туманомъ, тѣ же развалины, тотъ же туманъ. Вдругъ выплываетъ изъ тумана стадо барановъ, курчавыхъ, покорныхъ, съ высокимъ пастухомъ. Заговоришь съ нимъ,—отвѣчаетъ по-болгарски, по-македоно-болгарски. Да на поворотѣ дороги встанетъ арабской аркой восточный фонтанъ съ надписью изъ Корана. Кони жадно пьютъ воду, полощутъ ноздри, и снова въ путь.

И снова сбились въ туманѣ. Компасъ показываетъ сѣверъ направо. Взяли направо. Наткнулись на развалины. Надъ горой—сожженная деревня. Внизу журчитъ рѣка, шумитъ мельница.

— Гдѣ мы?—спрашиваю я у чабана.

— Маловцы, братъ, Маловцы тукъ (здѣсь), тамо—водяница (мельница).

Спустились къ рѣкѣ. Разсѣялся туманъ на мгновенье, побѣжали по сторонамъ высокіе берега Джель-Ажака, змѣей извивающагося между ними. Выбрались на косогоръ. Снова туманъ. А пушки гремятъ совсѣмъ - совсѣмъ близко. Кто-то засвистѣлъ въ сторонѣ. Окликнули. Подошелъ грекъ, желѣзнодорожный караульщикъ.

— Покажи, братъ, дорогу въ Чугунцы.

— Да она вотъ, передъ вами.

— Хвала, братъ.

Сербы въ Салоникахъ.

Какъ писать объ этихъ храбрыхъ, стойкихъ людяхъ, объ этой небольшой, но такой героической націи, такъ много перестрадавшей, такъ сильно поплатившейся за свою вѣрность данному слову и за вольныя и невольныя ошибки своей и европейской дипломатіи?

Слова любви и уваженія? Но вѣдь ихъ столько уже было произнесено... Да и развѣ можно словами выразить полностью эти два глубочайшихъ чувства?

Слова восторга передъ ихъ удивительнымъ геройствомъ? Безполезно... Ихъ дѣла въ прославленіи не нуждаются. Они—сама слава...

Слова сочувствія и ободренія?.. О, только не это... Помню, я сидѣлъ за столомъ рядомъ съ сербомъ, прикомандированнымъ къ штабу одной изъ нашихъ дивизій. И случайно взглядъ его упалъ на обложку иллюстрированнаго итальянскаго журнала,—журнала, который всегда былъ безкорыстнымъ другомъ страдающихъ. Я пододвинулъ ему его. Съ какой болью и негодованіемъ заговорилъ сербъ, какимъ возмущеніемъ звучалъ его голосъ!..

— Ихъ сочувствіе, ихъ ободреніе... Имъ легко давать эти сочувствія и ободренія... только уже лучше бы они насъ оставили въ покоѣ...

На обложкѣ маленькой крестьяночкѣ - Сербіи бравый

итальянскій берсальеръ давалъ, напирая на свое могущество, какія-то торжественныя обѣщанія...

Я понимаю всю горечь такого возмущенія. Сочувствія и ободренія со стороны разоренной Бельгіи или сожженной Польши не вызвали бы подобнаго отпора. Вѣдь только тотъ, кто самъ перестрадалъ, дѣйствительно понимаетъ и дѣйствительно сочувствуетъ чужому горю...

Ихъ было сначала много въ Салоникахъ. Часть арміи,—правда, незначительная, вѣрнѣе—отдѣльные люди изъ разныхъ полковъ,—прошла сюда черезъ Албанію вмѣстѣ съ бѣженцами изъ занятыхъ болгарами провинцій.

Ихъ высокія, стройныя фигуры, ихъ красивыя, открытыя лица выгодно отличались отъ низкорослой, микроцефалической массы мѣстнаго населенія. Ловкіе, изящные офицеры появились повсюду; солдаты мрачные и угрюмые, только-что перенесшіе всю тяжесть неслыханныхъ лишеній, не знающіе, что дѣлать сегодня, что будетъ завтра, влились новымъ своеобразнымъ потокомъ въ военную разноцвѣтную массу Салоникъ. Зазвучала сербская рѣчь, наполнились сербскія столовыя, замелькали мужчины, женщины и дѣти славянскаго типа въ своихъ своеобразныхъ расшитыхъ шерстяныхъ костюмахъ.

Что перенесли всѣ эти люди, чѣмъ и какъ они жили въ первые дни,—никто не вѣдаетъ. Но необходимыя мѣры были приняты быстро. Англійскія миссъ и миссисъ изъ Краснаго Креста разбили большой лагерь громадныхъ шатровъ,—настоящіе полотняные дворцы. Образовался комитетъ, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ жены русскаго консула, доставляющей миссъ и миссисъ деньги на пропитаніе бѣженцевъ.

Я былъ въ этомъ лагерѣ... Дѣтишки весело играли наружи, бѣгали подъ яркимъ солнцемъ; ихъ дѣтскія сердца уже позабыли черные дни. Маленькая, расче-

санная на двѣ косички, кудряво-каштановая головенка, такая милая, такая наивная, мелькала въ серединѣ хоровода. Полы шатровъ были широко распахнуты, и ихъ населеніе сбилось у входовъ, разглядывая насъ съ любопытствомъ. На выметенномъ, хорошо утрамбованномъ земляномъ полу стояли чистыя кровати; посрединѣ топилась печь. Мужчины и женщины размѣщены по разнымъ шатрамъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ ними, но робость прикоснуться къ чужому горю связывала мнѣ языкъ. Молчанье прервалъ священникъ, сербскій попъ въ скуфейкѣ, въ подрясникѣ, съ быстрыми печальными глазами.

— Вотъ и живемъ, господинъ, что дальше будетъ,— не знаемъ. Говорятъ, повезутъ насъ на Корсику...

— А почему вы, батя, бѣжали?

— А какъ не бѣжать, когда болгары подходили къ нашей деревнѣ,—вступилась попадья, не старая еще, простоволосая женщина,—вступилась и вдругъ заплакала.—Ночью схватились съ кроватей и ушли безъ всего. Вотъ этихъ дѣтей съ собой забрали, а одну дѣвочку забыли. Такъ и не знаемъ,—жива она, гдѣ она; мы здѣсь, а дитя тамъ...

Плачетъ попадья, моргаетъ глазами попъ, смотритъ въ сторону молоденькая миссъ. А дѣтишки кричатъ, хохочутъ, бѣгаютъ по солнцу.

— Развѣ болгары дѣлали зло населенію?

— Какъ не дѣлать, оттого и бѣжали, что убивали насъ болгары.

— Вы сами, батя, видѣли убитыхъ?

— Я не видѣлъ, но только извѣстно, неподалеку отъ насъ цѣлую деревню вырѣзали...

— Хорошо,—перебиваю я его,—отчего же, если болгары всѣхъ убивали, населеніе не убѣжало все цѣликомъ?

— Болгары,—вмѣшивается въ разговоръ сербскій чи-

новникъ,—причиняли зло сербскому элементу въ ново-завоеванной сербами Македоніи. Зачѣмъ имъ обижать все населеніе, если среди него много ихъ же болгаръ. Ну, а нашимъ попамъ, учительницамъ, чиновникамъ, вообще сербамъ, они много зла дѣлали. Злодѣи...

Я понимаю, въ чемъ дѣло. Болгары главнымъ образомъ ополчились противъ тѣхъ, кто велъ сербскую пропаганду на отнятой у нихъ по бухарестскому трактату территоріи. Вообще же, сколько я ни разспрашивалъ, какъ будто особенныхъ массовыхъ звѣрствъ они на сей разъ не производили. Указываютъ на Митровицу, еще на два, на три мѣста, на случаи отдѣльныхъ безобразій, но системы въ насиліяхъ какъ будто не было. Такое впечатлѣніе я, по крайней мѣрѣ, вынесъ изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ бѣженцами. Всю истину, впрочемъ, можно выяснить только при помощи спеціальныхъ разслѣдованій.

Здѣсь ихъ пріютили и кормятъ. Кормятъ довольно скудно, такъ какъ у комитета денегъ мало. Во Флоринѣ, въ Аѳинахъ, въ Салоникахъ и другихъ мѣстахъ, повсюду—такіе лагери, поддерживаемые французами и англичанами. «Вѣрная союзница» Сербіи,—Греція,—ничего, кромѣ затрудненій сербскому народу, даже и въ этихъ особенныхъ обстоятельствахъ, не чинитъ...

Мало-по-малу бѣженцевъ какъ изъ Греціи, такъ и изъ Албаніи перевозятъ въ теплую, солнечную Корсику. Къ прекрасному Аяччіо. Тамъ французское правительство даетъ имъ пріютъ, а англійское—беретъ на себя ихъ содержаніе. Будутъ организованы разныя работы. Нѣсколько тысячъ дѣтишекъ отправлены во Францію, во французскія школы. Сосредоточеннымъ въ Албаніи сербамъ, по мѣрѣ силъ, помогаетъ Италія. Во всей Англіи и Франціи формируются многочисленные комитеты по оказанію помощи изгнанникамъ героической маленькой страны.

Солдатъ тоже прибрали къ мѣсту. Я ихъ видѣлъ въ сформированныхъ воинскихъ частяхъ. Что за прекрасное войско! Они строятъ дороги, копаютъ траншеи и хотъ сейчасъ готовы въ бой... То же, что осталось въ Албаніи, перевозится на Корфу, во владѣнія Вильгельма, и отдохнувшая, реорганизованная сербская армія еще не одинъ бой дастъ не смогшему ее сломить противнику.

Но все это въ будущемъ... А пока? Пока грустны сербы.

— Нѣтъ Сербіи, потерялъ сына, семья—не знаю, гдѣ осталась,—говоритъ мнѣ знакомый,—потерялъ все. Ничего нѣтъ...

— Какъ ничего, а надежда?

— Надежда,—и онъ слабо улыбнулся,—надежда осталась... Только надежда впереди, а сейчасъ ничего, ничего нѣтъ...

И сжимается сердце, и печально, и грустно, и стыдно становится. Стыдно потому, что всѣ мы не безъ вины въ ихъ горѣ. А тутъ еще выходитъ такъ, что мы, русскіе, меньше всѣхъ помогаемъ имъ теперь, когда бѣда уже разразилась надъ ними...

Генералъ Саррай.

Вчера на нашъ участокъ фронта пріѣхалъ главнокомандующій. Генералъ Саррай пріѣхалъ не одинъ, а съ гостями, да съ какими! Съ греческими генералами, съ самимъ командующимъ салоникскимъ округомъ генераломъ Москополусомъ и съ офицерами греческаго генеральнаго штаба. Нашъ полковникъ ожидалъ ихъ съ другой стороны, и я съ моимъ пріятелемъ Вареномъ, молодымъ лейтенантомъ, были одни у бетонированнаго редута, когда вблизи показалась кавалькада.

— Tiens,—сказалъ Варенъ,—это онъ, не иначе, какъ онъ...

Дѣйствительно, прямо къ намъ, окруженный нѣсколькими всадниками, на покрытой красной попоной лошади ѣхалъ генералъ Саррай. Мы поспѣшили къ нему навстрѣчу. Главнокомандующій спрыгнулъ съ юношеской легкостью, и осмотръ начался. Всѣ влѣзли въ . . . , прошли его зигзагами внутрь и стали восхищаться. У грековъ глаза разбѣжались. Еще бы: здѣсь же рядомъ остатки примитивныхъ траншей войны 1913 года, а тутъ...

— А это что такое? Для чего здѣсь отверстіе? Почему впереди то-то?—сыпалось со всѣхъ сторонъ.

Гости разглядывали мельчайшія детали и, казалось, готовы были все заучить, все измѣрить. И то сказать,

передъ ними впервые открылась самая полная, самая совершенная школа современной войны, ея настоящая лабораторія.

Мы давали подробныя объясненія, водили гостей по всѣмъ закоулкамъ. Генералъ Саррай смотрѣлъ на все съ ласковой, довольной улыбкой хозяина прекрасно устроеннаго имѣнія, давшаго главныя линіи плана и хорошо знающаго его цѣну.

На фонѣ окружающихъ офицеровъ выгодно выдѣлялась его высокая, стройная фигура. На почти юношескомъ, прекрасномъ лицѣ, странно гармонировавшемъ съ сѣдыми усами и сѣдой головой, свѣтились глубокіе голубые глаза, все видящіе, все помнящіе и привѣтливые. Но это очаровательное лицо выражало вмѣстѣ съ тѣмъ непреклонную волю и желѣзную рѣшимость. Говорятъ, разгнѣванное оно величественно. Его присутствіе не стѣсняло насъ, простыхъ офицеровъ, но, наоборотъ, вызывало въ насъ бо́льшую живость и сообщительность. Въ главнокомандующемъ чувствовался подлинный демократизмъ генерала самой демократической страны, смѣшанный,—я бы сказалъ,—съ аристократизмомъ натуры. И потому въ его присутствіи было свободно, легко и хорошо.

Прискакалъ предупрежденный нарочнымъ нашъ полковникъ, строгій солдатъ, настоящій военный ученый, командиръ и создатель этого участка и начальникъ бригады, вынесшей на себѣ весь болгарскій натискъ на лѣвый флангъ союзной арміи во время замѣчательнаго отхода сквозь балканскія ущелья. Осмотръ продолжался. Теперь мы направились къ укрѣпленію.

Генералъ Саррай!.. Это имя—одно изъ очень громкихъ во Франціи, изъ разряда такихъ именъ, которыя возбуждаютъ тѣ или иныя чувства, но ни въ какомъ случаѣ не оставляютъ равнодушнымъ. Боевое имя... Коротко говоря, часть французовъ въ свое время находи-

ла его черезчуръ республиканскимъ генераломъ... Въ качествѣ такового онъ въ теченіе слишкомъ года защищалъ отъ бѣшеныхъ нѣмецкихъ атакъ Верденъ и, несмотря на ярость стоявшаго передъ нимъ кронпринца, не уступилъ ему ничего изъ занятыхъ позицій. Въ качествѣ такового онъ принялъ командованіе восточной арміей или, какъ говорили злые языки находившихъ его «черезчуръ республиканскимъ», арміей «Большого Востока» [1]. А потомъ,—потомъ все измѣнилось...

— Eh, mon vieux,—неожиданнымъ басомъ бубнилъ мнѣ маленькій, щуплый офицерикъ, украшенный военнымъ крестомъ съ пальмами и нѣсколько разъ раненый,—это—человѣкъ!.. Я вамъ говорю, это—человѣкъ съ кулакомъ. Га-а... Онъ не шутитъ, этотъ генералъ.

И помолчавъ добавилъ:

— Раньше я его не очень-то обожалъ. Я, скажемъ откровенно,—не приверженецъ всякихъ лѣвыхъ идей. Считаю, что имъ въ арміи не мѣсто. Ну-съ, когда война вспыхнула, я сію же минуту поступилъ на службу. Не потому, что «республика» и все прочее... «Eh, mon vieux,—сказалъ я себѣ,—нечего тутъ мудрить и размышлять. Тутъ замѣшана честь Франціи, честь всей Европы, честь всей цивилизаціи et me v'là»...

Онъ остановился, передохнулъ и продолжалъ:

— Ну-съ, меня и засунули въ «его» армію. Все это,—офицерикъ указалъ на галуны и крестъ,—я заработалъ тамъ у него, подъ Верденомъ. Но говорилъ я себѣ всякій разъ: «Mon vieux, все это хорошо, но я все-таки не очень-то тебя обожаю». Ну, а теперь, если надо, пусть только онъ скажетъ, я дамъ себя на куски изрѣзать!' Да...

— Почему же,—попробовалъ я вопросить,—такая перемѣна?

---

[1] „Grand Orient"—знаменитая масонская ложа.

— Почему?—разсердился мой собесѣдникъ.—Почему? Да потому, nom de Dieu, что это—человѣкъ. Человѣкъ съ кулакомъ, говорю я вамъ. Человѣкъ, какого намъ надо.

Вотъ какъ выражался о главнокомандующемъ очевидный роялистъ. Но все же, почему такая перемѣна? Почему къ его многочисленнымъ почитателямъ присоединились и тѣ, кто еще недавно, говоря словами офицерика, «не очень-то обожалъ его»?

Три факта тому причиной. Первый—знаменитое отступленіе союзной арміи съ такъ-называемыхъ криволакскихъ, между Черной и Вардаромъ, позицій; второй—укрѣпленіе Салоникъ; третій—его политика въ Греціи.

Вы припоминаете, конечно, что вначалѣ, когда на Сербію уже обрушились австро-германо-болгарскія арміи, наши войска, немногочисленныя и отдѣленныя отъ базы 150-тиверстнымъ разстояніемъ, были скорѣе выраженіемъ воли Франціи, носителями чести союзниковъ, не бросившихъ на произволъ судьбы героическую Сербію, были скорѣе залогомъ грядущей помощи, головнымъ ея отрядомъ, чѣмъ дѣйствительной, самостоятельной силой. Для этого они были слишкомъ немногочисленны. И потому съ проникновеніемъ болгаръ въ бабунское ущелье и съ маршемъ ихъ на Монастырь положеніе нашихъ войскъ у Криволака, отрѣзанныхъ отъ сербской арміи, отступавшей въ Албанію, могло стать совершенно отчаяннымъ. Они вѣдь представляли собой песчинку, затерянную среди океана покрытыхъ снѣгомъ горъ. Они рисковали быть обойденными со всѣхъ сторонъ. И тогда всему дѣлу союзниковъ въ Македоніи наступилъ бы безповоротный конецъ.

Положеніе ухудшалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ виду трудности правильнаго подвоза у нашихъ позицій въ Сербіи были сосредоточены большіе запа-

сы снаряженія и продовольствія. Тѣмъ не менѣе генералъ Саррай рѣшилъ, что ни одинъ клочокъ сѣна, ни одна щепка дровъ не должны достаться непріятелю. И начался безпримѣрный отходъ по узкимъ ущельямъ Вардара, сквозь Демиръ-Капу, знаменитыя «Желѣзныя Ворота», по узкой и единственной тропѣ, вьющейся по карнизу надъ клокочущимъ внизу Вардаромъ. Въ бурю, по снѣгу, сквозь туманы, подъ напоромъ превосходящаго числомъ противника медленно съ боями отходили войска на заранѣе назначенныя позиціи. Отходили, не только увозя и унося съ собой все принадлежащее арміи, но и все то, что могло бы въ оставляемой странѣ послужить непріятелю. Отходили, не только разрушая за собой всѣ пути сообщенія, но и нанося многочисленному противнику такія потери, отъ которыхъ онъ еще до сихъ поръ не можетъ оправиться. И, когда этотъ изумительный, во-время предпринятый стратегическій отходъ окончился, Салоники оказались подъ защитой нетронутой арміи, недостаточной для дѣйствій въ горахъ Сербіи, но способной прикрыть приморскую Македонію. «Союзное» дѣло было отнынѣ спасено...

Войска остановились на заранѣе выбранной линіи и сразу же принялись за работу. Со сказочной быстротой вырастали укрѣпленія, и какія укрѣпленія!..

Такимъ образомъ, не только были сохранены головныя войска, но и воздвигнутъ мощный плацдармъ, въ который могли быть влиты новыя арміи и изъ котораго въ ближайшемъ будущемъ нанесенъ будетъ смертельный ударъ германскому дѣлу на Балканахъ. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что македонскія укрѣпленія генерала Саррай останутся въ учебникахъ военнаго искусства классическимъ и совершеннымъ образцомъ полевой фортификаціи.

Но болѣе всего, быть можетъ, поразила и привлекла къ главнокомандующему общіе восторги и симпатіи его

политическая линія поведенія по отношенію къ Греціи. Вѣрнѣе,—по отношенію къ двумъ Греціямъ. Ибо есть двѣ Греціи. Народная, симпатизирующая правому дѣлу союзниковъ, считающая себя обязанной помочь Сербіи, и Греція офиціальная, выразительница ничтожнаго меньшинства, гипнотизированнаго Германіей и,—до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени,—отдававшая свое предпочтеніе нѣмцамъ. Поскольку къ правамъ, нуждамъ и желаніямъ населенія генераломъ Саррай были усвоены самыя крайнія предупредительность, уваженіе и вниманіе, постольку по отношенію къ офиціальной Греціи онъ проявилъ непреклонную, желѣзную твердость характера и не позволилъ нѣмцамъ использовать своихъ связей и вліяній во вредъ «союзному», а по существу и *чисто-греческому дѣлу* въ Македоніи. Арестъ вражескихъ консуловъ въ Салоникахъ, сѣявшихъ вражду въ населеніи и открыто установившихъ обширную систему шпіонажа, былъ началомъ новой эры. Этотъ и послѣдующіе акты Саррай ясно и категорично говорили о томъ, что союзники больше не позволятъ водить себя за носъ. Coup de Sarrail,—такъ окрестили арестъ консуловъ,—произвелъ колоссальное впечатлѣніе. Генералъ, въ которомъ широко развернулся организаторскій и стратегическій талантъ, зарекомендовалъ себя, кромѣ того, смѣлымъ дипломатомъ, не *боящимся отвѣтственности* за шаги крупнѣйшаго политическаго значенія.

Купленныя нѣмцами газеты къ всеобщему хохоту именовали главнокомандующаго «тираномъ Македоніи» и «спрутомъ». Добродушно смѣялся и самъ генералъ надъ выходками безсильно злобствующихъ нѣмцевъ, огнемъ и мечомъ прошедшихъ Бельгію и Сербію. Смѣялся,—и никакихъ иныхъ послѣдствій выходящіе въ Салоникахъ, т.-е. въ его «деспотіи», листки не имѣли. Характерно, не правда ли?

... Мы приблизились къ укрѣпленію. Въ небольшой расщелинкѣ среди холмовъ бѣлѣли марабу и палатки строящей редутъ роты. Ея командиръ, молодой подпоручикъ, со смѣлымъ взглядомъ и открытымъ лицомъ, непринужденно повелъ гостей по своимъ владѣніямъ. Ротный лагерь, украшенный со всѣмъ вкусомъ, присущимъ французскому «пуалю», представлялъ не совсѣмъ обычное по своему изяществу и чистотѣ зрѣлище. Два греческихъ офицера остановились передъ склономъ, на которомъ зелеными линіями поросшей травой земли было изображено знамя съ его девизомъ: «Родина и честь», а внизу надпись:

«Умереть или побѣдить!».

— Какъ это типично,—сказалъ одинъ грекъ другому.

Да, типично. Типично для солдатъ, прошедшихъ сквозь бои на Изерѣ, въ Шампани и Сербіи и употребляющихъ рѣдкія минуты отдыха отъ лихорадочной работы на украшеніе такимъ образомъ своего лагеря. Типично и для всей Франціи, вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ повторяющей эту гордую фразу,—Франціи миролюбивой, всегда несшей знамя прогресса и теперь не стремящейся ни къ чему иному.

Я смотрѣлъ на представителя этой Франціи, красиваго и молодого, несмотря на свои 58 лѣтъ, величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ простого, и не могъ не повторить въ себѣ словъ моего недавняго собесѣдника:

«Eh, mon vieux, ты человѣкъ, — человѣкъ, какого намъ надо!»...

Въ воздухѣ.

Насъ двое ждало очереди. Я и aumonier,—полковой священникъ о трехъ галунахъ. Лицо у «батюшки» было рѣшительное, смѣлое, глаза сѣрые, проницательные, голосъ властный, жесты опредѣленные, движенія быстрыя и увѣренныя,—словомъ, имѣлъ онъ видъ человѣка, знающаго, чего хочетъ и куда идетъ.

— Вотъ, рѣшилъ полетать,—сказалъ священникъ.— Все я видѣлъ, а этого не испробовалъ.

— Что же именно «все» вы видѣли, господинъ омонье?

— Ну, видѣлъ возстаніе боксеровъ, видѣлъ циклонъ, видѣлъ исчезновеніе цѣлаго города Сенъ-Пьера на островѣ Мартиникѣ, видѣлъ изверженіе вулкана, видѣлъ бои на Изерѣ и въ Шампани, а вотъ на аэропланѣ не леталъ. Интересно...

— Интересно,—согласился и я, натаскивая на себя «по-де-бикъ», или, попросту, французскій полушубокъ шерстью наружу.

Тѣмъ временемъ мой пилотъ, сержантъ Куртадъ, влѣзъ въ мѣховую «комбинезонъ».

— Готово!—сказалъ онъ, и мы съ осторожностью поднялись межъ проволокъ къ нашимъ мѣстамъ.

Впереди завели моторъ, какъ заводятъ автомобили, Куртадъ какъ-то потянулъ двѣ деревянныхъ дужки, напоминающія собой ручки у резиновой системы упраж-

ненія силы, и мы быстро понеслись по полю. Совсѣмъ какъ въ автомобилѣ, послѣдовательными толчками. И вдругъ ощущеніе полной устойчивости! Это мы оторвались отъ земли и шли полнымъ ходомъ къ небу.

Да, къ небу... Салоники быстро уходили внизъ, открывали передъ нами свою внутренность, вытянулись четкими линіями улицъ, площадей, усѣянныхъ круглыми мечетями и острыми минаретами, съ которыхъ больше не кричатъ въ заповѣдные часы муэдзины,—не кричатъ, потому что въ Салоникахъ хозяева—греки...

Каждый домъ, каждая улочка какъ на ладони... Бѣгутъ внизу смѣшные маленькіе автомобили, трамваи, фаэтоны, суетится людская толпа, смотритъ вверхъ, показываетъ на насъ руками. Мы рѣжемъ воздухъ и широкими кругами идемъ все выше и выше. Портъ, такой большой внизу, отсюда виденъ во всемъ своемъ ничтожествѣ, присущемъ созданію рукъ человѣческихъ. Двѣ небольшія параллельныя плотины, одна поперечная, вотъ и все посреди необъятнаго сине-зеленаго воднаго простора... Броненосцы, корабли, миноноски испестрили заливъ во всѣхъ направленіяхъ. Весело попыхивая, одинъ изъ нихъ бѣжитъ къ югу, и широкій жемчужный треугольникъ тянется за нимъ по спокойной глади, ширится, таетъ въ основаніи и быстро растетъ къ вершинѣ.

Все выше и выше... Прорѣзали попутное облако, пронеслись еще разъ надъ сузившимися, приплюснувшимися Салониками, кладбищами съ зелеными кипарисами, и подъ нами внизу побѣжали, понеслись лагери, овраги, пашни, равнины, деревни. Совсѣмъ какъ на картѣ... То, что̀ было подъ нами, есть точное подобіе карты, т.-е., наоборотъ, карта—точный снимокъ съ мѣстности, которую съ аэроплана видятъ *въ совершенно такомъ видѣ*, какъ она изображена на картѣ. Это поразительно, и самый простой способъ научиться читать карту, чему посвящается въ училищахъ столько

времени, состоитъ въ полетѣ на аэропланѣ. Вотъ узкая голубая полоска, — небольшой ручеекъ, коричневый прямоугольникъ — вспаханное поле, вьющаяся черта— проселочная дорога, рядъ небольшихъ прямоугольниковъ,—деревня и т. д., и т. д., только горъ не видно такъ, какъ онѣ обозначаются на картѣ. За десять, за пятнадцать верстъ замѣтенъ каждый изгибъ рѣки, каждый поворотъ, каждый перекрестокъ дорогъ, каждый домъ... Какъ тутъ сбиться въ воздушномъ пути. Развѣ только въ облакахъ, но стóитъ нырнуть въ первую дыру, чтобы снова осмотрѣться и узнать мѣстность...

Горы уменьшались съ поразительной быстротой, дѣлались плоскими, смѣшивались съ равнинами, и только ущелья вьющимися, широкими канавами обозначали ихъ пробѣгъ. Вдали серебромъ заблестѣлъ Вардаръ, подъ нами зачертили свои ломанные зигзаги узкія траншеи, оборонительный человѣческій муравейникъ. И все, все до послѣдняго камешка видно до самаго горизонта: тутъ ничего не скроешь, ничего не спрячешь...

И какъ раньше полководецъ передъ боемъ выѣзжалъ на вершину возвышенности, чтобы съ нея окинуть взоромъ поле своихъ дѣйствій, такъ теперь для него необходимо подняться на авіонѣ и съ воздушной высоты, съ птичьяго волшебнаго полета, охватить разомъ всю грандіозную картину мѣстности и запечатлѣть ее въ своей памяти.

Громадные успѣхи сдѣлала за короткій срокъ военная авіація. Безъ нея невозможно представить себѣ войны, безъ нея армія,—какъ безъ глазъ и ушей.

Возьмемъ хотя бы нашъ нынѣшній театръ борьбы,— македонскій. Фронтъ нашихъ траншей находится верстахъ въ . . . отъ передовыхъ непріятельскихъ линій. Между «нами» и «ими»—наша кавалерія, находящаяся въ постоянной связи съ крайними элементами противника. Но что́ дѣлается тамъ, за горами, за передовыми

заставами, кавалерія знать не можетъ. Военный шпіонажъ при всей своей сложности медленъ въ передачѣ добытыхъ свѣдѣній. Но главнокомандующему стоитъ только снять телефонную трубку, сказать слово въ нее, и черезъ нѣсколько минутъ изъ одной изъ многочисленныхъ «эскадрилей», разбросанныхъ . . . . поблизости къ фронту, вылетитъ красивая, большая птица, понесется со скоростью ста—ста двадцати верстъ въ часъ въ какое угодно подозрительное мѣсто, и черезъ полтора—два часа главнокомандующій не только будетъ имѣть нужныя ему свѣдѣнія, но и фотографическіе снимки мѣстности, расположенія траншей и войскъ...

Аэроплану не страшны горы, пропасти, болота, рѣки, укрѣпленные пункты, останавливающіе всякую другую развѣдку. Единственно, кто можетъ ему помѣшать, это—аэропланъ же противника и климатическія условія...

Во время *дневного* боя большинство рѣшеній главнокомандующаго покоится на результатахъ воздушной развѣдки (конечно, въ области рѣшеній, зависящихъ вообще отъ развѣдки): тамъ происходитъ концентрація войскъ, туда подходятъ резервы, здѣсь—только простая завѣса, направо—эвакуація заднихъ линій, налѣво—кавалерійская засада: все это авіонъ приноситъ съ изумительной быстротой, и все это даетъ возможность командующему принять свои рѣшенія.

Воздушная бомбардировка, вначалѣ игравшая совершенно второстепенную роль, пріобрѣла съ успѣхами техники большое значеніе. «Бомбардье» прекрасно видитъ сквозь устроенное въ днѣ гондолы окно каждый домъ, каждую траншею, все, что́ разстилается подъ нимъ внизу. Передъ нимъ—таблицы, въ которыхъ тщательно вычислены всѣ кривыя паденія въ сообразности съ высотой подъема, скоростью полета и силою вѣтра,—

свѣдѣнія, которыми онъ всегда располагаетъ. Бомбы привѣшены . . . . на особыхъ приспособленіяхъ, и «бомбардье» оставляетъ ихъ падать въ благопріятный по его соображеніямъ моментъ. Обыкновенно ошибка не превосходитъ 50 метровъ, и можно себѣ представить мѣткость подобной бомбардировки при значительномъ числѣ аэроплановъ и небольшой высотѣ. На путь воздушной массовой атаки за послѣднее время и становятся наши эскадрили, и къ концу войны мы увидимъ, безъ всякаго сомнѣнія, «рейды» цѣлыхъ сотенъ аэроплановъ. Рейды противъ укрѣпленныхъ пунктовъ, резервовъ, лагерей, маневрирующихъ войскъ, штабовъ, парковъ, поѣздовъ, мостовъ и т. д.

Уже теперь эти воздушные набѣги приносятъ громадный вредъ, нервируютъ войска, поражаютъ своей неожиданностью. Не успѣлъ цеппелинъ бросить бомбы на Салоники, какъ раннимъ утромъ генералъ Саррай позвалъ къ себѣ молодого капитана, командующаго всей авіацiей въ Македоніи. Выборъ былъ сдѣланъ быстро. И къ полудню нѣсколько «эскадрилей» окутали огнемъ и дымомъ болгарскій лагерь и казармы у города Петрича, расположеннаго въ Болгаріи, у Струмицы, въ ста верстахъ отъ Салоникъ... Все было уничтожено, сожжено, разбито.

Появляется непріятельскій авіонъ, — навстрѣчу ему вылетаетъ особый типъ аэроплана, дѣлающаго около 130 километровъ въ часъ и носящаго названіе «appareil de chasse». Артиллерійскій огонь дирижируется наблюдателемъ - авіаторомъ, связаннымъ безпроволочнымъ телеграфомъ съ командующимъ батареей. Онъ слѣдитъ за дѣйствіемъ огня съ высоты и, оріентируясь по разграфленной на квадраты картѣ, даетъ свои лаконичныя указанія командиру. Тотъ, въ свою очередь, по телефону передаетъ ихъ командующему огнемъ орудія, наводчикъ переводитъ на данный уголъ прицѣлъ, и сна-

рядъ летитъ изъ-за горы въ видимаго только летчику врага. . . . .

Нужно снять планъ мѣстности, — опять-таки аэропланъ приходитъ на помощь и фотографически воспроизводитъ,—конечно, безъ указанія высотъ,—планиметрическое изображеніе участка. Работа мгновенна и точна... И на долю именно авіаціи выпало созданіе карты македонскаго театра войны. . . . .

Сообразно съ этими задачами подѣлена на отряды вся воздушная армія. Она состоитъ изъ развѣдочныхъ, бомбардировочныхъ, охотничьихъ и регулирующихъ артиллерійскій огонь «эскадрилей» (эскадръ). Кромѣ того, имѣется особая фотографическая секція и эскадриль гидроавіюновъ. Каждому роду занятій соотвѣтствуетъ особый видъ аэроплана. Для бомбардировки нуженъ мощный аппаратъ, несущій большой грузъ бомбъ; для преслѣдованія и атаки противника необходимы громадная быстрота и поворотливость въ движеніи и т. д., и т. д. . . . .

Принципъ, положенный въ основу «эскадрили»,—самостоятельность и подвижность. Нѣсколько аэроплановъ, ... образуютъ единицу. «Эскадриль» имѣетъ свой собственный обозъ, свои автомобили, свой складной полотняный ангаръ . . . . Сигналъ по телефону или безпроволочному телеграфу,—и вся эскадра черезъ два часа несется на новое мѣсто. Складной ангаръ—настоящее чудо искусства. Построенъ по очень сложному и хитрому математическому расчету сопротивляемости вѣтру, и практически еще ни разу ни одинъ ангаръ не былъ сорванъ. Командуется такая «эскадриль» молодымъ капитаномъ или лейтенантомъ, образуетъ свою особенную, очень дружную и замкнутую, семью, со своими особыми занятіями, переживаніями и опасностями.

Ремесло авіаторовъ въ Македоніи вдвойнѣ опасно, потому что здѣсь не прощается никакая ошибка, никакая

порча аппарата. Остановка или порча мотора влечетъ за собою спускъ, а спускъ на горы и ихъ скаты—вѣрная смерть. Районъ же дѣйствія нашихъ авіаторовъ весь гористъ. При пролетѣ надъ вершинами они подвергаются обстрѣлу съ незначительнаго разстоянія. Перелетъ надъ узкими обрывистыми ущельями опасенъ изъ-за сильныхъ воздушныхъ теченій. Но работа, выполненная ими, громадна.

... Солнце заходило и розовымъ свѣтомъ освѣщало городъ, море и далекія горы. Мы спускались, кружа надъ заливомъ. Ощущеніе полной безопасности, смѣшанное съ безотчетнымъ восторгомъ моральнаго и физическаго наслажденія, охватывало все существо. Хотѣлось летѣть и летѣть вдаль и въ высь безъ конца, и было жаль спускаться назадъ на землю. Новое, никогда не испытанное, особенное чувство завладѣло душой. Какъ-то по-иному предстала жизнь, новое открылось глазамъ... Теперь нашъ ястребъ кружился надъ авіаціоннымъ полемъ; дома стали больще, выросли розовато-фіолетовыя ближнія горы, замахалъ рукой «омонье», и черезъ мгновеніе послѣдовательными толчками мы катились къ зеленому ангару по сѣрой, обычной землѣ... Стояли у аэроплановъ англійскія миссъ и англійскіе офицеры, слушая внимательно объясненія авіатора. Я съ огорченіемъ снималъ «по-де-бикъ», взволнованный и радостный чему-то новому, что вошло сегодня въ мою жизнь.

Улыбающійся подошелъ священникъ о трехъ галунахъ, въ чинѣ капитана.

— Ну, какъ, monsieur l'aumonier?

— Прекрасно, незабываемо, только что же это,—въ его голосѣ прозвучали какія-то нотки разочарованія,—вѣдь это совсѣмъ, совсѣмъ не опасно. Чувство совершенной устойчивости, какъ у себя за письменнымъ столомъ. А я думалъ...

— Что вы думали? Что это подобно циклону или изверженію вулкана?

— Не совсѣмъ, но въ нѣкоторомъ родѣ...

Мы стояли другъ противъ друга, оба переживавшіе по-своему первый полетъ, но оба отравленные однимъ общимъ желаніемъ: снова летѣть, снова подняться надъ обычной жизнью и по-новому съ высоты взглянуть на нее.

Страна печали и смерти.

I.

Все спалено, все разрушено, все разогнано. Только бѣлыя церковки пощажены, да угрюмыя мельницы по ручьямъ, да пастушьи тростниковые загоны виднѣются на скатахъ холмовъ. Здѣсь огнемъ прошла Греція. Я не знаю, какъ и что дѣлали въ другихъ частяхъ Македоніи ея разноплеменные завоеватели: турки, болгары, сербы,—врядъ ли что-либо доброе,—но здѣсь, въ Килькишской провинціи,—работа греческая. Ѣдешь-ѣдешь,—ни души, кромѣ пастуховъ со стадами овецъ. Зачернѣется деревня,—горе, не деревня,—самыя развалины. Разворочены бѣдныя сакли, однѣ стѣны обгорѣлыя торчатъ, да и тѣ травой поросли. И ничего, и никого. Развѣ выскочитъ, какъ шальной, изъ-подъ камней заяцъ, снимется стая куропатокъ, и все снова тихо-тихо подъ синимъ чистымъ небомъ, подъ жаркимъ декабрьскимъ солнцемъ. А ручьи—такіе прозрачные, что кони оторваться не могутъ отъ воды. Пьютъ жадно изъ каждой рѣчонки. Раскинулась вокругъ пахотная земля, только пашенъ нѣтъ,—пахарь или убитъ, или прогнанъ. Македонія должна была быть раньше житницей Балканъ. Стоитъ только посмотрѣть на многочисленныя мельницы-«водяницы», на ея богатыя церковки.

Войдешь въ церковку и стоишь, какъ зачарованный.

Ужъ не во снѣ ли это приснилось, не изъ далекаго ли дѣтства смутныя воспоминанія, неясныя предчувствія? Расписана церковка какъ поле по веснѣ цвѣтами. Сплошной иконостасъ весь въ иконахъ наивныхъ, и строгихъ, и яркихъ, и безотчетно милыхъ. Смотришь—не насмотришься. Видно, крѣпко любили свою вѣру люди, ежели домъ Бога своего могли такъ убрать, такъ украсить.

Потолокъ—въ цвѣтахъ, амвонъ—въ цвѣтахъ: по желтому алые, чёрные цвѣтики, царскія врата горятъ золотомъ, и сотни иконъ глядятъ на васъ ласковыми очами. Вьются цвѣты по колонкамъ, у ногъ Божіей Матери, въ запрестольной нишѣ. А деревенька-то вокругъ, хорошо, въ тридцать—сорокъ домовъ была. Нѣтъ, крѣпко надо было любить свою вѣру, чтобы подъ туркомъ такіе храмы создавать.

Такъ-то было подъ туркомъ, а нынче здѣсь освободитель пришелъ. Освободитель выгналъ жителей, деревеньку спалилъ, церковка рушится; даже аистъ съ колокольни куда-то улетѣлъ. Осиротѣла колоколенка безъ аиста. А все же церковка не осталась безъ дѣла. Къ Божіей Матери воскомъ монетки прилѣплены, въ лампадѣ масло налито. Подошелъ пастухъ изъ сосѣдняго загона:

— Нѣтъ,—говоритъ,—попа, убѣжалъ попъ съ народомъ въ Болгарію въ тринадцатомъ году, а храмъ—все храмъ. Мы сюда приходимъ, масло палимъ, молитвы творимъ.

— Да вы кто такіе?

— Мы—македонцы, греки-македонцы, а земля вся—турецкая.

— Какъ такъ турецкая?

— Турецкаго бея; уѣхалъ бей послѣ войны въ Стамбулъ, только платить все жъ надо за траву,—дорого бей беретъ.

— А какъ деревня стояла, чья земля была?

— Да все жъ его, турецкаго бея.

— Ну, хорошю, а скажи, братъ, кто село пожегъ?

— Грекъ спалилъ, не добро дѣло: село спалилъ, людей выгналъ, не добро.

— Слушай, братъ,—внезапно обрываетъ онъ рѣчь.— Молимъ: убери своего коня съ травы. Трава овцамъ нужна.

Эхъ, пожалѣлъ пастухъ щепоть травы. Отодвинулся конь, вздохнулъ,—ничего не подѣлаешь, терпѣть надо. А трава вкусная, и цвѣты уже побѣжали по ней.

Пошелъ вокругъ церковки. Мраморные небольшіе крестики отмѣчаютъ могилы.

«Тукъ почива Михаилъ Танчовъ»; всѣ крестики начинаются со словъ «тукъ почива», и сколько ни обошелъ я сельскихъ кладбищъ въ Македоніи межъ Вардаромъ и Галико, всюду видѣлъ эту начальную фразу. Болгарское было раньше здѣсь населеніе. По-болгарски говорилю, молилось, и послѣ смерти болгарскимъ оставалось.

Было, а теперь нѣтъ.

Стоитъ въ развалинахъ большой городъ Кукушъ. На вершинѣ намъ нимъ бѣлѣетъ монастырь святого Георгія, патрона Македоніи. Драгоцѣнность несказанная этотъ монастырь,—чудо македонскаго искусства. Въ день праздника сходились въ него молиться со всей округи и болгары, и греки, и даже турки. Такъ-то было раньше подъ туркомъ, а теперь нѣтъ. Потому, что православный монастырь принадлежитъ отцамъ-лазаристамъ, католикамъ. Только прежде это никого не смущало,— нынче иныя дѣла пошли.

Былъ Кукушъ богатъ и многолюденъ. Восемь тысячъ болгаръ, двѣ тысячи турокъ. Пришли болгары, завоевали его у турокъ. Какъ подходили они къ городу,—турки снялись и побѣжали въ Турцію. Но болгары дома ихъ пощадили. Восемь мѣсяцевъ занимали

они Кукушъ, а потомъ началась братоубійственная война. Послѣ боя у Кукуша, все населеніе ушло съ болгарской арміей въ Болгарію, а новые завоеватели, греки, въ теченіе нѣсколькихъ дней жгли это «гнѣздо комитаджи» (четниковъ). Мало домовъ уцѣлѣло отъ разгрома, мечеть да турецкія пустыя казармы,—лиловыя, синія, желтыя.

Выкурили греки жителей, но духа болгарскаго не выкурили. Сегодня—ярмарка въ Кукушѣ; вѣрнѣе—базарный день. Куда ни обернись,—всюду болгарская рѣчь и лица славянскія.

— Всталъ братъ на брата, — сокрушенно говоритъ мнѣ житель,—болгаринъ—на серба и черногорца, а турокъ, грекъ и румынъ выгадываютъ. Народу-то, народу-то славянскому объединяться надо было бы, а не въ руку нѣмцу играть. Только народъ не воленъ. А чего не подѣлили сербы и болгары? Ничего. Все ихъ правительство виновато. Оттого и война освободительная въ разбойничью обратилась. При туркѣ и то лучше было.

— Болгарія добра, Кобургъ не добро́, Фердинандъ-нѣмецъ не добро, — говоритъ болгарскій дезертиръ, грекъ по происхожденію.

— Болгарскій народъ добро, болгарскій народъ за Рассейской плачетъ, братушка, — разсказываетъ онъ мнѣ.—Только Фердинандъ не добро.

Бѣжалъ онъ изъ Фердинандовой арміи, боясь, что ее двинутъ противъ грековъ. И много грековъ, подданныхъ Кобурга, ежедневно бѣжитъ на наши аванпосты.

— А что, братушка,—спрашиваетъ онъ,—будетъ ли высадка въ Варнѣ? А то, можетъ, Рассея черезъ Румынію пойдетъ? Какъ русскій солдатъ на границѣ покажется, начнутъ болгаре сдаваться. Весь народъ въ Болгаріи Рассею ждетъ.

Вѣчный вздохъ Балканъ: почему Россія не идетъ?

... Выгнали коренныхъ жителей съ насиженныхъ мѣстъ, стали населять новоселами. Самый Кукушъ переименовали въ Килькишъ,—только имя это не пристало. Не пристали къ мѣсту и новоселы. Собрались они со всѣхъ концовъ. Бѣженцы греческіе изъ турецкой Ѳракіи, со Струмицы болгарской, изъ сербской Македоніи. Наскоро перекрыли развалины и живутъ бѣдные - пребѣдные, клянутъ свою долю, и во снѣ и наяву видятъ возвратъ на родныя мѣста. Словно кадриль трагическая... Одни бѣжали въ Кукушъ, а бѣженцы изъ Кукуша, можетъ быть, ихъ мѣста заняли и тоже мечтаютъ о возвратѣ на пепелища. Перемѣшалось все населеніе... Раньше турокъ не любили гуртомъ, а теперь всѣ другъ друга ненавидятъ, ибо другъ друга пожгли, въ родныхъ гнѣздахъ другъ друга заселились. И, кажется, съ этой ненавистью сгорѣла безъ остатка красивая мечта независимой Македоніи, что шла къ западу отъ Салоникъ далеко за Вардаромъ и захватывала все вплоть до старой Болгаріи.

— Съѣли Македонію четыре короля,—говоритъ грекъ-македонецъ,—эхъ, бѣда неизбывная. Не видно конца этой бѣдѣ. А тутъ ли не быть счастью? Климатъ теплый, земля богатая, море близко, всѣ пути не заказаны. Только режима устойчиваго не было. Жалъ турецкій чиновникъ, грабилъ турецкій бей. Думали освободиться,—анъ вышло хуже. Разодрались короли между собою, а народъ ни при чемъ. Все же горе народу досталось. Однако настанетъ красный день и для насъ. Не все кривда вверху будетъ.

Ждетъ македонецъ, когда правда кривду побьетъ, однако, я думаю, не скоро его мечты сбудутся. Надолго Македонія страной печали и смерти останется.

По всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ сохранилась жизнь,—та же картина. Бѣженцы, бѣженцы и бѣженцы. Самые счастливые изъ нихъ, это—цыгане, кото-

рые раньше жили наѣздами, а нынче на осѣдлую жизнь въ развалинахъ перешли. Населится разбитое село бѣглецами, и работаютъ они всѣ или на грека, что въ Солуни или въ Аѳинахъ сидитъ, или на турецкаго бея въ Стамбулѣ.

Пошелъ я по кукушскому базару, какъ вдругъ метнулись мнѣ въ глаза... хурджины!.. Себѣ не вѣрю: смотрю, приглядываюсь, — стоитъ добрый человѣкъ, платье на немъ европейское, шляпа широкая, а на плечахъ хурджины... По-русски—сумы переметныя, а по-грузински—хурджины.

Обрадовался хурджинамъ, тронулъ добраго человѣка за плечо, сказалъ ему по-грузински:

— Камарджоба кацо!

— Карти марджосъ,—отвѣчаетъ мнѣ человѣкъ и ажъ въ лицѣ измѣнился отъ неожиданности.

А потомъ заговорили по-русски. Оказывается, цѣлый кварталъ греческій, русскихъ грековъ съ Кавказа, имѣется въ Кукушѣ. Побѣжалъ къ землякамъ. Бѣдныя сакли, кругомъ стройка идетъ, на солнцѣ тряпье сушится. Женщины въ кавказскихъ платьяхъ стоятъ. Позвали мнѣ двухъ парней. Совсѣмъ кавказскіе хлопцы,—загорѣлые, смуглый румянецъ на щекахъ, глаза блестятъ, улыбка привѣтливая.

Какъ попали, спрашиваю, какъ живете? Мотаютъ головами, спѣшатъ разсказать, перебиваютъ другъ друга.

— Греческіе агенты,—говорятъ,—заманили насъ сюда. Всякихъ чудесъ понаобѣщали. Земли сколько хочешь, удобства всякія. Снялись мы съ Кавказа, изъ-подъ Карса, изъ-подъ Тифлиса, около тысячи домовъ, тронулись въ путь...

— Какъ такъ, ничего не разузнавъ напередъ?

— Нѣтъ, мы сначала послали ходоковъ. Ходоки пріѣхали въ Солунь, посмотрѣли, вернулись обратно. Нѣтъ,—говорятъ,—такого города въ свѣтѣ, какъ Сало-

ники, нѣтъ краше страны. Пріѣхали мы въ Солунь, двинулись вглубь и сразу поняли, что горя здѣсь не расхлебать. Домовъ пятьсотъ сейчасъ же назадъ ушло, на Кавказъ...

— Ну, а вы, оставшіеся?

— А мы пришли сюда, въ Кукушъ, и въ деревни сосѣднія. Земли сколько хочешь,—бери всю, хоть вплоть до горъ, только обрабатывать ее нечѣмъ. Вотъ видите, строимъ дома изъ глины, лѣса нѣтъ, бѣдно вокругъ, и никто никакой помощи не окажетъ. Тутъ, чтобы работать, надо нашихъ быковъ. Только у насъ ихъ купишь за пятьдесятъ рублей, а здѣсь надо триста—четыреста заплатить.

Помолчали съ минуту и снова затарахтѣли вперебой:

— Много нашихъ померло отъ лихорадокъ. Народъ вокругъ нехо-о-орошій. Всякъ волкомъ смотритъ. У, всѣ-всѣ злые... Сбѣжались отовсюду и всѣхъ ненавидятъ.

Снова помолчали, а потомъ младшій, понизивъ голосъ, спросилъ:

— А, какъ думаете, господинъ офицеръ, придетъ сюда русская армія?

— А что?

— Да ее весь народъ ждетъ. Я бы сейчасъ въ солдаты поступилъ, всѣ наши снова на Кавказъ ушли бы. Мало-мало кто остался бы. И то ждемъ, когда дороги откроются, чтобы назадъ вернуться. Мѣста-то вѣдь наши тамъ не заняты, намъ родственники пишутъ...

— Хорошо въ Россіи,—подхватилъ другой,—охъ, хорошо какъ! Народъ хорошій, а здѣсь—одно слово бѣженцы. Болгары всѣ,—неожиданно заключилъ онъ.

— Ну, что вы говорите, болгары вѣдь ушли, это—бѣженцы-греки.

— Бѣженцы-греки? А почему они по-болгарски го-

ворятъ? Почему они никого не любятъ? Плохо, плохо здѣсь русскому человѣку.

Вотъ ужъ подлинно, что имѣешь,—не жалѣешь, потеряешь,—плачешь.

Попрощался я съ земляками, съ землячками и пошелъ прочь. Солнце горитъ на вершинѣ креста св. Георгія, стелется разоренная македонская земля отъ Солуни и Богъ его знаетъ докуда. Нѣтъ конца-краю ея безысходной печали, ея безысходному горю. Плачутъ по ней, какъ по доброй матери ея разогнанныя разноязычныя дѣти, клянутъ ее, какъ злую мачеху, разноязычные, подневольные пріемыши, и зрѣетъ вокругъ новая буря, новый смертоносный ураганъ...

II.

Нынче день выдался на-славу. Солнце. Тихо. Не шелохнетъ. Въ окопахъ, словно муравьи, работаютъ «питу»,—les petits pitous,—какъ ласково зовутъ пѣхотныхъ солдатиковъ.

Видъ рѣдкостный. Впереди, на зеленой лужайкѣ, раскинулась деревушка. Такія ужъ краски въ Македоніи: вотъ—земля, сѣрая, обыкновенная земля. А отошелъ на два километра—и видишь ее не сѣрой, а фіолетовой, дальше—синеватой, а еще подалѣ смѣшались краски въ какой-то новый цвѣтъ. То же съ потокомъ: то онъ блеститъ серебромъ, то онъ красновато-сѣрый, а то въ сумерки блѣдно-синій. Подошелъ вплотную,—мутная, простая рѣка. Сегодня онъ кирпичный. За нимъ, на правомъ берегу, словно на дыбы встала короткая, темносиняя, какъ морская застывшая волна, горная цѣпь. Позади деревушки—старинный курганъ, а за нимъ въ прозрачно-фіолетовой дали—голубыя, небеснаго цвѣта горы. И если бы не эти ослѣпительно-бѣлыя, серебряно-сѣдыя вершины,—ни за что не догадаться объ ихъ

существованіи, такъ онѣ сливаются съ голубизной горизонта.

И за вытянувшимися недвижно-сонными озерами угадываешь, различаешь и Гиссаръ-Тепе, и гору Дубъ, и маленькія деревушки, гдѣ въ туманѣ неожиданными ущельями шли на позиціи наши войска. Странно здѣсь сошлось прошлое съ настоящимъ. Чудесный римскій фонтанъ наверху, а у желѣзной дороги подковообразный турецкій. Въ ходѣ сообщенія бетонированнаго редута отрыли римскія вазы. Подъ помѣщеніемъ полковника оказался цѣлый лабиринтъ древнихъ галлерей. Обшили ихъ досками, и второй подземный этажъ готовъ. Отъ римскаго фонтана воду отвели въ бетонныя цистерны. Рядомъ съ дорогой, строенной галльскими легіонами, прокладывается «дековилька», а стройщиковъ,—французскихъ «питу», одѣтыхъ въ голубую одежду,—населеніе зоветъ галлами. И тутъ же посреди нашихъ траншей—жалкіе остатки примитивныхъ окоповъ греко-болгарской войны. На захваченномъ редутомъ сельскомъ кладбищѣ смѣшались послѣдовательныя волны человѣческихъ потоковъ. Болгарскія могилы смѣнились турецкими, турецкія—греческими, и рядомъ съ утоптанными холмиками почившихъ въ 13-мъ году пріютился свѣжій бугорокъ надъ прахомъ убитаго бомбой съ германскаго аэроплана греческаго солдата...

Копошатся подъ землей, врѣзываются въ нее солдатики... Въ сторонѣ полковая музыка разучиваетъ вальсъ. Старинный испанскій вальсъ. Слышанный давно-давно, въ дѣтствѣ. Музыканты—въ синихъ беретахъ съ блестящими черезъ плечо ладунками для нотъ. Странно звучитъ здѣсь, на берегахъ рѣки, тягучій и знойный испанскій вальсъ. Отбиваютъ тактъ кастаньеты, заливается корнетъ, и вдругъ вальсъ обрывается.

— Си-бемоль, скотина!—кричитъ «шефъ».

— І-аі-а,—протяжно оретъ запутавшійся въ проволоч-

ной сѣти оселъ, и музыканты хохочутъ неожиданному отклику.

— Вотъ тебѣ и си-бемоль...

Снова звучитъ вальсъ, по-прежнему лязгаютъ о камни кирки работающихъ въ окопахъ «пуалю»; остановился впереди, смотритъ, не можетъ глазъ отвести,—заслушался,—пахарь-македонецъ. Соха у него точь-въ-точь та, чтó лѣтъ двадцать тому назадъ царила безраздѣльно на русскихъ поляхъ. Провелъ борозду и слушаетъ, а галки жадной нитью вытянулись по свѣже-вспаханному полю и клюютъ всякую земляную тварь, вывороченную на свѣтъ Божій. Клюютъ, прожорливо глотаютъ и что-то быстро-быстро, словно торговки на базарѣ, говорятъ.

— Та-та-та-та,—затрещала знакомая пѣсня.

Всѣ смотрятъ въ небо, гдѣ двѣ блестящихъ воздушныхъ птицы вступили въ пулеметный бой. Только пара друзей,—бѣлая и пѣгая лошади,—продолжаютъ усердно вылизывать другъ другу шеи. Черезъ минуту «альбатросъ» повернулъ назадъ и понесся къ голубымъ съ сѣдыми вершинами горамъ. Скатертью дорога, негодникъ!

Музыканты вновь принимаются за свой вальсъ, медленно ведетъ борозду македонецъ, стучатъ заступы, и гдѣ-то вправо гремятъ пушки,—видно, по другому «альбатросу».

И мирно, и тихо, несмотря на кастаньеты, и выстрѣлы, и солдатскіе разговоры.

Когда же спускается вечеръ, на западѣ начинается оргія красокъ. Расплавленное золото и пурпуръ, и старинное серебро, и сирень, и блѣдно-розовый, и ярко-желтый, и темно-синій, и фіолетовый,—всѣ цвѣта горятъ, переливаются, умираютъ, затягиваются серебристымъ пепломъ и потомъ разомъ гаснутъ за далекими горами. А надъ рѣкой встаютъ синіе-синіе туманы.

У входа въ деревню, около фонтана, стоитъ Евстаѳій.

— Здравствуй, братецъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе.

Евстаѳій знаетъ службу. Въ русско-японскую войну онъ былъ въ западно-сибирскихъ стрѣлкахъ. И хотя съ той поры прошло добрыхъ десять лѣтъ, а онъ самъ превратился въ греческаго поселенца, однако передъ офицеромъ становится на вытяжку, грудь, затянутая въ архалукѣ, впередъ, глаза въ точку, руки по швамъ...

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Бика привелъ на водопой, ваше благородіе.

На самомъ дѣлѣ у каменной колоды крутится маленькій, замухрышный бычокъ.

— Это откуда такое сокровище?

— Казна давалъ, нашъ царь Константинъ, чтобы, значитъ, поле засѣить...

Евстаѳій остановился, посмотрѣлъ на быка, сплюнулъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Только ничего этотъ бикъ не стоитъ, не то што буйволъ на Кавказѣ... Эхъ, хорошо было на Кавказѣ. Все хорошо, народъ хорошій,—а здѣсь все дурной. Па бунъ, па бунъ...,—добавилъ онъ въ уваженіе къ моей французской формѣ.

— Гайда, гайда!—вдругъ заоралъ онъ неистово на быка, разражаясь рѣчью на греко-турецко-русскомъ языкѣ съ великолѣпнымъ кавказскимъ акцентомъ.

Быкъ взглянулъ, покорно понурилъ голову и поплелся къ саклѣ. Мы съ Евстаѳіемъ позади.

— Зачѣмъ же ты пріѣхалъ сюда?

— Зачѣмъ? По глупости нашей. Думалъ, и то будитъ, и то будитъ. А тутъ ничего нѣтъ. Всѣ деньги, что привезъ, проѣли, одежда съ Кавказа уже сносилась, ничего больше нѣтъ. Скотину не имѣемъ, земля—другая, лихорадка... Нѣтъ никакой помощи.

У развалины сидѣли женщины. «Тавсакрави», монисты

изъ монетъ, платки, головные уборы, на ногахъ чусты. Дѣвчонка жуетъ кеву. Ну, совсѣмъ какъ въ Тіонетахъ.

— Зайди къ намъ, ваше благородіе,—просилъ Евстаѳій.

Мы всѣ вошли въ прикрытыя жалкой черепицей руины. Всѣ,—быкъ, женщины, Евстаѳій, ребенокъ и я. Туда же и куръ загнали. Охъ, какъ бѣдно и грязно внутри!

— Вотъ такъ и живемъ, ваше благородіе. Что завтра будетъ,—не знаемъ. Жена больная, сестра больная, дитя больное, я самъ тоже хвораю. Лихорадка. Нѣтъ никакой помощи...

Въ стѣнѣ—небольшое полукруглое отверстіе. У отверстія—столъ съ плитками шоколада, свѣчами, папиросами, инжиромъ и всякою дрянью.

— А это что такое?

— Торгуемъ маленько. Солдатамъ продаемъ. Слава Богу, небольшой заработокъ теперь есть...

— Откуда же у тебя деньги для начала нашлись?

— А очинь просто. Солдаты женѣ бѣлье даютъ мыть и платятъ, хорошо платятъ. Вотъ на эти деньги начали торговать... Хорошіе солдаты французскіе...

Еще бы не хорошіе! За все платятъ бѣшеныя деньги, никогда не позволятъ себѣ обидѣть жителя, да еще даютъ хлѣбъ, мыло и прочее. Почему-то греческія власти выселили изъ нашей деревушки всѣхъ жителей, оставивъ только земляковъ-кавказцевъ. И послѣдніе изъ ничего дѣлаютъ деньгу, вознаграждая себя за все упущенное время, за всѣ македонскія лишенія. Эфемерное счастье, построенное на зыбкомъ пескѣ нашего пребыванія. Уйдемъ мы,—и заработанныя деньги быстро уйдутъ на пропитаніе, и снова потянутся голодные дни въ развалинахъ, оставленныхъ выгнанными болгарами, и изъ синихъ тумановъ къ нимъ, непривычнымъ пришельцамъ, придетъ старая гостья,—малярія. Выраститъ но-

вый рядъ могилокъ. Въ сладкихъ и горькихъ воспоминаніяхъ о покинутой родинѣ все ниже и ниже по лѣстницѣ человѣческаго бѣдствія спустятся переселенцы.

И всюду такъ по Македоніи. Никакой нѣтъ помощи, какъ говоритъ Евстаѳій. Дорогъ нѣтъ, школъ нѣтъ, медицинской помощи нѣтъ, ничего, ничего, ничегошеньки нѣтъ...

Порой смотришь и, кажется, въ Сенегаліи и то лучше, и то больше общественной и правительственной заботы. Хотя бы правительство это воплощалось въ видѣ голаго, губастаго негра...

— Грекъ,—сказалъ мнѣ мѣстный старожилъ, самъ эксплоатирующій всю округу,—грекъ—такой человѣкъ: смотритъ, гдѣ бы взять, а самъ никогда ничего не даетъ.

И вѣрно: кромѣ пожара, разоренія и налоговъ, грекъ ничего съ собою въ Македонію не принесъ.

И вновь проходятъ передо мной разоренныя деревни, сожженныя мѣстечки. Развалины заселены наскоро бѣженцами со всѣхъ концовъ свѣта, людьми, отданными въ полную кабалу помѣщику. Тамъ богатый турокъ самъ живетъ въ Константинополѣ, оставивъ на мѣстѣ субаши. И вся округа работаетъ на него. Все ему принадлежитъ,—остатки пожженныхъ домовъ, скотина, поля, утварь. Оборванные цыгане работаютъ въ поляхъ, сербскіе пастухи платятъ ему треть своихъ доходовъ за пастьбу, и никакихъ у него обязательствъ по отношенію ко всему этому люду нѣтъ. Кромѣ одного,—обдиранья.

Въ другомъ мѣстѣ вся округа принадлежитъ толстому греку изъ Салоникъ, заселена румынами, въ третьемъ хозяинъ—испанскій еврей, а въ рабахъ—турки, въ четвертомъ царь и богъ—греческій депутатъ, подданные же—болгары, пощаженные по случаю нахожденія ихъ въ депутатскомъ селѣ отъ грабежа и пожога прошлой освободительной войны...

Недалеко отъ насъ—небольшая деревня. Въ бѣломъ домѣ живетъ въ ней мой пріятель. Онъ—албанецъ изъ Эпира, выжженнаго греками въ позапрошлую войну, т.-е. двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—методы, какъ видите, все тѣ же. Его отецъ за это время успѣлъ пройти въ греческіе депутаты, да еще правительственные.

Деревню эту они купили вмѣстѣ со всей живностью, домами и двадцатью тысячами десятинъ земли за двѣсти тридцать тысячъ франковъ. Заселили ее всякими бѣженцами и умудряются съ этихъ полуголыхъ людей выжимать въ годъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Ибо берутъ съ нихъ треть всѣхъ полученныхъ продуктовъ.

— Что же они ѣдятъ?—спрашиваю я его.

— Пхе,—отвѣчаетъ онъ съ неопредѣленнымъ жестомъ.—Немного кофе, немного молока, немного кукурузнаго хлѣба, немного рису, много травы...

— Какъ травы?..

— Травы, есть такая трава,—женщины ищутъ въ полѣ. Немного ѣдятъ бѣдные люди.

— Ну, а когда продадутъ свой урожай?

— Пхе, когда деньги будутъ, покупаютъ въ Солуни мяса, много вина, много всего, потомъ ѣдятъ, пьютъ, пока ничего не останется,—дикіе люди. Глупые.

— Что же они отъ лѣни такіе бѣдные?

— Какой лѣни? Цѣлый день въ нашихъ поляхъ работаютъ съ утра до вечера. Бѣдные люди...

— Гдѣ же они вѣнчаются, молятся?—заинтересовался я религіознымъ вопросомъ.

— Пхе,—хихикнулъ мой албанецъ,—попа нѣту, прямо дѣвку въ домъ беретъ, много пьютъ, ѣдятъ,—вотъ и свадьба... Дикіе люди.

— Гмъ, не вѣрятъ, значитъ, въ Бога.

— Какъ не вѣрятъ,—возмутился онъ,—очень даже вѣрятъ. Только церкви нѣтъ, попа нѣтъ. Мы—мусульмане, они—христіане. Мы имъ дали пять тысячъ фран-

ковъ, чтобы церковь построить. Вонъ камень начали даже возить, когда война началась. Ну, дѣло встало, деньги разошлись тоже. Но у нихъ есть такой домъ, гдѣ они молятся... Хорошіе люди...

— Петре, Петре,—закричалъ онъ.

Пришелъ плутоватый, черноглазый, крѣпко сбитый македонецъ.

— Самый богатый на селѣ. Онъ же церковью завѣдуетъ,—пояснилъ албанецъ.—Петре, поведи насъ въ церковь.

Маленькая конура. Въ ней нѣчто въ родѣ престола. Тутъ же приборъ для варки турецкаго кофе.

— Пастухи забыли,—говоритъ Петре.

На столѣ—икона, на стѣнѣ—другая. Къ иконамъ воскомъ прикрѣплены монетки, на окнѣ лежатъ тоненькія желтыя свѣчки. Кто хочетъ,—зайдетъ, поставитъ свѣчку, положитъ монетку...

— Какъ же вы молитесь?

Петре мнется. За него отвѣчаетъ албанецъ:

— Бѣдные люди... Рано утромъ, въ 5 часовъ, приходятъ сюда, жгутъ свѣчи, думаютъ свои молитвы, потомъ расходятся...

Думаютъ свои молитвы...

— Какія молитвы?

— А каждый свое, что ему надо...

Вышли изъ церкви, пришли снова въ бѣлый домъ. Въ бѣломъ же домѣ—«магазинъ». Все, что есть самаго плохого изъ продуктовъ мелочной лавки, продаетъ въ немъ мой албанецъ. Онъ—ихъ мэръ, ихъ хозяинъ, ихъ поставщикъ, кредиторъ, покровитель... И тѣ двѣ трети, что якобы остаются крестьянамъ, конечно, переходятъ въ его широкіе карманы посредствомъ займовъ и лавочки.

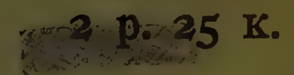
— Послѣ войны,—мечтательно говоритъ онъ,—заведемъ машины. Машинами работать будемъ.

Сѣли всѣ вмѣстѣ. Богачъ-албанецъ, его поваръ, Петре и я. Принесли четыре чашки горячаго кофе. Пьемъ всѣ, какъ равные.

— Пхе,—говоритъ хозяинъ,—бѣдные люди... Никакой помощи нѣтъ.

Таковъ вѣчный стонъ Македоніи,—въ странѣ, гдѣ *думаютъ* свои молитвы.

Страна несбывшихся надеждъ. Страна печали и смерти.

2 р. 25 к.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульв., 6.

[illegible]

